
Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 5

Выходит 5 раз в год

2012

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2010 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik-mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 5

Issued 5 times a year

2012

Series «History and Political Sciences»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.фил.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)
Левченко М.Н. – д.фил.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозеров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коничев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.фил.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.фил.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Пасечник В.В. – д.п.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф-м.н., проф. МГТУ им. М.Л. Шолохова
Троиц К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.фил.н., проф., Институт иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
M.N. Levchenko – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
V.E. Belozero – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
L.N. Bogolyubov – member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulyn – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitzevich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor of the Sholokhov Moscow State University for the humanities
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Uxhan University (China)

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»
Series editorial board «History and Political Sciences»

Ответственный редактор серии:
Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор
Заместитель ответственного редактора серии:
Волобуев О.В. – доктор исторических наук, профессор.
Ответственный секретарь серии:
Насонова С.А. – кандидат исторических наук.
Члены редакционной коллегии серии:
Журавлев В.В. – д.и.н., проф.; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф.;
Фукс А.Н. – д.и.н., проф.; **Абрамов А.В.** – к.полит. н., доц.; **Дж. Гонзалес**, доктор наук, университет Воллонгонг (Австралия);
Могильницкий Б.Г. – д.и.н., проф. (ТГУ, Томск); **Протасов Л.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Тамбов); **Наталици М.** – доктор наук (университет Сиена, Италия); **Воронин С.А.** – д.и.н., проф. (РУДН, Москва)

Editor-in-chief:
N.I. Smolensky, Doctor of History, Professor
Deputy editor-in-chief:
O.V. Volobuyev, Doctor of History, Professor
Executive secretary of the series: **S.A. Nasonova**, Ph.D. in History
Members of Editorial Board: **V.V. Zhuravlev**, Doctor of History, Professor; **V.N. Zakharov**, Doctor of History, Professor; **A.N. Fuks**, Ph.D. in History, Professor; **A.V. Abramov**, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor; **J. González**, Doctor of Science (University of Wollongong, Australia); **B.G. Mogilnitsky**, Doctor of History, Professor (Tomsk State University; Tomsk); **L.G. Protasov**, Doctor of History, Professor (Tambov State University; Tambov); **M. Natalici**, Doctor of Science (University of Siena, Italy); **S. Voronin** – Doctor of History, Professor (People's Friendship University of Russia).

ISSN 2072-8360

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 5. – М.: Изд-во МГОУ. – 156 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № **ФС77-26139**

Индекс серии «История и политические науки» по каталогу агентства «Роспечать» **36765**

ISSN 2072-8360

Bulletin of the MSRU. Series «History and Political Sciences». – 2012. – № 5. – М.: MSRU Publishing house. – 156 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № **ФС77-26139**

Index series «History and Political Sciences» under "Rospechat" agency catalog **36765**

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

Белов А.В. Города современного Подмосковья в 1812 г.: история и историография.....7

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Захаров А.Н. Мероприятия по экстренному приведению в боевую готовность приморских крепостей Российской империи в 1863 г. 14
Волобуев О.В. Письма трудящихся И.В. Сталину. 1946 год: историко-политологический аспект 25
Захарова А.А. Роль городского головы в самоуправлении жизни города в первой половине XIX в. (по материалам Московской губ.) 31

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира, Средних веков и Нового времени

Сафронов А.В. Новые данные о миграциях «народов моря» 39
Коровчинский И.Н. Монументальные алтари храма Окса и его культы..... 46

Новейшая история

Машкин М.Н. Колониальные цели кайзеровской Германии в 1918 г..... 51
Фирсов М.В. Основные тенденции теории и практики социальной работы во Франции в период между двумя мировыми войнами 58
Макаренков М.В. Австрия и европейская экономическая интеграция (1945-1960 гг.)..... 63
Фирсов М.В. Становление социальной защиты и социальной работы во Франции в 40-50-е годы XX столетия 70
Жиряков И.Г., Барабанов М.В. Социально-экономические ожидания от «посткоммунистической» трансформации в странах Восточной Европы и их реализация (90-е годы XX – начало XXI вв.)..... 74
Курина Т.Е. Обеспечение безопасности объектов и субъектов туристской индустрии в контексте развития туризма: исторический опыт..... 81

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Захаров В.Н. Купцы из Восточной Прибалтики в Москве в XVIII веке 87
Собко Е.М. Россия, Пруссия и «австрийское наследство»: проблемы внешнеполитической стратегии петербургской дипломатии..... 93
Трухин М.Д. Идея Учредительного собрания в воззрениях лидеров революционной организации «Народная воля» 99

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Рубан М.В.</i> Историческое значение Победы советских войск в битве на Волге (к 70-летию Сталинградской битвы).....	106
<i>Харрасов Ф.Ф.</i> Жилищная политика в БАССР и ее реализация в период 1953-1964 гг.	110
<i>Никитаева Е.Б.</i> Политика ликвидации «неперспективных» сели деревень в 1960-1970 гг. и ее последствия для Центральной России	115

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Джантуева Ф.</i> Кабардино-Балкария: от политического митинга к гражданскому обществу ..	118
<i>Егунов Э.В., Матаев А.С., Попкова А.А.</i> Территориальное общественное самоуправление – технология повышения социальной активности населения в муниципальных образованиях	123
<i>Растимешина Т.В.</i> Влияние политики культурного наследия на политическую культуру современного российского общества	128
<i>Рудакова Е.Н.</i> Государственная образовательная политика: этапы становления и современное состояние	136
<i>Синчук Ю.В., Синчук И.Ю.</i> К вопросу о безопасности российского государства	141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Рубан М.В.</i> Вожди правомонархистов: к вопросу о проблеме лидерства в Союзе Русского Народа (рецензия на монографию Д.Д. Богоявленского «Проблема лидерства в союзе русского народа»).....	148
Межвузовская гуманитарная конференция в Университете машиностроения	151
НАШИ АВТОРЫ	153

CONTENTS

SECTION I. HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

- A. Belov.** The cities of modern Moscow area in 1812: history and historiography 7
A. Zakharov. The emergency measures on putting on alert the coastal fortresses of the Russian Empire in 1863..... 14
O. Volobuyev. Working people's letters to I.V. Stalin. 1946: historical and political aspect 25
A. Zaharova. The city mayor's role in the city self-government and city life in the first half of XIXth century (on the materials of Moscow District) 31

SECTION II. GENERAL HISTORY

History of the Ancient and Middle Ages

- A. Safronov.** New data about the Sea Peoples' migrations 39
I. Korovchinskiy. The monumental altars of the Oxus Temple and its cults..... 46

Contemporary history

- M. Mashkin.** Colonial aims of Kaizer Germany in 1918 51
M. Firsov. The main tendencies of social work theory and practice in France in the period between the Two World Wars 58
M. Makarenkov. Austria and the European economic integration (1945-1960) 63
M. Firsov. The formation of social protection and social work in France in 40–50s of the XXth century..... 70
I. Zhiryakhov, M. Barabanov. Socio-economic expectation from the “post-communist” transformation in the countries of Eastern Europe and its implementation (the 90-s of XX – the beginning of XXI centuries) 74
T. Kurina. Ensuring the safety of objects and subjects of the tourist industry in the context of tourism development: the historical experience 81

SECTION III. HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

- V. Zakharov.** Merchants from the Eastern Baltic Region in Moscow in the XVIIIth century 87
E. Sobko. Russia, Prussia and “the Austrian Succession”: the problems of foreign policy strategy of Saint-Petersburg's diplomacy 93
M. Trukhin. The idea of constituent assembly in the views of leaders of the revolutionary organization «Narodnaya Volya» 99

SECTION IV. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

- M. Ruban.** Historical significance of Soviet forces' victory in the battle on the Volga (in commemoration of the 70th anniversary of the battle for Stalingrad) 106
F. Harrasov. Bashkir autonomous Soviet Socialist Republic housing policy in 1953-1964 110
E. Nikitaeva. The 1960-70s politics of unpromising villages and settlements liquidation and its consequences for Central Russia 115

SECTION V. POLITOLOGY

<i>F. Dzhantueva.</i> Kabardino-Balkaria: from a political rally to a civil society.....	118
<i>E. Egunov, A. Mataev, A. Popkova.</i> Territorial public self-governing – method of increasing social activity of population in municipal structures	123
<i>T. Rastimeshina.</i> The influence of the cultural heritage policy on the political culture of the modern Russian society.....	128
<i>E. Rudakova.</i> Essence of Russia’s educational policy under conditions of globalization.....	136
<i>Y. Sinchuk, I. Sinchuk.</i> To the problem of Russian state security.....	141

SCIENTIFIC LIFE

<i>M. Ruban.</i> The leaders of right monarchists: to the question of leadership in “The union of the Russians” (the review of D.D. Bogoyavlenskiy monograph “The problem of leadership in the union of the Russians”)	148
--	-----

OUR AUTHORS.....	154
------------------	-----

К 200-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

УДК 930(470.311-21) "1812"

Белов А.В.

Институт российской истории РАН (г. Москва)

ГОРОДА СОВРЕМЕННОГО ПОДМОСКОВЬЯ В 1812 г.: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

A. Belov

*Institute of the Russian history
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

THE CITIES OF MODERN MOSCOW AREA IN 1812: HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

Аннотация. Работа посвящена событиям Отечественной войны 1812 г. на территории Московской губернии. В ходе исследования анализируется влияние военных действий на состояние и дальнейшую судьбу городских поселений края и их жителей. Автор стремится отойти от привычного воспевания «12-го года» только как военного подвига обеих противостоящих сторон и пытается на основании конкретного исторического материала проанализировать события войны как бедствие для мирных жителей, имевшее разрушительное значение как в период кампании, так и по ее завершении.

Особое внимание обращено на особенности и традиции раскрытия данной темы в историографии. А также на эволюцию взглядов на проблему «город и война», которая происходит в последнее время.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., региональная история, краеведение, история Подмосковья, русский город, историческое регионоведение.

Abstract. The work is devoted to the events of the Patriotic War of 1812 on the territory of Moscow Province. The researcher analyzes the way the hostilities influenced the condition and further destiny of the city settlements and their inhabitants in Moscow region. The author tries not to follow the habit of praising the 12th year only as a military exploit of the warring parties. On the basis of a concrete historical data the author makes an attempt to analyze the war events as disastrous for the civilian residents and notes their destructive effect not only during the military campaign but even after it.

Special attention is given to the peculiarities and traditions of describing this problem in historiography. Besides, the article stresses the recent evolution of views on the problem of "city and war".

Key words: the Patriotic War of 1812; regional history; studies of local history, geography and culture; the history of Moscow Region; a Russian city; historical region studying.

Празднование двухвекового юбилея Отечественной войны начала XIX в. неизбежно и вполне справедливо воскресит многие моменты воинской славы страны-победителя и ее противника. Мало найдется в мировой истории событий, равных по накалу борьбы и проявлению доблести армии и народа. Даже противники России признавали и признают неданную доблесть русских солдат и офицеров. Подвиги той без преувеличения Великой войны

до сих пор вызывают чувства гордости. Но не стоит останавливаться только на ней. Нельзя забывать, что помимо политических итогов военные годы привнесли в Россию (и не в последнюю очередь на земли современного Подмосковья) страшные бедствия.

Не будет преувеличением сказать, что никто из рядовых жителей (включая именитое дворянство) центральной России, узнав о начале наполеоновского нашествия, даже предположить не мог, что армия противника достигнет древней русской столицы, обратив ее своим появлением в прах и пепел. Приказ о подготовке органов власти к возможной (только возможной) эвакуации поступил от Ф.А. Ростопчина лишь 18 августа [1, с. 69]. Настроение москвичей было разным [14, с. 65], но, по сообщению очевидца, даже накануне Бородинского сражения атмосфера в городе не напоминала о панике («нашел, что московские жители не теряли свойственного россиянам духа» [5, с. 10]).

Итоги 1812 г. для Москвы плачевны и относительно хорошо известны.

План военного генерал-губернатора (главнокомандующего) Ф.А. Ростопчина, направленный на подготовку поджога Москвы¹, в действительности не был реализован в полном объеме. Причин пожара, уничтожившего огромный город, было значительно больше. Так, уже 3 сентября (т. е. на второй день после вступления армии Наполеона в Москву) французские солдаты целенаправленно обстреляли Вдовий Кудринский дом «горючими веществами». Предпринятая ими акция была тем ужасна, что в его помещениях лежало более 3000 раненных при Бородино русских солдат, многие из которых не имели даже малейшей возможности покинуть горящее здание. Несмотря на просьбы и мольбы зрителя Мирицкого прекратить варварство, французы не остановились. Те из раненных, кому удалось выбраться, попрятались в окрестных руинах. Лишенные такой возможности ожидали уготованной им страшной развязки. По свидетельству очевидца, внутри

¹ Российской государственной военно-исторической архив. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 3648.

дома стояла тишина, обреченные «тихо отправляли в церкви службу; все исповедались и причащались готовясь на смерть». Всего заживо сгорело более 700 человек [2, с. 155].

На протяжении почти всего периода оккупации солдаты и офицеры Великой армии поголовно занимались грабежом, который в несколько дней приобрел невиданный размах. Начальник штаба польской кавалерийской дивизии Дунин-Стжижевский писал к родным в Варшаву, с каким рвением он «обрыскал по улицам, чтобы найти какие-либо вещи, но они закончились» [11, с. 133-134]. Боевой генерал Ж.-Д. Компан, бесстрашно отбивший Шевардинский редут и раненный во время первого штурма Багратионовых флешей, подробно отчитывался перед женой в письме, сколько шкур, шуб и какого качества он успел найти и «приобрести» [11, с. 134]. Масштаб, активность и поголовное участие, не смотря на звания, в разграблении города, напоминали сумасшествие. Никакие меры для установления хоть какого-то элементарного порядка и дисциплины в войсках ничего не давали. Борьба за добычу утихла только к концу сентября [12, с. 204], т. е. длилась без малого месяц.

Предвидя необходимость оставления негостеприимной русской «столицы», солдаты и офицеры Великой армии начали целенаправленное уничтожение города. Очевидец этих событий А.А. Карфацевский писал: «Нельзя описать всех ужасов, произведенных в Москве французами.. Я от пожара пошел на пожар, и наконец, добрался до почтамта и живу в нем. Но 10-го октября пришел французский караул с повелением зажечь почтамт. Я накормил и напоил сих голодных пришлецов и заплатил с помощью наших собратий 205 рублей, за что остались несожженными, и тем спас до 60-ти семейств...» [2, с. 165].

7 октября Наполеон во главе армии отправился к Малоярославцу. В Москве был оставлен маршал Морье для выполнения личного распоряжения императора: «предать огню... дворцы Кремля...». Для закладки зарядов французы согнали остававшихся в городе жителей, которые три дня рыли траншеи. От-

казавшихся делать подкопы под кремлевские стены и здания жестоко избивали [15, с. 669].

Через три дня по оставлении Москвы император Франции в своем 26-м бюллетене с гордостью оповестил мир о том, что московский Кремль, «столь же древний, как сама монархия», полностью уничтожен [12, с. 199-218].

Трагедия Москвы и ее жителей была ужасна, но и она не исчерпывала всех потерь Подмосковского края от рук оккупационной армии. Не меньший, а иногда и больший личный урон понесли жители уездных городов края.

Страшному, практически абсолютному разорению подверглись поселения, лежавшие в западной части губернии, через которую прошел путь всей (или значительной части) французской армии: Можайск, Руза, Звенигород и Верей.

Наиболее тяжелая судьба выпала на долю жителей Можайска, к которому армия Наполеона вышла сразу же после Бородинского сражения, следуя в сторону Москвы, за уходящей от нее армией Кутузова. Жители, забрав или уничтожив свое имущество, покинули город. Проходя по его улицам, отступавшие русские войска увидели Можайск абсолютно опустевшим. Участник этих событий П.А. Вяземский вспоминал, что «дома были разорены, выбиты и вынесены окна и двери» [10, с. 548].

Прикрывая отход, Кутузов оставил в городе арьергард, упорно отражавший атаки конницы Мюрата и удерживавший Можайск около 16 часов. Недовольный внезапно возникшей задержкой продвижения своей армии к Москве, Наполеон был вынужден встать на ночлег в близлежащем селе Успенском. Только в ночь на 28 августа (9 сентября) защитники по собственной воле оставили город. Уходя, они сожгли провиантские склады с военным имуществом. Только утром в Можайск вошла дивизия Фриана [3, с. 131, 360]. Некогда богатый, пользующийся вниманием многочисленных паломников, прибывавших для поклонения особо почитаемого культа Николы (Никола Можайский) [9, с. 5], город был практически полностью стерт с лица зем-

ли. Можайск, как до этого Смоленск, а вскоре и Москва, горел. В огне погибла значительная часть из почти 10-и тысяч оставшихся в нем раненых русских воинов.

Французы использовали Можайск в качестве крупной перевалочной базы, устроив в уцелевших каменных зданиях церкви конюшни и лазареты. По-видимому, можайский лазарет был главным тыловым госпиталем французской армии в России, т. к. в преддверии ухода из Москвы сюда стали активно перевозить раненых [5, с. 665].

Для защиты города император оставил в Можайске крупный гарнизон, состоящий из вестфальцев. Ввиду особых разрушений армейские команды расположились в близлежащем Лужецком монастыре, приспособленном для обороны. С этой целью в старых укреплениях немецкими солдатами было проделано более двух сотен бойниц. Некоторые из них можно увидеть и сегодня.

Вторично город был разорен при отступлении армии французов. Потеряв возможность прорыва на юг, император вновь провел свои войска через Можайск для выхода к Старой Смоленской дороге. Город был запружен многочисленными повозками, набитыми награбленным добром. Текущая по его улицам на Запад Великая армия напоминала скорее отряды мародеров. Отступая, французы разрушили и подожгли все, что еще оставалось.

Существенный урон также был нанесен Рузе и Звенигороду, на которые пришелся удар всех сил 4-го корпуса (итальянского, принца Евгения Богарне). В его задачи входил обход армии Кутузова, стоящей вблизи Больших Вязем, выдвижение к Москве и, по возможности, захват города, до подхода к нему сил русской армии.

Отступавшие через Можайск русские войска не входили в Рузу, лежавшую южнее путей их отступления. В результате в городе не были уничтожены ни крупные государственные здания, ни военные и торговые склады. Как только французский корпус вошел в Рузу, начался массовый грабеж всего, что можно было отыскать как в казенных, так и в частных домах.

Офицер корпуса Богарне Е. Любом оставил воспоминания о событиях этого дня. Они интересны еще и тем, что дают наглядное представление о типичном поведении офицеров и солдат армии Наполеона в России: «Наконец, мы вступили в Рузу, и вплоть до середины площади видели только толпу грабивших дома солдат; они не слушали ни криков хозяев, ни слез матери, которая, чтобы тронуть победителей, указывала на своих стоявших на коленях детей; сложив руки, обливаясь слезами, эти невинные создания умоляли только, чтобы их оставили живыми. Эта горячность грабежа у некоторых вполне оправдывается тем, что, умирая от голода, они стремились только найти пищу; но многие другие под тем же предлогом грабили и тащили все вплоть до платья с женщин и детей.

Как только слух о том, что мы взяли Рузу, дошел до окрестных крестьян, и они узнали, как безжалостно мы расправились с тамошними жителями, так тотчас же все население лежавших нам по пути в Москву деревень обратилось в бегство... Многие, бежавшие в последнем порыве отчаяния, сжигали свои дома, усадьбы, хлеб и новый урожай и только что снятый с лугов сенокос... И дома и усадьбы были разрушены и опустошены, мебель переломана, провизия расхищена; все это представляло полную картину разрушения, которая ясно доказывала нам, на какие крайности способен народ, достаточно великий, чтобы предпочесть полное разорение потере независимости...» [5, с. 227-229].

При приближении оккупантов небольшая группа людей, вооруженных, по-видимому, только бесполезными пиками, безрезультатно попыталась оказать сопротивление [5, с. 228]. Значительная масса горожан спешно покинула свои дома, пытаясь уйти к Москве по Волоколамской дороге, но была настигнута итальянкой кавалерией и возвращена назад в уже практически полностью разграбленный город.

Нападение французского корпуса на Рузу, еще недавно расположенную в глубине русской армии, было внезапным. Свидетельством этого является рассказ финансового чиновника Ф. Корбелецкого, который накануне

выехал из Москвы в Калугу с полной уверенностью в безопасности своего пути после Бородинского боя, и оказался в плену французского авангарда недалеко от Рузы [4, с. 11-12]. Жители города, так же, как и он, оказавшись застигнутыми врасплох, не успели, в отличие от граждан других поселений, спрятать или вывезти хоть какие-то ценности. В результате к концу 1812 г. большая часть рузжан были полностью разорена. Сам город в 1813 г., по свидетельству очевидца, представлял собой одни обгорелые руины.

Узнав о планах противника выйти к Москве через Рузу и Звенигород, русский главнокомандующий послал против Богарне отряд генерал-майора Ф.Ф. Винценгероде. Подойдя к Звенигороду, уже занятому противником [16, с. 50], русские дали бой поблизости возле Саввинской слободы. В течение примерно шести часов их отряд силами около трех тысяч человек атаковал и сдерживал более двадцати тысяч солдат противника. В результате планы Наполеона оказались сорваны: армия Кутузова отошла от Больших Вязем к деревне Мамоново, движение 4-го корпуса на Москву оказалось невозможным. Возмущенный император выражал свое недовольство действиями Богарне и требовал, чтобы его части наконец-то завершили захват Звенигорода и затем приступили не к скорейшему покорению Москвы, а к выходу к армии Кутузова для угрозы ее левому флангу.

Особая судьба выпала на долю Вереи, которая стала важной перевалочной базой в тылу французской армии. Находясь между двумя дорогами (Калужской и Смоленской), силы местного гарнизона могли контролировать практически весь юго-запад современного Подмосковья, а также коммуникации, связывающие Москву с Парижем. Благодаря этому Верея – богатый, но небольшой (даже по нормам того времени) городок, стала местом проведения крупнейшей и одной из наиболее успешных операций российских армейских партизан, возглавляемых генералом И.С. Дороховым.

26 сентября 1812 г. Дорохов получил приказ Кутузова выйти «через Боровск к Верее»,

которую, по сообщению разведки, французы и их союзники усиленно укрепляли. Отряд подошел к городу 28 сентября. Штурмовать небольшой, но хорошо приспособленный к обороне населенный пункт, защищаемый мощным гарнизоном, было бессмысленно. Кроме того, в случае обнаружения партизанами своих намерений, французы имели возможность незамедлительно стянуть к Верее весьма значительные силы. Для успеха операции Дорохову требовались внезапность и стремительность. Генерал обратился за помощью к местным жителям, которые перед самым рассветом скрытно вывели русские отряды к укреплениям. Застигнутый врасплох противник, несмотря на отчаянную оборону и яростную контратаку, был разгромлен. Потери нападавших составили всего три десятка человек против более чем трехсот у оборонявшихся.

Впоследствии, отступая от Малоярославца к Можайску, вся французская армия прошла через Верею, подвергнув город повторному разорению.

Большой урон был причинен городам, оказавшимся в стороне от активных военных действий (Волоколамск, Бронницы, Богородск, Дмитров, Подольск), а также лежащим к востоку от них, на неразоренных землях края. Их жители (многие из которых недавно стали горожанами и не окрепли в новом качестве [7, с. 26-29]) несли значительные убытки, оказавшись на долгое время лишеными доходов от своих промыслов (Серпухов, Коломна, Клин, Сергиев Посад, Воскресенск). Однако, несмотря на материальные потери, населения края не шли на сотрудничество с оккупационными властями, что могло принести тем заметную выгоду. Интендант Москвы Ж.-Б.-В. Лессепс писал из города: «У меня нет хлеба, ни муки, а о курицах и бараках и поминать нечего» [8, с. 70].

Ущерб от военных действий для мирного населения Московской губернии был такой силы, что по завершению войны, дабы способствовать возрождению края, правительство издало указ об освобождении от повинностей (в частности, рекрутской) сроком на

год для всех мещан разоренных городов. Однако, несмотря на принятые меры, своего бывшего положения не смогла уже восстановить богатейшая некогда Верея. Ее купцы сохранили лишь некоторое положение в посреднической торговле. То же относилось к Можайску, Волоколамску и Бронницам.

В итоге потерь и разорений конца лета, осени и зимы 1812 г. все западные города Московской губернии так и остались незначительными уездными центрами со слабо развитым хозяйством. Напротив, ускоренными темпами росла промышленность (в первую очередь ткацкая) на не затронутых войной территориях восточного Подмосковья (город Богородск) и в соседних губерниях Волго-Окского междуречья (город Владимир, село Иваново и т. д.), где существовала необходимая для этого база [14, с. 18-24].

В итоге, несмотря на восстановление, число предприятий Московской губернии, производящих сукно, сократилось более чем в 5 раз, станов – в 13, а рабочих – в 8 раз. Нашествие привело также к смене основного собственника мануфактур: дворянина окончательно потеснил купец. Доля «благородных» среди заводчиков стала составлять чуть более 10% [14, с. 18-24].

Свою страницу в историю Отечественной войны вписали поселения, которые стали городами значительно позже. Так, например, важнейшее сообщение об оставлении Наполеоном Москвы и следовании его армии к Тарутино отправил легендарный армейский партизан А.Н. Сеславин. Эта информация дала возможность отразить силы противника от Малоярославца и повернуть его на разоренную Старую Смоленскую дорогу. Офицер-партизан обнаружил выдвижение войск при их пересечении подмосковного села Фоминского. Мало кому известно, что это рядовое, лежащее на реке Наре поселение стало впоследствии городом Наро-Фоминском. Свои эпизоды войны 1812 г. есть в истории Химок, Павловского Посада и др. населенных мест края.

Таким образом, в 1812 г. современное Подмосковье, находившееся в фокусе стратегических планов Наполеона, оказалось в самом

центре военных действий. Нет ни случайности, ни надменной глупости в намерении гениального императора Франции следовать к Москве как узловому пункту Центральной России. Благодаря этому положению территория современной Московской области заняла в череде событий 1812 г. важнейшее (если не самое важное) место. От умения воинов, патриотизма жителей и провидческого таланта полководцев, на ее территории решался итог всей войны (а вместе с ней и пути дальнейшего развития судеб стран Европы), результаты которых с самого начала не были заданы в пользу России, как это кажется спустя много лет.

Итоги 1812 г. оказали влияние на жизнь жителей, привели к формированию нового положения дел в развитии хозяйства как Московской губернии, так и всей Центральной России.

Однако, несмотря все вышесказанное, влияние 1812 г. на жизнь городов современного Подмосковья, по сути, оказалось в стороне от внимания историков. Обзор судеб того или иного населенного пункта осуществляется в рамках общепринятого героико-эпического описания военных действий. Город при этом выступает чаще всего лишь как географическое указание на место действия армии. Его собственная история оказывается как бы не важна на более значимом для исследователей батальном фоне. Даже если поселение оказывается в самом эпицентре событий, военные действия как бы затмевают его собственную историю. Типичным примером данного подхода является обозрение истории Вереи времен 1812 г., на территории которой произошла одна из самых масштабных партизанских операций русской армии. Она-то и является темой исследования. Судьба же этого некогда богатого и значимого торгового и аграрного центра региона, угасшего в результате именно французского разорения, остается незамеченной.

Несколько большее внимание к судьбе собственно города уделили авторы очерков коллективной монографии «Города Подмосковья». Но и в этой работе даже тем поселени-

ям, которые приняли весьма заметное участие в событиях 1812 г., уделяется 1-2 абзаца [10, с. 549, 590-591]. О влиянии событий войны на дальнейшую судьбу поселения и его жителей речи практически не ведется. Максимум внимания к этой теме – разгром Рузы, которому уделено 1 предложение [10, с. 618].

Одна (но не единственная) из причин такого положения дел заключается в том, что интерес исследователей привлекает к себе Москва. Но этот город занимает совершенно особое место в истории Отечественной войны и рассматривается неизменно отдельно от других поселений. Но даже в этом случае урон, причиненный «первопрестольной» столице, также затмевается более важными (с точки зрения сложившейся историографической традиции) аспектами. В первую историю «великого пожара», его причинами и фактологическим героико-эпическим контекстом [11; 12; 13].

В последнее время происходит отход от устоявшейся историографической традиции в описания судеб провинциальных городов. Примером этого может стать, вышедшая в 2002 г., книга «1812 год в Подмосковье» [16]. Однако необходимо отметить, что данное издание является альбомом и носит не столько научно-аналитический, сколько научно-просветительский характер. Таким образом, и его появление не дает полных оснований говорить о том, что внимание к нуждам и бедствиям мирных «городовых обывателей» Московской губернии заняло заметное место в трудах современных исследователей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествия в столице Москве в 1812 году. – М., 1859.
2. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 5. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1900. – 281 с.
3. Коленкур Арман, де. Поход Наполеона в Россию. – Смоленск, «Смядынь», 1991. – 368 с.

4. Корбелецкий Ф. Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании в оной. Описание с 31 августа по 27 сентября 1812 года Ф. Корбелецким с присовокуплением собственного его странствования. – СПб.: В типографии Департамента внешней торговли, 1813.
5. Лобом Е. Путь в Москву // Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. В 2 кн. Кн. 1. – М.: Захаров, 2004. – 1072 с.
6. Лажечников И.И. Походные записки русского офицера. – М.: Типография Н. Степанова, 1836. – 286 с.
7. Белов А.В. Административная реформа Екатерины II и особенности формирования городской сети «новой» («малой») Московской губернии // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Материалы IV областной научно-практической конференции. – Коломна: Коломенский гос. обл. соц.-гуманитарный ин-т, 2010. – С. 26-29.
8. Бычков Л.Н. Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. – М.: Госполитиздат, 1954. – 103 с.
9. Глебов В.В. Сражение при Выхино. – М., 1994. – 54 с.
10. Города Подмосковья. Кн. 3. – М.: Московский рабочий, 1981. – С. 736.
11. Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы. – М.: Книга, 2012. – С. 138.
12. Земцов В.Н. Наполеон в Москве // Французский ежегодник 2006. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2006. – С. 199-218.
13. Москва в 1812 году (исторический очерк). – М., 1813. – 86 с.
14. Рыбаков Ю.Я. Отечественная война 1812 года и текстильная промышленность Московской и Владимирской губерний // Труды Московского историко-архивного института. Т. 21. – М., 1965. – С. 18-24.
15. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию // Собрание сочинений. Т. 7. – М.: Издательство Академии наук СССР. – С. 435-738.
16. 1812 год в Подмосковье – Альбом. – М.: «МОК-Центр», 2002. – 80 с.

Литература:

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 355(09)(470)«1863»

Захаров А.Н.

Московский государственный областной университет

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ЭКСТРЕННОМУ ПРИВЕДЕНИЮ В БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ ПРИМОРСКИХ КРЕПОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1863 г.

A. Zakharov

Moscow State Regional University

THE EMERGENCY MEASURES ON PUTTING ON ALERT THE COASTAL FORTRESSES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1863

Аннотация. В статье впервые в литературе подробно рассматриваются планы и ход реализации мероприятий Военного министерства и Главного инженерного управления в 1863 г. по экстренному приведению основных приморских крепостей России: Кронштадта, Динабурга, Свеаборга, Выборга, Керчь-Еникале в боевую готовность, а также строительство батарей в устье Невы. На примере проблемы степени боеготовности приморских крепостей Российской империи оценивается уровень развития фортификации и состояние военного дела той эпохи. Статья написана на основе ранее не публиковавшихся материалов фонда Главного инженерного управления Российского государственного военно-исторического архива.

Ключевые слова: Российская империя, военное дело, крепости, модернизация.

Abstract. The article is the first attempt in scientific literature to examine the plans and the emergency measures to put on alert the coastal fortresses of the Russian Empire, which were implemented in 1863 by the War Ministry and the Office of the Chief of Engineers. The author observes them on the example of the main seaside fortresses of Russia: Kronstadt, Dinaburg, Sveaborg, Vyborg, and Kerch-Yenikale, as well as on the example of the construction of batteries at the mouth of the Neva River. The assessed level of those fortresses combat readiness helps estimate the development of fortification and military science in Russia of the XIXth century. The article is based on the unpublished materials of the Fund of the Office of the Chief of Engineers of the Russian State Military Historical Archive.

Key words: The Russian Empire, military science, fortresses, modernization.

В современной России наблюдается растущий интерес к военной истории. В связи с этим изучение истории создания и развития системы оборонительных укреплений, особенно на западной границе государства, представляет актуальную научную проблему. На примере экстренного приведения приморских крепостей Российской империи в боевую готовность в 1863 г. можно оценить уровень развития фортификации и состояние военного дела той эпохи.

1863 г. выдался чрезвычайно сложным для России. Очередное польское восстание грозило перерасти в большую войну. При поддержке Наполеона III в Париже прошел польский национальный конгресс, Франция призвала европейские державы вмешаться во внутренний российский конфликт. Прошло всего семь лет с момента окончания Крымской войны – еще не успела до конца оправиться экономика, военные и государственные реформы только набирали обороты, и Россия не была готова вступить в войну с коалицией западных стран.

Опасаясь, что, несмотря на все усилия дипломатов, война всё же разразится, император Александр Николаевич приказал начать срочную подготовку к обороне страны. Так как польское восстание затрагивало интересы наших сухопутных соседей – Австрии и Пруссии, их вступление в возможную коалицию против России представлялось маловероятным. Поэтому основное внимание было сосредоточено на защите наших морских границ от возможного десанта. Именно обзору процесса экстренной подготовки к возможной войне приморских крепостей посвящена данная работа.

В процессе создания данной работы были изучены материалы фонда Главного инженерного управления Российского государственного военно-исторического архива¹; а также использованы воспоминания военного министра Российской империи в 60-70-х гг. XIX в. Дмитрия Алексеевича Милютин [2]; сведения из «Исторического очерка деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855 – 1880 гг.)» [1] и, наконец, имеющая биографический характер работа К.Н. Шильдера «Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность» [5].

Пожалуй, XIX в. можно назвать последним веком существования крепостей в классическом понимании этого слова. К началу века XX рост дальности артиллерии постепенно

сводит на нет роль крепости как сооружения, призванного обезопасить внутри своих стен гарнизон и припасы. Но до этого момента оставалось еще много времени.

Из всех этих крепостей к 1863 г. достаточным уровнем боеспособности обладали только две: Кронштадт и Керчь-Еникале. Важное стратегическое положение этих крепостей заставляло правительство России уделять им основное внимание вне зависимости от обострений внешнеполитической обстановки. Еще со времени окончания Крымской войны их строительство предполагалось вести в приоритетном порядке:

«По Высочайше утвержденному, 23-го августа 1857 года, журналу соединенных комитетов о укреплении берегов Балтийского и Черного морей, по недостатку финансовых средств было постановлено:

1) Ограничиться усилением обороны Кронштадта и Керчь-Еникальского пролива, ассигнуя для сего ежегодно от одного до полутора миллионов рублей.

2) Принимая в соображение, что Кронштадт достаточно огражден от внезапного прорыва неприятеля, главную часть ассигнованной суммы обращать на укрепление Керчь-Еникальского пролива, доколе этот пункт не будет приведен в обеспеченное положение.

3) Все постройки производить без всякого стремления к роскоши, рассчитывая при этом, чтобы все сооружения требовали по возможности менее гарнизона для своей защиты» [4, с. 532].

В 1859 г. Комитет обороны Балтийского и Черноморского побережий еще раз подтвердил это решение, постановив: «сосредоточить все работы в Кронштадте и Керчи; в прочих же приморских укрепленных пунктах (Свеаборге, Динаминде, Николаеве и Севастополе) предполагалось временно отложить работы, или же производить их исподволь, если будут позволять финансовые поступления» [4, с. 532].

Бюджет Российской империи и так сводился с дефицитом, правительство старалось экономить на всём, в том числе и на крепостях. К тому же прогресс в области артиллерии шел

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 802.

нарастающими темпами, постоянное усиление средств атаки вызывало необходимость строительства всё новых типов укреплений, значительно превосходивших по стоимости прежние.

В апреле 1862 г. еще раз был создан особый комитет под председательством генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича. Поставленная перед ним задача формулировалась так: «Имея в виду с одной стороны настоятельное требование сокращения государственных расходов и с другой, что результат боя в Америке между броненосными судами Монитором и Мерримакком, по всей вероятности повлечет за собою изменение в нынешней системе обороны приморских пунктов, казалось бы полезным подвергнуть рассмотрению комитетов по укреплению берегов Балтийского и Черного морей, под председательством Его императорского высочества генерал-адмирала, вопрос: не признается ли нужным приостановить начатые и предположенные фортификационные работы, преимущественно береговые...»¹.

В организации работы этого комитета особенно заметна роль Эдуарда Ивановича Тотлебена, товарища генерал-инспектора по инженерной части. На первом заседании комитета им была представлена «Краткая записка, относительно современного взгляда на оборону приморских пунктов, составленная по приказанию его императорского высочества генерал-инспектора». В записке Тотлебен приходит к следующим выводам: «Введение броненосного флота и усовершенствования в артиллерии заставляют обратить особенное внимание на изыскание средств восстановления равновесия между атакой и обороной приморских пунктов ...

...Согласно мнению Его императорского высочества генерал-адмирала, укрепленные приморские пункты могут быть обеспечены от бомбардирования только при двух условиях:

1. Если впереди прикрываемого пункта, на расстоянии дальнего пушечного выстрела

¹ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5431. Л. 4.

неприятельской артиллерии то есть от 7 до 10 верст, находятся передовые укрепления...

2. Если броненосный флот обороняющегося может занять и удерживать позицию на расстоянии дальнего пушечного выстрела, впереди пункта, прикрываемого им от бомбардирования...

Основываясь на вышесказанном, все наши приморские укрепленные пункты подвержены безнаказанному бомбардированию броненосными судами атакующего»².

В записке подробно перечислены меры, необходимые для устранения этой ситуации, такие, как необходимость увеличения калибров орудий, оснащение фарватеров различными типами заграждений, необходимость применения броневых башен в крепостях, указывается совершенная беспомощность земляных батарей против броненосного флота и предлагается приспособить их в первую очередь для отражения десанта противника и т. п.

Комитет провел только два заседания. По мнению комитета, вопрос о средствах атаки и обороны, несмотря на все тогдашние усовершенствования броненосных сооружений и артиллерии, находился в то время еще в переходном состоянии, и в ближайшем будущем можно было ожидать еще более существенных изменений. В связи с этим комитет признавал преждевременным выделять огромные по тем временам суммы на крепостное строительство и постановил: ограничиться пока некоторыми подготовительными работами по укреплению Кронштадта и Керчи, оставить Свеаборг, Николаев, Динаминде, укрепления устьев Днепра и Амура в существующем виде³. Одновременно смету Главного инженерного управления на 1862 г. урезали на 1200000 рублей, смету на следующий, 1863 г. – на 1139994 рубля. Учитывая, что в распоряжении инженерного департамента на все фортификационные работы оставили сумму 1028190 рублей⁴, видно, что сокращение финансирования составило чуть более 50%.

² РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5431. Л. 32-33 об.

³ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5431 Л. 173.

⁴ Там же. Л. 29.

Таким образом, получается, что к моменту возникновения в 1863 г. внешней угрозы большинство российских приморских крепостей находилось в небоеспособном состоянии.

Экстренные мероприятия по подготовке приморских крепостей к обороне начались в апреле 1863 г. Основное внимание правительства и в этот раз было уделено Кронштадту. На это были весьма серьезные причины. Как пишет в своем докладе начальник строительства крепости, полковник Константин Яковлевич Зверев:

«Устройство обороны Кронштадта против нападения неприятеля обуславливается достижением двух целей: во 1-х) необходимостью защитить от занятия и разрушения главный русский военный порт Балтийского моря... и во 2-х) отнять у неприятеля возможность пройти к Невскому фарватеру и стать на позицию против Петербурга...

... В минувшую войну английский флот, состоявший из деревянных судов вооруженных преимущественно не нарезными артиллерийскими орудиями, держался два лета в виду Кронштадта не дерзая подойти на расстояние выстрела...»¹. «... Не подлежит никому сомнению, что с исчисленными оборонительными средствами, нельзя привести Кронштадт в такое положение, чтобы с вероятностью на успех защитить порт от нападения неприятельского флота состоящего из броненосных судов с новой усовершенствованной артиллерией и воспрепятствовать ему пройти к Невскому фарватеру»².

Ответственным за строительство назначался лично его высочество великий князь Николай Николаевич, генерал-инспектор по инженерной части. При этом для ускорения ведения работ ему были предоставлены особые права: «По распоряжениям предстоящими оборонительными работами в Кронштадте, Государь император в 21 день апреля сего года высочайше повелеть соизволил: предоставить генерал инспектору по инженерной части те же права которые представлены были Его высочеству по подобным работам

в 1859 г., именно: утверждать непосредственно заготовление строительных материалов и рабочих, не прибегая к торгам, но производя подряд в вольные руки через известных и благонадежных промышленников»³. В дальнейшем такие же права генерал-инспектора были распространены и на работы в других крепостях Балтийского моря – Динабурге, Выборге и вновь возводимых батареях в устье Невы⁴.

Важнейшее значение Кронштадта подчеркивалось, в том числе, степенью контроля за производством работ. Согласно императорскому приказу донесения о строительстве должны были поступать в Военное министерство каждые две недели, 1 и 15 числа месяца⁵. Отчеты эти в большом количестве сохранились в РГВИА и при желании позволяют проследить процесс усиления Кронштадтской крепости буквально по дням.

В докладе полковник Зверев перечисляет конкретные мероприятия, необходимые для срочного усиления Кронштадтской крепости. Они и стали руководством к действию, о чем свидетельствует резолюция: «Высочайше одобрено 11 апреля в присутствии военного министра, Его императорского высочества генерал-инспектора. Генерал-адъютант Тотлебен»⁶.

В крепости осуществлялось утолщение и отсыпка брустверов, строительство блиндажей и пороховых погребов, установка дополнительных орудий и строительство для них новых батарей, причем параллельно со строительством временных батарей идёт их перестройка в постоянные. Подготавливались платформы под орудия и лафеты. Заготавливались хвороста и фашины. Была устроена железно-конная дорога и насыпан вал для её закрытия. 15 октября на Константиновской батарее начинается подготовка к установке новейшей по тем временам оборонительной системы – железных броневых брустверов на 23 орудия⁷.

³ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5 Д. 5319. Л.17-18.

⁴ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5313. Л. 23.

⁵ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5327. Л. 1.

⁶ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5477. Л. 9.

⁷ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5477. Л. 86.

¹ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5477. Л. 9 об.

² Там же. Л. 10.

Значительно усилена была артиллерия – из arsenалов было перевезено и установлено несколько сотен дополнительных орудий. Был применен интересный метод – несколько деревянных судов со срубленным рангоутом были посажены на грунт, обсыпаны камнем и образовали, таким образом, временные морские батареи. Вообще же, к артиллерийскому вооружению крепости подошли со всей ответственностью – в течение лета 1863 г. все для всех орудий были определены индивидуальные сектора обстрела, проведена пристрелка на дальность, составлены таблицы артиллерийской стрельбы. Регулярно проводились учебные стрельбы, в ходе которых артиллеристы добились выдающихся для того времени результатов – попадания с 800 сажень в движущуюся мишень длиной 10 и высотой 4 сажень составили 12%, а на 400 сажень – 40 %¹. Накапливались и боеприпасы. К сентябрю 1863 г. среднее количество зарядов было доведено до 75 на ствол, что считалось вполне достаточным.

Как известно, одна из основных задач любой обороны – направить атаку противника в то место своего фронта, где войскам было бы наиболее удобно его уничтожить. С этой целью в Кронштадте проводилось заграждение фарватеров. Ко 2-му сентября 1863 г. «морское заграждение из накиданного камня окончено на протяжении 1083 сажени и продолжается..., военными судами заграждено протяжение в 491 сажень, а коммерческие суда затоплены на протяжении 300 погон сажень»². С той же целью использовали временные заграждения из специально изготовленных особо прочных сетей – всего их было изготовлено 2500 сажень³. Работала в Кронштадте и мастерская по изготовлению гальванических и пиротехнических морских мин. К 15 августа в Кронштадте было приготовлено 1780 гальванических и пиротехнических мин, «из которых 50 отправлено в крепость Свеаборг и 150 в г. Выборг, и засим осталось в Кронштадте 1580 мин». К 1 октября мин

имелось уже 2280⁴. Из-за относительно низкой технической надежности и опасности для собственного мореходства установка мин в фарватеры была запрещена до особого приказа, фактически это предполагалось сделать в случае начала войны. Однако для подготовки минных команд была произведена «практическая погрузка 50 мин против Константиновской батареи»⁵.

В итоге к осени 1863 г. крепость Кронштадт была готова достойно встретить нападение вероятного противника. О высокой оценке качества её подготовки императором, свидетельствует факт присвоения непосредственному руководителю строительства полковнику Звереву звания генерал-майора.

И тем не менее, чтобы исключить всякую возможность прорыва вражеского флота к Санкт-Петербургу, было принято беспрецедентное решение развернуть оборонительные позиции непосредственно в устье Невы, практически в черте города: «Рукава Невы, вливаясь в Финский залив, образуют впереди устья её в расстоянии около 8 верст от Исаакиевской площади, – бар, прорезанный несколькими фарватерами, из которых глубина воды 8 и более футов. Главнейшие из этих фарватеров: Галерный, Корабельный и Гребной.

С целью остановить в возможно дальнем расстоянии от столицы неприятельские броненосные суда, сидящие в воде около 8-ми (футов), и следовательно имеющие возможность пройти без особенных затруднений в фарватеры, – предлагается:

1. Фарватеры Галерный и Гребной, особенной надобности в которых не ощущается, заградить немедленно посредством каменной наброски... в расстоянии от центра столицы около 8 верст...

2. Фарватер Корабельный, по которому производится главное сообщение Санкт-Петербурга с Кронштадтом оставить свободным до того времени, когда покушение неприятельских судов на Санкт-Петербург сделается совершенно вероятным. Но для обеспечения заранее средств затопления и

¹ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5327. Л. 44.

² Там же. Л. 66.

³ Там же. Л. 53.

⁴ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5327. Л. 81.

⁵ Там же. Л. 62.

этого фарватера, необходимо заготовить и нагрести (камнем), немедленно по получении известия о неминувости разрыва, до 72 каботажных судов, которые поставить на якорь по обе стороны фарватера с тем, чтобы в минуту надобности они могли быть затоплены и послужили для образования заграждения на одной приблизительно высоте с заграждениями фарватеров Галерного и Гребного.

3. ...Для обороны заграждений употребить имеющиеся у нас канонерские лодки и батарейные плоты.

4. На случай поражения наших канонерских лодок и прорыва первой линии заграждения, устроить потоплением судов в минуту надобности, позади первой, в расстоянии от нее около 200 сажень, вторую линию заграждений.

Для обороны этой второй преграды устроить ныне на берегу у Галерной гавани одну или две сильные батареи на 18 или 20 орудий. Часть заграждения ЕЕ (имеется в виду обозначение на плане – авт.) будет от батарей в расстоянии 350, а часть FF в расстоянии 700 сажень; заграждение же ДД (имеется в виду обозначение на плане – авт.), т. е. Гребного фарватера, впрочем наименее важного, по необходимости останется без сухопутной обороны.

5. Если бы неприятелю удалось прорвать и вторую преграду, то для сильнейшего обстреливания выхода в Неву перекрестным огнем с близкого расстояния, устроить ныне же три сильные батареи каждую в 12 орудий на островах Васильевском, Галерном и Гутуевском.

Затем остаются еще фарватеры Петровский и Елагинский, но глубина воды на берегах впереди первого из них так незначительна, что фарватер совершенно недоступен даже для самых мелкосидящих судов. Фарватер же Елагинский предполагается заградить по линии JJ потоплением судов в минуту необходимости, что не представляет никаких затруднений, так как фарватер этот весьма узок. Для обороны заграждения должны быть установлены ныне же одна батарея на 8 или 10 орудий на Крестовском острове и другая на правом берегу большой Невки»¹.

¹ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5331 Л.1 – 3 об.

Батареи предполагалось расположить на участках, принадлежащих частным лицам, причем необходимо было снести некоторые их строения. О высокой сознательности граждан свидетельствует тот факт, что некоторые из владельцев согласились безвозмездно передать свою землю под строительство². Всего на работы по укреплению устья Невы в 1863 г было определено 250 000 руб.³. К осени 1863 г было построено 6 батарей, на которых было установлено 56 (+14 запасных) орудий⁴.

Другой немаловажной точкой на побережье Балтики являлось устье Западной Двины. Прикрывала его крепость Динабург. Усиление этой крепости началось сравнительно поздно. Только «2-го сего июня, Государь император высочайше повелеть соизволил: приготовить к оборонительному вооружению возведенные для защиты устья Западной Двины при Динабурге батареи В, С, Д и фронт крепости обращенный к реке»⁵. Ответственность за организацию обороны Динабурга была возложена на генерал-адъютанта Ливена. Совместно с начальником рижской инженерной команды подполковником Гетшелем им был разработан план приведения крепости в боевую готовность. Основное внимание в нем уделялось усилению артиллерийского вооружения. В частности, предполагалось довести численность орудий до 594, для этого к уже находящимся в крепости 277 пушкам (вообще имелось 347 пушек, но часть из этого числа являлись запасными) предполагалось доставить дополнительно из арсенала в Ревеле еще 309 орудий⁶. Установка такого количества орудий требовала проведения определенной подготовительной работы. Необходимо было прорезать дополнительно 113 амбразур и подготовить 35 платформ под орудия⁷. Для размещения орудийных расчетов были построены 7 больших блиндажей на 530 человек⁸.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 33.

⁵ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5304. Л. 3.

⁶ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5313. Л. 4.

⁷ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5304 Л. 31-47.

⁸ Там же, л. 1.

9 августа 1863 г. в Главном инженерном управлении был разработан детальный доклад «О мерах по приведению Динабургской крепости в оборонительное положение»¹.

Доклад предполагает скорейшую достройку и исправление имеющихся верков, строительство земляных укреплений для усиления крепости – в тех местах, где планировалось до этого возвести каменные укрепления, на высотах близ крепости и для прикрытия Санкт-Петербурго-Варшавской железной дороги, срочно должны были быть возведены земляные редуты. От этой же дороги должна была быть проведена ветка в саму крепость. Причем для проведения этой ветки предполагалось взять «запасные рельсы от Главного общества российских железных дорог и компании Рижско-Динабургской дороги, или сняв, в случае недостатка, с полотна дорог расположенных в районе крепости»². Планировалось даже подготовить для движения по ней «особый подвижной состав для передвижения войск и орудий по железной дороге, состоящий из нескольких платформ, двигаемых лошадьми, с передвижными аппарелями и нескольких больших дрезин»³.

Кроме того, Главное инженерное управление 9 августа 1863 г. делает командиру Лифляндского инженерного округа следующее предписание: «в числе мер, для приведения Динабургской крепости в оборонительное положение, заключается и снесение частных домов, находящихся на территории, избранной под возведение укреплений предназначенных для усиления позиций». При этом особое значение придавалось уничтожению пожароопасных деревянных построек⁴.

Так же как и в случае с Кронштадтом, для скорейшего ведения запланированных работ, генерал-инспектору по инженерной части были предоставлены особые права, такие же, «которые по высочайшей воле предоставлены Его императорскому высочеству генерал-инспектору по инженерной части для работ по

Кронштадту, Выборгу и постройке батарей в устьях Невы»⁵. Батареи в устье Невы были построены летом 1863 г. на островах: Крестовском, Гутуевском, Васильевском и Канонерском, а также в Галерной гавани. Всего на них устанавливалось около 70-ти орудий [5, с. 591].

Всего на усиление Динабургской крепости Главное инженерное управление запросило у Министерства финансов на срочное окончание верков выделить дополнительно 147 тыс. рублей⁶, на возведение земляных укреплений – 270 тыс. рублей, на прочие работы по проведению железнодорожной ветки, возведение промежуточных батарей, устройство блиндажей и отсыпку гласисов и т. п. – 200 тыс. рублей⁷. Все работы были разделены на две очереди, из которых вторую предлагалось реализовать в случае получения «особого приказа», т. е. фактически в случае начала войны. 15 августа 1863 г. сумма расходов была высочайше утверждена и работы начаты.

Что касается самого хода работ, их дальнейшей судьбы, интересно привести рапорт, направленный в Главное инженерное управление 29 марта 1865 г.: «В 1863 году по случаю приведения Динаминдской крепости в оборонительное положение оказалось необходимым усилить оборону устья Двины ... все амбразуры устроены с небольшими изменениями по одному образцу и на случай военных действий в том году эти амбразуры вполне выполнили бы своё назначение. Но в настоящее время, когда не предвидится в них никакой особой надобности содержание их ... влечет за собой такого рода не малозначительные расходы, которых можно избежать»⁸. Через два года построенные как временные сооружения и не удовлетворявшие потребностям мирного времени блиндажи, амбразуры и редуты были разобраны.

Несколько особняком от работ в Кронштадте и Динабурге стоят мероприятия по усилению обороны Финляндии, а конкретно укрепление морских крепостей Выборга и

¹ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5313. Л. 17.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Л. 20.

⁴ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5313. Л. 6.

⁵ Там же, Л. 23.

⁶ Там же. Л. 20.

⁷ Там же. Л. 21.

⁸ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5304. Л. 586-590.

Свеаборга, и сухопутных Тавастунда и Вильманстранда. Важнейшим документом, позволяющим проследить весь комплекс этих мероприятий, является записка «О мерах к усилению обороны Финляндии в случае военных действий»¹, поданная Александру II военным министром генерал-адъютантом Д.А. Милютиным 22 апреля 1863 г. В ней подробно и последовательно приведены все мероприятия, которые необходимо было реализовать различным ведомствам. На Главное инженерное управления возлагались следующие задачи:

«Укрепить Транс-зунд и исправить Свеаборгские и Гельсингфорские батареи.

Укрепление Транс-зунда действительно весьма важно. При этом казалось бы наилучшим из трёх проходов ведущих с моря к Выборгу два заградить ныне же сколь можно надежным образом, а для третьего, оставляемого свободным для плавания, приготовить средства к затоплению онаго судами в минуту опасности, устроить затем батареи как для обороны среднего фарватера, так и того из двух боковых, который неприятелю легче будет расчистить.

По невозможности при каких бы то ни было обстоятельствах обеспечить Свеаборг от бомбардирования, необходимо ограничиться при нынешнем вооружении этой крепости теми мерами, которыми можно уменьшить вред бомбардирования и воспрепятствовать неприятелю занять этот пункт. В Гельсингфорсе предполагается возобновить те батареи из числа возведенных в прошлую войну, которые по усмотрению местного начальства признаются необходимыми.

Сверх этих укреплений необходимо еще укрепить хотя бы полевыми укреплениями Тавастус и Вильманstrand, переведя затем из Свеаборга в Тавастус все признаваемые излишними для обороны крепости орудия и артиллерийские склады.

Главное инженерное управление сделает все распоряжения по этому пункту. Для заведования инженерной частью в Финляндии командировается туда генерал-майор Геннерих.

¹ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5319. Л. 2-6.

Начальство же в Выборге и заведывание обороной Трансзунда возлагается на контр-адмирала Зорина»².

Записка эта была составлена в Военном министерстве по результатам предварительных докладов Главного инженерного управления и других ведомств. И явилась обобщающим результатом их труда.

3 мая 1863 г. (высочайше утвержден уже 5 мая³) в докладе по Главному инженерному управлению подписанном товарищем генерал-инспектора по инженерной части генерал-адъютантом Э.И. Тотлебенем были даны конкретные распоряжения по вопросу укрепления Выборга: «Для воспрепятствования доступа неприятельского флота к Выборгу, а также для предохранения города со стороны моря, от бомбардирования и занятия, приняв в основание данные по обороне Финляндии, удостоенные 22 сего апреля Высочайшего одобрения, признается необходимым устроить между шхер заграждения в 12-ти верстах от города, в местах где таковые были устроены в 1854 г.

Здесь фарватер проходит между островами в трех местах, почему и необходимо заградить все три прохода, из них главный – Трансзундский широтою до 200 саж., глубиною от 9 до 16 футов, второй к северу от главного – Тильский широтою до 380 саж., глубиною от 9 до 24 футов и третий к югу от Трансзундского – Немильский широтою 150 сажень, глубиною от 9 до 16 футов.

В главном, Трансзундском, заграждении, в том месте, где глубина достигает 16 футов полагается оставить для свободного плавания наших судов, проход шириною в 100 сажень имея в виду при первой надобности и этот проход уничтожить, для чего постоянно иметь в готовности суда и камень...»⁴.

Всего предполагалось построить 3 заграждения, 4 батареи, редут для их защиты, блиндажи для артиллеристов и батальона прикрытия. пороховые погреба на сумму 165 000 (включая работу). При этом оборонитель-

² РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5319 Л. 2-6.

³ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5323 Л. 32.

⁴ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5319 Л. 6-7.

ные работы по Выборгу разделялись, как и по Кронштадту, на две категории. К первой относились: устройство заграждений, постройка батарей, подвозка леса и земли для пороховых погребов и блиндажей. Ко второй категории (начать которую предполагалось после особого распоряжения – авт.): сама постройка блиндажей и пороховых погребов.

Учитывая все же второстепенную роль Выборга по сравнению с Кронштадтом, не все из запланированного было реализовано. В частности, «для заграждения Трансзундского и двух побочных фарватеров отделить какие-либо из старых судов флота за надобностью в них при Кронштадском порте, не представляется возможности»¹. Тем не менее к осени 1863 г. Выборг мог считаться вполне обеспеченным от нападения.

Что же касается Свеаборга, то в том же докладе Тотлебена от 3 мая 1863 г. указано следующее: «Для достижения по Свеаборгу указанной цели (т. е. обеспечения от нападения – авт.), его императорское высочество генерал-инспектор по инженерной части, полагает необходимым:

1. Заградить все проходы, ведущие в рейд, кроме главного между островами Густав Сьедр и Сканцланд, ибо заграждение этого прохода, по значительной глубине его до 100 футов, потребует огромных средств и продолжительного времени. Но как проход этот имеет до 80 сажень ширины, то сообщение по нем полагается возбранить заложением подводных мин.

2. Возобновить передовые батареи на островах занятых самою крепостью, имея при этом в виду, по значительному превосходству неприятеля в численности и качестве орудий, не вступать с ним в борьбу встречным огнём, а ограничиться обороной преимущественно заграждений и доставкой островам взаимного фланкирования.

3. Существующие крепостные верки, обращенные к морю, усилить и приспособить к обороне для воспрепятствования десанту.

4. Так как остров Сканцланд имеет значительное командование над Свеаборгскою

крепостью и потому с занятием этого острова неприятелем, крепость неминуемо должна пасть, устроить на главных высотах этого острова сомкнутые земляные укрепления, ограничивая при этом круг их действия только обороной острова, отнюдь не вступая в борьбу с неприятельским флотом...

Для уменьшения вреда от бомбардирования, воспользоваться всеми существующими казематированными помещениями..., усилив своды блиндажами и утолщая насыпь земли, ...укрыться так, чтобы после продолжительного бомбардирования ... иметь возможность встретить неприятельский десант сильным ружейным огнём и картечью полевых орудий»².

При этом работы делились на две очереди, в первой предполагалось устройство заграждений, насыпка новых и пересыпка существующих брустверов и т. п. Всё это начиналось возводиться немедленно, работы второй очереди (закупка второй половины леса и сама постройка погребов и блиндажей – все что можно было бы закончить в три недели) должны были начаться после особого приказа. На все оборонительные работы предполагалось затратить 370 тыс. – все сверх сметы Главного инженерного управления. Для организации инженерных работ в Финляндию был командирован генерал-майор Геннерих³.

Что касается артиллерийского вооружения, в крепости находилось 328 боеготовых орудий 10 разных калибров и 200 орудий без лафетов и станков⁴.

Так же, как и в случае с Выборгом, задача укрепления Свеаборга являлась второстепенной относительно Кронштадта. В частности, это проявилось в подготовке к минированию фарватеров: «К изготовлению 150 подводных пиротехнических мин системы Яртмана, может быть приступлено не прежде как по окончании уже заказанных г-ну Яртману пиротехнических мин для Кронштадта, т. е. в первых числах июля»⁵.

² РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5323 Л. 5-8.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же, Л. 15.

⁵ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5323. Л. 39.

Тем не менее, работы продвигались вполне успешно, о чем свидетельствует следующая запись в рапорте по Главному инженерному управлению от 25 июля 1863 г.: «19 числа сего месяца Его императорское величество, Государь император ... (с многочисленной свитой) ... посетил крепость Свеаборг, ... при осмотре произведенных и производящихся работ Его императорское величество остался доволен и несколько раз лично изволил благодарить инженер-генерал-майора Геннериха»¹.

В истории крепостей 1863 г есть еще одна интересная страница.

Анализируя ход работы по подготовке к обороне приморских крепостей Российской империи в 1863 г., можно выделить несколько общих моментов:

1) Главное инженерное управление, учитывая срочность работ, составляло планы по усилению крепостей, используя только быстровозводимые дерево-земляные постройки.

2) При строительстве укреплений важное значение уделялось обеспечению защиты личного состава от продолжительного бомбардирования. Обязательным элементом всех проектов являлось строительство защищенных блиндажей.

3) Возросшая мощь артиллерии была учтена полностью: базовой частью подготовки к обороне любой из приведенных крепостей являлось увеличение толщины брустверов с помощью обсыпки землей.

4) Интересно отметить, что приоритет Кронштадтской крепости над всеми другими виден еще и в следующем факте – только в Кронштадте все временные верки в дальнейшем получили капитальный характер.

5) При усилении всех приморских крепостей Э.И. Тотлебен принял во внимание их слабое артиллерийское вооружение, практически не способное бороться с броненосными флотами вероятного противника. Все оборонительные работы того времени, запланированные Тотлебенем, были направлены на возможность остановить неприятеля заграждениями и подводными минами под ог-

нём батарей и к сохранению гарнизона после продолжительного обстрела, а укреплений – в таком состоянии, чтобы можно было встретить неприятельский десант огнем уцелевших орудий и ружейным огнем гарнизона, отбить приступ холодным оружием.

б) Во всех крепостях проведение работ разделялось на две очереди. В первую входили жизненно важные или наиболее долговременные работы по усилению обороноспособности, во вторую – те работы, без которых можно было обойтись либо которые могли быть проведены достаточно быстро. Начинать работы второй очереди предполагалось только в случае начала войны. Учитывая, что стоимость работ второй очереди зачастую была сопоставима с работами первой, можно предположить похвальное стремление Главного военного управления сэкономить государственные средства. Кстати, эту черту в руководителе Главного инженерного управления Э.И. Тотлебене отмечает большинство исследователей.

Тем не менее расходы на экстренное усиление обороны крепостей в 1863 г. оказались весьма значительны. Рассматривая ситуацию в целом, Н.К. Шильдер приводит следующие цифры: оборонительные работы потребовали дополнительного финансирования на сумму 4500000 рублей, не считая перевода на эти цели 350000 рублей из заранее установленной на 1863 г. сметы мирного времени. Из этой суммы на приморские укрепленные пункты было выделено 4183949 рублей, на сухопутные же крепости было потрачено 669949 рублей.

Расходы на приморские крепости распределились следующим образом:

- Кронштадт – 2 525 061 руб.
 - Батареи и заграждения в устье Невы – 200 000 руб.
 - Свеаборг – 370 000 руб.
 - Динаминде – 637 000 руб.
 - Николаев – 295 000 руб.
 - Керчь – 272 800 руб.
 - Гальванические мины и телеграфы – 450 000 р.
- [5, с. 589].

¹ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5323. Л. 86-87

Средства были потрачены не зря. К осени 1863 г. все прибрежные укрепленные пункты были значительно усилены и подготовлены к обороне. Отмечая в этом заслугу товарища генерал-инспектора по инженерной части и фактически руководившего всеми делами Главного инженерного управления генерал-адъютанта Эдуарда Ивановича Тотлебена, Милютин, в своих воспоминаниях пишет: «Генерал Тотлебен разъезжал по всем пунктам, где производились крупные работы, и лично направлял их: в Кронштадте, Выборге, Свеаборге, Динамюнде, Керчи» [3, с. 372].

Экстренная подготовка приморских крепостей к обороне показала, что качественное развитие средств нападения вероятного противника (броненосные суда, нарезные орудия и т. п.) делало совершенно необходимой модернизацию системы обороны. Провести её было невозможно без модернизация тяжелой промышленности Российской империи, значительных затрат времени и капитала. На необходимость данных мер всеобщего характера указывал в уже упоминавшемся докладе еще полковник К.Я. Зверев¹.

Война в 1863 г. так и не началась. Россия была спасена от новых многочисленных жертв и получила жизненно необходимое время для развития экономики. Немаловажную роль в этом сыграла своевременная подготовка к обороне наших крепостей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Максимовский, генерал-майор, Богданович, генерал-лейтенант, Шильдер, генерал-майор и Хорошкин, полковник. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855-1880 гг). – СПб., 1879. Т. II. XI, 477, [114] с.
2. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под ред. Л.Г. Захаровой. 1860-1862. – М.: 1999. 559, [1] с.
3. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Под ред. Л.Г. Захаровой. 1863-1864. – М., 2003. – 686, [1] с.
4. Шильдер Н.К. Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Т. 1. – СПб., 1885. VIII, 542, 18-92 с.
5. Шильдер Н.К. Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Т. 2. – СПб., 1886. X, 543-992, 93-405 с.

¹ РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 5477. Л. 11.

УДК 930.2(470) «1946»

Волобуев О.В.

Московский государственный областной университет

**ПИСЬМА ТРУДЯЩИХСЯ И.В. СТАЛИНУ. 1946 ГОД:
ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

O. Volobuyev

Moscow State Regional University

**WORKING PEOPLE'S LETTERS TO I. V. STALIN. 1946:
HISTORICAL AND POLITICAL ASPECT**

Аннотация. В статье рассматриваются письма трудящихся, направленные на имя И.В. Сталина в 1946 г. В сводках, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории, представлены частично сами письма и главным образом аннотации на них. Эти эпистолярные материалы являются историческим источником, характеризующим положение и чаяния разных статусных социальных групп послевоенного советского общества. В этом историко-политологическом аспекте анализируются письма о положении колхозников, городского населения, бывших военнопленных, репатриированных. В целом взятые, они составляют картину повседневной жизни советских людей в условиях послевоенной массовой нужды и голодного 1946 г. Для большинства статусных групп на первый план выдвигались вопросы материального обеспечения, для бывших военнопленных и репатриированных граждан вопросы их правового положения.

Ключевые слова: письма Вождю, колхозники, городское население, бывшие военнопленные, репатриированные.

Abstract. The article deals with the working people's letters to I.V.Stalin in 1946. The records kept in the Russian State Archive of Socio-Political History include mainly annotations of the letters and partially the letters themselves. These epistolary documents are a historical source which characterizes the situation and expectations of various social groups in post-war soviet society. The author takes into consideration this aspect while analyzing the letters of: collective farmers, urban population, former prisoners of war and the repatriated ones. All those letters in whole make up a picture of Soviet people's everyday-life in post-war poverty and hunger of 1946. Questions of material security were important for most of status groups, while former prisoners of war and the repatriated citizens were mostly interested in their legal status problems.

Key words: letters to the Leader, collective farmers, urban population, former prisoners of war, the repatriated.

В статье рассматриваются письма 1946 года на имя И.В. Сталина, которые характеризуют положение разных социальных групп населения и в целом уровень материальной обеспеченности/необеспеченности населения страны. Письма представлены полными текстами (частично) и аннотациями.

Предлагаемое исследование продолжает и дополняет ранее опубликованную статью, в которой был дан общий обзор писем и заявлений на имя Сталина за 1946–1952 гг., хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде 558 [2]. В отличие от нее, в данной статье анализируются персональные и коллективные письма той части населения, которую можно определить, как «трудящиеся».

Такой выбор/отбор объясняется, во-первых, тем, что именно письма трудящихся могут выступать как источники массового характера, даже если их количество ограничено. Их в делах 1946 г. меньше, чем писем от разных слоев интеллигенции. Но в то же время среди них встречаются коллективные письма, причем под некоторыми имеются сотни подписей. В отличие от

писем интеллигенции, очень разнообразных по своей тематике, письма трудящихся дают более или менее цельную картину послевоенной повседневности в ее двух разрезах: материально-бытовом и правовом.

При анализе писем 1946 г. следует учитывать то разорение, те потери, которые были неизбежным следствием тяжелой и длительной войны. Не случайно большинство писем трудящихся было отправлено из городов и областей Европейской части СССР, которые пострадали от военных действий, оккупации или являлись прифронтовыми территориями (как Москва). Другим обстоятельством «тяжелого 1946 года» были его погодные условия. Низкий урожай зерновых 1946 г. вызвал массовый голод в ряде республик и областей Европейской части СССР [3; 8].

Положение некоторых областей было особенно тяжелым. Типичным можно считать письмо заведующего районным отделом образования Великолукской области В.И. Иванова, человека, вне сомнения честного, смелого и болеющего душой за людей. Он пишет о том, что у них свирепствует голод, люди опухают от недоедания, участились смертные случаи, что необходимо выделить хлеб, организовать питание детей, обеспечить их одеждой и обувью¹. И хотя ясно, что речь идет о разоренной войной области, нельзя не обвинить местное советское и партийное начальство в пренебрежении человеческими судьбами. То есть в каждом случае следует принимать во внимание и объективно действующие последствия недавно прошедшей войны, и субъективные причины, связанные как с политикой верхов, или, говоря другими словами, сталинской политикой, так и с конкретными отношениями к людям со стороны представителей местных органов власти (партийных, советских, административно-производственных).

Важным вопросом при классификации писем является отнесение авторов-отправителей по принадлежности или авторской позиции к определенной социальной группе, так как без этого невозможны ни отделение индивидуального от типичного, ни экстраполя-

ция имеющихся в письмах фактов и сведений на всю социальную группу. Самым простым, но в то же время упрощенно-грубым было бы прибегнуть к принципу классового деления общества, принятого в советскую эпоху. А. Лившиц и И. Орлов, внесшие существенный вклад в публикацию и изучение той группы источников, которую именуют «письма во власть», отмечали: «От того, как удастся классифицировать «письма трудящихся» зависит и эффективность их анализа, и в целом действительность использования данных источников для более полного понимания времени, к которому они принадлежат» [6, с. 17].

Наиболее адекватной тому времени и состоянию общества, на наш взгляд, является методика социальной стратификации, разработанная М. Вебером [1; см. также 3]. В данном случае имеется в виду деление на статусные социальные группы, т. е. группы, отличающиеся друг от друга в первую очередь своим правовым, престижным и материальным положением. На основании этих критериев в исследовании выделены следующие статусные группы: колхозники и рабочие совхозов, городское население, бывшие военнопленные, репатриированные граждане, заслуженные пенсионеры (лица, получающие персональные пенсии, члены ВКП(б) с многолетним партийным стажем, бывшие политкаторжане и т. п.). Выделяя городское население как некое единство, считаем, что и рабочие и служащие находились примерно в одинаковом положении в отношении продовольственного и промтоварного снабжения по карточкам. Бывшие военнопленные и репатриированные советские граждане относились к отдельным статусным группам по своему фактически бесправному положению в послевоенном обществе. При выделении заслуженных пенсионеров в самостоятельную группу «льготников» учитывался также фактор престижности.

Социально-экономическое состояние колхозов преимущественно отражено в аналитических записках и предложениях, представленных лицами, не являющимися колхозниками, но «болеющими» за состояние

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 63.

сельского хозяйства и положение его тружеников. Сами колхозники не отличались ни уровнем грамотности, ни, будучи замордованными условиями сельской жизни, быть может, необходимой гражданской смелостью. Так, например, Р. Пихоя, рассматривая в монографии письмо депутата одного из сельсоветов Кировской обл. С.Д. Корякова в Совет Министров СССР 1946 г., подчеркивает, что тот писал «по поручению колхозников» [7, с. 71]. Авторами развернутых аналитических записок, подобных письму С.Д. Корякова, являлись люди, хорошо знакомые с проблемами советского послевоенного села. Один из них – работник Орловского сельского райкома, член ВКП (б) с 1921 г., Н. Федоров, письмо которого датируется 6 июля 1946 г. О себе он сообщает, что являлся уполномоченным райкома в весеннюю посевную кампанию. Райкомы назначали своих уполномоченных обычно дважды в году: в весеннюю посевную и летне-осеннюю уборочную кампании. Перед уполномоченными, отвечающими за определенный участок (часть района), ставились задачи во что бы то ни стало добиться выполнения государственных плановых заданий по посеву и уборке сельскохозяйственных культур. Сам Федоров, относясь к институту райкомовских уполномоченных критически, замечает: «Широко используется институт уполномоченных, последние, привыкнув только накачивать, разносить и выжимать, не пользуются авторитетом у масс колхозников»¹. В начале письма Федоров констатирует, что «в 1944 и 45 годах в подавляющем большинстве колхозов ничего не выдавалось на трудодни» и «перспективы получить на трудодни в 1946 г. нет»². Следующая констатация не менее тревожна: «Плохой урожай и большой падеж поголовья в районе и области объясняют дождливыми летом и осенью 1946 года, фактически же в большей доле это следствие массового расхищения»³. Автор сетует на низкую трудовую дисциплину, на мелкобуржуазную психологию крестьян, на то, что сельские коммуни-

сты избегают физической работы и стремятся попасть на руководящую должность. Практические выводы сводятся к 4-м пунктам: необходимо: 1. выдвинуть лозунг «Лицом к колхозной деревне»; 2. выезд на места специальных комиссий; 3. шефство города над деревней; 4. переход от лозунгов периода войны к методам партийной работы в мирных условиях⁴. Если в описании состояния колхозного села Федоров честен, то в своих положительных рекомендациях он не выходит за рамки рекомендаций партийного чиновника, игнорируя глубинные причины «сельских бедствий». Но не станем ставить ему в вину «партийную слепоту»: она естественна для сталинского времени и сталинского поколения чиновников. Главное ведь его поступок: письмо Сталину о положении в сельском хозяйстве.

Автор другой обстоятельной записки о положении в колхозах и совхозах, И. Бовузей, не ограничиваясь одной областью, постарался собрать большой материал по разным областям и автономным республикам, часть которого приложена к «записке» в виде выдержек из газетных публикаций. В частности им использованы данные по районам Одесской, Харьковской и Тамбовской областей, Башкирской АССР. Как и Федорова, его беспокоит вопрос невыходов на работу в колхозах и совхозах (работают на индивидуальных приусадебных участках). Вывод Бовузея прост: колхоз не кормит, нужна личная непосредственная заинтересованность в результатах труда⁵. Какая могла быть заинтересованность в труде, если даже после выполнения планов хлебазаготовок и молокопоставок колхозников вновь облагали дополнительно и сверхпланово⁶. Вопрос о необходимости коренных изменений в колхозном производстве, в том числе пересмотра оплаты труда колхозников, поднимали и другие авторы писем, например, Д.М. Воронцов и П.А. Иванов⁷.

В городах положение с обеспечением продовольствием было и лучше и устойчивее по

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 22.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 868. Лл. 46-80.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 871. Л. 6.

⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 13.

сравнению с селом. Так, характеризуя его, москвич пишет: «есть карточки, есть нормы, каждый месяц со всевозможными вариациями карточки отовариваются». Жалуется он на обслуживание: «Трудно даже передать, как обслуживают, как выматывают нервы и сколько приходится затрачивать времени, чтобы отоварить свои карточки»¹. Однако не следует забывать, что и в Москве многие семьи еле-еле сводили концы с концами, о чем, в частности, можно судить по материалам информационных сводок, поступавших в ЦК ВКП(б) [4, с. 71].

О том, что в городе продовольственный вопрос все же как-то решался, свидетельствует письмо коллектива рабочих-железнодорожников станции Дружинино. Рабочие просят выдавать городской паек хлеба и сахара их детям, живущим в селах (многие рабочие отправляли своих детей к бабушкам и дедушкам в села)². Такое письмо-просьбу можно было отправить Вождю только в том случае, если все попытки решить этот вопрос на месте не дали положительного результата. Почему – можно гадать – то ли из-за бюрократизма, равнодушия, то ли по другим, скажем так, объективным причинам.

Конечно, и в городах, как известно, питание было скудным. Обобщая положение с питанием, П.К. Шевцов, согласно аннотации, «пишет, что большинство трудящихся нашей страны, в том числе и он, живут впроголодь. В пятилетнем плане ничего не сказано конкретно о реальной зарплате. Считает, что ЦК и особенно т. Сталину не вполне известно о состоянии материально-бытовых условий на местах»³.

Не только продовольственный вопрос был болезненным для населения, которое испытывало каждодневные бытовые трудности: что одеть, на чем спать, чем зимой топить печь. Отсутствие предметов первой необходимости (заметим, что не хватало даже кастрюль, тарелок и ложек) остро ощущалось населением, даже в столице. Показательно

в этом отношении письмо А.Н. Радина, информирующего о том, что москвичи уже третий месяц не получают мыла и что даже в годы Гражданской войны такого не было⁴. Или вот еще одно письмо-жалоба мосвича. У него протекла крыша, и он не может достать стройматериалы для ремонта. У него износились залатанные и заштопанные брюки, и он не может их заменить другими. У него развалился стул, и он вынужден сидеть на крышке из-под швейной машинки. «Наш плановик объясняет, – пишет жертва послевоенного быта, – что легче строить 5-ю очередь метро, так как она делается по плану, чем сшить или починить брюки, так как последнее надо делать в индивидуальном порядке»⁵. Не случайно уже в самом начале 1946 г. Т. Кошелева, обращаясь к Сталину, пишет о необходимости наладить производство платья, костюмов, пальто, и предметов быта⁶.

Материально тяжело было не одним колхозникам, рабочим, но и учителям. Среди писем 1946 г. имеются письма представителей этой общественно ответственной профессии.

Но не только о материальных трудностях писали Сталину. После войны рабочие и служащие надеялись на «раскрепощение»: отмену закрепления за постоянным местом работы. На право «свободного труда» ссылается сметчик Зарецкий: «Ввиду того, что Конституция СССР предусматривает свободный труд граждан Советского Союза, то само по себе разумеется необходимо дать свободу гражданам о переходе их из одного предприятия-учреждения в другое»⁷. Он же предлагает награждать за выслугу лет.

О чрезвычайно тяжелом положении материально-бытовом положении группы персональных пенсионеров дома инвалидов «Данки» сообщает Н.М. Субботина, в прошлом астроном с 50-летним стажем⁸. Пишут об этом и старые большевики, и бывшие поли-

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 40.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 866. Л. 6.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 871. Л. 10.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 8.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 39-40.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 866. Л. 3.

⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 24.

⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 4.

ткакторжане¹. Имеется и анонимное письмо о тяжелом материально-бытовом положении старых большевиков². Среди авторов писем-просьб имеется и Герой Советского Союза В.П. Антонов. Письмо все о том же: тяжело, помогите материально, помогите с комнатой (обратим внимание: с комнатой, а не квартирой). Это письмо было направлено секретарю Ивановского обкома партии³. О тяготах жизни Сталину пишет и бывший офицер, орденоносец, инвалид Великой Отечественной войны⁴.

Особенно сложно складывалась послевоенная жизнь бывших военнопленных. Их не прописывали в ряде городов, не давали возможности продолжить прерванную войной учебу в вузах. Автор такого письма с горечью восклицает: «Уцелеть в лагерях фашистов, не сгибая спины перед... фельдфебелем – разве это не мужество в жизни». Не преминул он и отметить, что все эти мытарства касаются миллионов людей⁵. В аннотации на письмо бывшего старшего лейтенанта, летчика Бухарова, попавшего раненым в плен после того, как самолет был сбит, так описывается его положение: «Теперь, будучи освобожден, он проходит так называемую проверку..., как бесправный, всеми осуждаемый преступник. Семья лишена пенсии, голодает, без крова, без обуви и одежды. Просит т. Сталина сказать ему, за что же такое наказание, когда вины за ним нет никакой»⁶. Как правило, анонимные письма до Сталина не доходили, но было, видимо, сделано исключение для такого коллективного письма, от имени стройбатальона, сформированного из бывших военнопленных. Красноармейцы, по их собственной аттестации, «бывшие в рабстве в Германии», жалуются на то, что находятся в очень тяжелых условиях: много работают, а их питание меньше и хуже, нежели у военнопленных. Они просят не только о том, чтобы

обратили внимание на их нужды, но и о том, чтобы им разъяснили, кем их считает правительство⁷. Похожим по направленности является и коллективное письмо от двухсот бывших военнослужащих, работающих на одном днепропетровском заводе. Заводские «крепостные» сообщают, что, по заявлению дирекции, они закреплены за заводом пожизненно, им предложено ликвидировать по месту их прежнего жительства хозяйства и перевезти свои семьи в Днепропетровск. Письмо заканчивается просьбой объяснить, кто они такие и каковы их права, есть ли у них надежда вернуться к семьям⁸.

Одно из коллективных писем на имя Сталина было получено от пятисот бывших военнослужащих, определенных в рабочий батальон при заводе им. М.И. Калинина в г. Дзержинске, Горьковской области. Прочитируем фрагмент из письма: «Но когда же будет этому конец? Ведь контингент данных людей, в особенности когда это было нужно для Родины, были офицерами РККА, сейчас в силу утери документов, это подтвердить не могут. До войны мы были инженерами, техниками, учителями, врачами, а сейчас мы стали ненужными людьми и выброшены в мусорную яму. Спрашивается, за что? За то, что мы на своих плечах вынесли все тяжести и невзгоды войны и оказались виновниками за то, что в ожесточенных схватках на поле боя остались ранеными, контуженными и попали в руки врага?»⁹.

Как ни тяжело было в рабочих батальонах, еще тяжелее оказалась судьба тех бывших военнопленных, которые находились в лагерях. Г.И. Петров пишет, что многие кадровые офицеры попали в лагеря, где содержатся вместе с преступными бандитскими элементами. Он соглашается на такую меру наказания, как лишение офицерских званий, но просит сохранить награды, заработанные кровью¹⁰. Как отмечается в аннотации на коллективное письмо, бывшие военнопленные, офицеры,

¹ РГАСПИ. См. коллективное письмо: Ф. 558. Оп. 11. Д. 866. Л. 19.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 12.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 13.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 4.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 866. Л. 132-133.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 11.

⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 10.

⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 64.

⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 22.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 17.

«пишут о бесправном, не заслуженном ими положении, в котором они очутились у себя на родине в Советском Союзе»¹. У некоторых бывших военнослужащих, находящихся в лагерях, возникает надежда на возможную амнистию. Такая просьба содержится в одном из писем².

Еще одна социальная категория «негативно привилегированных» – это репатриированные. О том, что к «претерпевшим муки рабства у немцев относятся как к людям второго сорта, неполноценным, презираемым», пишет Т.А. Мигаль. В письме – просьба к Сталину «своим словом разбить раз и навсегда мрачную тень прошлого»³. А.Б. Белковский просит разъяснить, будет ли демобилизация репатриированных, каково их правовое положение, могут ли они вступать в партию⁴. От имени репатриированных, находящихся в рабочем батальоне, автор письма просит сообщить, как скоро они будут отпущены к семьям и станут равноправными гражданами СССР⁵. С аналогичным вопросом о возвращении к семьям обращаются к Сталину 85 репатриированных лиц, подписавшихся под коллективным письмом⁶.

По содержанию писем и аннотаций авторов можно разделить на две части – тех, кого в первую очередь волновали вопросы питания и быта, и тех, для кого первоочередными стали вопросы их правового положения. Особенностью писем трудящихся был, как правило, не узкий лично-эгоистический подход к поднятым вопросам, а стремление «по-

дать голос народа» в интересах всей статусной группы. Как явствует из анализа приведенного эпистолярного материала, представители выделенных статусных групп надеялись на то, что Вождь недостаточно информирован о положении в стране и что в той или иной степени их обращения найдут отклик в самой высшей инстанции. Можно сказать, что это были письма «последней надежды».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вебер М. Основные понятия стратификации // А.И. Кравченко. Социология Макса Вебера: труд и экономика. – М., 1997 / Приложение. – С. 162-180.
2. Волобуев О.В., Волобуева Т.О. Сводки по письмам и заявлениям на имя И.В. Сталина. 1946–1952 годы: обзор архивных материалов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2011. – № 2. – С. 31-35.
3. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. – М., 1996. – 265 с.
4. Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М., 1919. – 230 с.
5. Иванова Н.А. Вопросы стратификации общества в трудах Макса Вебера // Историк и педагог: сборник статей памяти профессора А.С. Рудя. – М., 2012. – С. 76-83.
6. Лившиц А., Орлов И. Власть и общество: диалог в письмах. – М., 2002. – 206 с.
7. Пихоя Р. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. – М., 2007. – 715 с.
8. Попов В.П. Голод и государственная политика (1946–1957) // Отечественные архивы. 1992. – № 6. – С. 36-60.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 18.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 15.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 866. Л. 93.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 65.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 10.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 71.

УДК: 94 (470,311) “19”

Захарова А.А.

Московский государственный областной университет

**РОЛЬ ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ В САМОУПРАВЛЕНИИ
И ЖИЗНИ ГОРОДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОЙ ГУБ.)**

A. Zaharova

Moscow State Regional University

**THE CITY MAYOR'S ROLE IN THE CITY SELF-GOVERNMENT
AND CITY LIFE IN THE FIRST HALF OF XIXTH CENTURY
(ON THE MATERIALS OF MOSCOW DISTRICT)**

Аннотация. Городской голова – самый высокий пост в системе городского самоуправления. Целью данной статьи является анализ деятельности городского головы в тех городах Московской губернии, где существовали Городские думы и эта должность (Богородск, Серпухов, Дмитров, Звенигород). В ходе исследования были выявлены роль городского головы в самоуправлении и жизни города, его должностная компетенция и возможности. Должность городского головы еще никем по сохранившимся источникам в таком ключе не рассматривалась.

Ключевые слова: уезд, город, самоуправление, городской голова.

Abstract. City mayor was the highest position in the city self-government system. The purpose of this article is to analyze the activities of mayors in those cities of Moscow District, where existed both the City Duma and the position of City mayor (Bogorodsk, Serpukhov, Dmitrov, Zvenigorod). The researcher reveals the role of Mayors in the life of those cities, as well as their competences and capabilities. The position of Mayor has never been explored yet in the way the author of the article has done it using the historical sources.

Key words: uyezd (district in Russia of XIX), city, self-government, City mayor.

В связи с ростом политического самосознания граждан современной России, их политической активности, стало особо актуальным изучение такого явления, как городское самоуправление в России, истории его становления и развития.

В рамках исследования вопроса об истории городского самоуправления в Российской империи первой половины XIX в. необходимо уделить внимание должности городского головы. Историки неоднозначно оценивают роль и статус городского головы в системе управления городом. Одни, говоря о городском самоуправлении, утверждают, что его в первой половине XIX в. практически не было. Часто речь идет только о Думах, а об их руководителе толком не упоминают (Г.В. Вернадский [1], В.Д. Калинин [4], А.А. Кизеветтер [5], Л.Е. Лаптева и А.Ю. Шутов [7], В.А. Нардова [9]). Другая группа историков считает роль Городского головы значительной (Першин С.В. [11], Латкин В.Н. [8], Куприянов А.А. [6]) и даже высокой (Дитятин И.И. [3]). Целью данной статьи является анализ деятельности городского головы в городах Московской губернии. Для этого необходимо рассмотреть юридическое положение городского головы, его статус, место, отводимое ему в системе управления, и его возможности. Статья написана на основе источников, сохранившихся в фондах Центрального исторического архива Москвы. К сожалению, в архивах остались свидетельства о деятельности только отдельных городских дум. Данная статья написана на основе материалов городских дум Богородска, Дмитрова, Серпухова и Звенигорода.

© Захарова А.А., 2012.

Должность городского головы впервые упоминается в актах Уложенной комиссии Екатерины II. Согласно проекту, городской голова, которого избирали на три года, должен был организовывать выборы городских депутатов [10, с. 274]. Собственно говоря, по законодательству Екатерины II новая система городского самоуправления начиналась именно с городского головы.

Жалованная грамота городам 1785 г. делала городского голову руководителем всех органов городского самоуправления. Он был главой Общей, Шестигласной думы и Депутатского собрания для составления обывательской книги [2]. Он, можно сказать, в одном лице являлся целым «учреждением». К его ведению принадлежали все сношения с правительственными учреждениями [3, с. 166]. Городской голова собирал Общую думу (впоследствии она фактически перестала существовать, выпав из системы; её функции стало выполнять собрание купцов и мещан), и под его руководством проходили выборы депутатов в органы городского самоуправления: думу, магистрат и др. Гласные от настоящих городских обывателей, гильдий, цехов, иногородних, именитых граждан и посадских должны были явиться к городскому голове, чтобы выбрать гласных в Шестигласную думу [2, с. 116-117]. Городской голова, по Городовому положению, сидел в Общей городской думе «на стуле посередине» [2, с. 117], а уже вокруг него располагались гласные. У каждого из них было свое место, определенное Городовым положением.

Городской голова, как уже отмечалось, проводил и организовывал выборы, а также утверждал присягу и даже договаривался с представителями духовенства о благословлении лиц, избранных на городские должности.

Являясь главой Шестигласной думы, городской голова был инициатором и исполнителем её решений. Именно в фондах городской Шестигласной думы сохраняются его канцелярия и корреспонденция. Исключение составляет лишь начало деятельности городского головы в городе Серпухове. Там он числился главой Серпуховского городо-

во сиротского суда. Среди документов фонда Серпуховской городской думы этого периода обнаруживается переписка городского головы И.А. Серикова с думой¹. В других уездных городах Московской губернии таких документов не найдено. Не было причины заводить переписку с тем учреждением, в котором голова работал.

Заседания городской шестигласной думы крайне редко проходили без городского головы. Он, как её глава, нес ответственность за выполнение общественных приговоров, доверенных Думе². И, в конце концов, именно городской голова раздавал поручения по работе гласным³. Он имел на это право не только юридически, но и по причине статусного авторитета. Такой вывод можно сделать, проанализировав документы выборов на городские должности.

В занятии выборных должностей наблюдалась сословная дифференциация. На высшую должность городского головы, как правило, избирались только купцы первой гильдии. От занятия остальных мест в самоуправлении они могли отказаться и зачастую отказывались⁴. Должность городского головы приближала статус занимавшего её купца почти до уровня статуса дворянина. Вспомним, что дворяне тоже могли избираться на данный пост, но считали это ниже своего сословного достоинства. Но иногда бывало и так, что в городах даже не находилось желающих занять пост городского головы из купцов второй гильдии, не то что первой.

Степень авторитета городского головы можно выявить при анализе таблиц, составленных на основании баллотировочных списков.

Основную борьбу между собой вели первый и второй претенденты. Третий претендент, как правило, был только для порядка. К примеру, в выборах 1854 г. Семен Матвеев Соболев был приписан уже во время выборов, когда выяснилось, что другой кандидат,

¹ Центральный Исторический Архив Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 1036. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 13; Д. 2. Л. 1.

² ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.

³ ЦИАМ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.

⁴ ЦИАМ, Ф. 1796, Оп. 1, Д. 333, Л. 86.

Таблица 1

Городские головы города Богородска Московской губернии¹

Годы	Имя	сословие	возраст	Занимаемые прежде должности
1831–1834	Аким Прорехов	купец	Нет данных	Ратман (1817–1821)
1834–1837	Аким Прорехов	купец	Нет данных	Ратман (1817–1821), городской голова (1831–1834)
1838–1840	Елагин	купец	Нет данных	Не занимал
1840–1843	Аким Прорехов	купец 1 гильдии, почетный гражданин	Нет данных	Ратман (1817–1821), городской голова (1831–1837)
1843–1845	Иван Семенов Лабзин	купец	Нет данных	Нет данных
1846–1848	Александр Петров Крюков	купец 1 гильдии	42 года	Не занимал
1849–1851	Василий Максимов Фомичев	Купец 1 гильдии	51 год	Бургомистр (1843–1845)
1852–1854	А.П. Тюляев	2 гильдии купеческий сын, потомственный почетный гражданин	58 лет	Бургомистр (1849–1852)
1855–1857	И.С. Соловьев	Временно 2 гильдии, потомственный почетный гражданин	45	Бургомистр (1852–1855)
1858–1861	В.А. Прорехов	1 гильдии купеческий сын, потомственный почетный гражданин (сын Акима Прорехова)	Нет данных	Нет данных

Николай Ларионов Лаптев, 2 гильдии купец, собственности, жительства и торгового в Богородске не имеет и к участию в выборах подлежать не может².

Выбор граждан города зависел не столько от степени благосостояния купца, сколько от его опыта, о чем свидетельствуют возраст избираемых (не моложе 40 лет, в виде исключения В.А. Прорехов был избран как сын уважаемых в городе родителей), работа в других должностях и социальный статус (в первую очередь избирались купцы первой гильдии и почетные граждане).

Городской голова избирался каждые три года. Среди прочих условий особо нужно выделить то, что кандидат должен был принадлежать к Русской православной церкви.

Это требование позволяет отличить баллотировочные списки Богородска от списков других городов. Там обязательно присутствует указание вероисповедания. Все остальные должности могли занимать старообрядцы, но только не должность городского головы. Баллотировочные списки отправлялись на утверждение Московского гражданского губернатора. И если, по каким-то причинам, было неясно вероисповедание избранного на должность, губернатор через губернское правление имел право потребовать рапорта нового городского головы³. Так 8 января 1849 г. Василию Фомичеву пришлось давать расписку следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что я ни к какому расколу не принадлежу»⁴.

¹ Составлена по: ЦИАМ, Ф. 1796.

² ЦИАМ, Ф. 1796. Оп. 1, Д. 658, Л. 1, 10.

³ ЦИАМ, Ф. 1796. Оп. 1, Д. 289, Л. 25.

⁴ ЦИАМ, Ф. 1796. Оп. 1, Д. 333, Л. 42.

Таблица 2

Списки претендентов на должность Городского головы города Богородска¹

год	претенденты		
1849	Василий Максимов Фомичев	Иван Иванов Соловьев	Павел Петров Толченев
	Купец 1 гильдии	Купец второй гильдии	Почетный гражданин, купец 1 гильдии
	51 год, был бургомистром (1843–1845)	39 лет, в службе по выбору не был	64 года, в службе по выбору не был
	43 за, 5 против	23 за, 25 против	29 за, 19 против
1854	И.И. Соловьев	И.С. Соловьев	С.М. Соболев
	Временно 2 гильдии купец, потомственный почетный гражданин	Временно 2 гильдии купец, потомственный почетный гражданин	Купец 2 гильдии
	45 лет, в службе по выбору не был	37 лет, состоит на службе бургомистром (1852–1855)	54 года, в службе по выбору не был
	Дом с фабриками в уезде в деревне Авдотьино, в Москве дом в Басманной части.	Дом с фабриками в уезде в деревне Авдотьино, в Москве дом в Басманной части.	Деревянный дом в уезде и при нем лавка.
	77 за, 33 против	70 за, 40 против	57 за, 53 против.
1857	В.А. Прорехов	С.М. Соболев	И.С. Соловьев
	Потомственный почетный гражданин, временно 2 гильдии купеческий сын	2 гильдии купец	Потомственный почетный гражданин, временно 2 гильдии купец
	35 лет, в службе по выбору не был	57 лет, в службе по выбору не был	41 год, был бургомистром (1852–1855)
	За родительницу его состоит родовое имение в г. Богородске. Два дома один низ каменный, верх деревянный, другой деревянный на каменном фундаменте с надворными строениями и пивоварней, приобретенные в Мещанской части в Москве два каменных дома	Богородского уезда в селе Анискине дом со всеми к нему принадлежностями, и с лавкой	За родительницу его состоит родовое имение в г. Богородске. В уезде каменный дом с фабриками, в Басманной части приобретенный дом деревянный.
	96 за, 29 против	73 за, 52 против	71 за, 54 против

Городской голова, по общепринятому правилу избирался всем обществом, а не каждым сословием по отдельности. Эта особенность выборов возвышала должность городского головы над остальными должностями, на которые выборы проводились разными категориями избирателей отдельно. Он, в силу избрания всеми гражданами, становился представителем и главой всего города. И.И. Дитятин пишет, что правительственные органы воспринимали городского голову как главного представителя города «в сравнении

¹ Составлена по: ЦИАМ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 333, 658, 766.

со всеми остальными учреждениями» [3, с. 167].

Городской голова также руководил составлением городской обывательской книги. Все члены городского общества должны были быть вписаны в неё. Сначала составлялись обывательские списки по разным частям города. Это возлагалось на старост, избираемых, как и депутаты, на три года в каждой части города. Староста, составив список, должен был отнести его городскому голове, в Депутатское собрание, оставив себе копию. А там уже составлялась городская обывательская книга [2, с. 85-86].

Те, кто был недоволен работой Городского головы, могли представить свои жалобы в Губернский магистрат. Губернский, а за ним и Городской магистрат, рассматривался губернскими властями как некий орган контроля. Значительная часть корреспонденции шла в думу и к городскому голове именно через него. Чаще всего эти распоряжения требовали контроля за их исполнением со стороны магистрата.

Однако же не малая часть корреспонденции отправлялась Городскому голове лично. Он, как и все органы городского самоуправления городов Московской губернии, подчинялся Московскому губернскому правлению, и большинство приказов шло именно через него. Тематика их была самая разная: требование отчетов, рапортов, приказы по выборам, поручения решить проблему, возникшую в связи с чьей-либо жалобой на работу думы или кого-либо из её гласных.

Так, в 1796 г. правительство заинтересовалось существованием в городах установленной городским положением системы самоуправления. В Серпухов пришел приказ на имя городского головы о составлении отчета по этому вопросу¹. На что тот ответил, что дума в Серпухове давно учреждена². Когда началась Отечественная война 1812 г., копия высочайшего рескрипта была прислана городскому голове: «Настоящая обстоятельства, по последствиям своим весьма важные подвигли уже нас призвать, во имя отечества, верно-подданных наших в различных их сословиях и чиновостояниях, к принятию участия в мерах и усилиях, потребных как на охранение благосостояния Империи нашей вообще, так и на ограждение собственной каждого безопасности»³. То есть власть действовала через авторитет Городского головы.

Должность Городского головы за всё время существования Екатерининской системы ни разу не упразднилась. Даже во время войны 1812 г., когда после Бородинского сражения и занятия Москвы Наполеоном в Дмитровс-

кую городскую думу пришел указ из Московского губернского правления «о временном закрытии Дум в Московской губернии»⁴. 31 августа 1812 г. Шестигласная дума закрывается, оставляя в должности только городского голову. После окончания войны он должен был возобновить деятельность Дмитровской городской думы.

Роль городского головы в решении насущных задач жизни горожан была велика. Тем не менее возникали проблемы с кругом полномочий, которые не были четко определены законом. Так, в августе 1793 г. возник конфликт серпуховского городничего и думы. Городничий, в ответ на отчет головы о причине плохого состояния пожарных инструментов, стал требовать «о взятии от помянутого головы объяснения, по какому закону он мог именем своим сообщать, ибо де по высочайшему учреждению показано с кем именно сношения чинить, а Градскому голове такой привилегии не дано, а повелено в чем по делам законная нужда случится сообщаться с Думою, следовательно де одна особа не составляет общества Думы, которая учреждена из многих чинов, а к тому еще дерзновенно оный Голова осмелился частью отнести неисполнение на его городнический отчет, то де и нужно ему для донесения об оном сделанном им головою поступке вышнему начальству»⁵. Однако же в Учреждении для управления губерний «о таком сообщении с думою нимало не напечатано»⁶, потому что дума тогда еще не было. Городничий хотел воспользоваться провинностью Думы, поскольку действительно именно Дума должна была решать вопрос о содержании пожарного инструмента в порядке, для чего должен был избираться специальный смотритель и выделялись деньги из государственного бюджета; хотел унижить городского голову. Это случай не редкий, очень часто возникали конфликты у думы и городничего. Особенно в Серпухове конца XVIII – начала XIX в.

Естественно, что некоторые купцы, занимавшие должность городского головы, ис-

¹ ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

² ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

³ ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 179. Л. 19.

⁴ ЦИАМ. Ф. 1633. Оп. 1. Д. 637. Л. 25.

⁵ ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 16. Л. 14.

⁶ ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 16. Л. 14.

пользовали возможности этого статуса себе на пользу. Так, должность городского головы позволяла получить звание почетного гражданина, что повышало статус человека и его семьи.

Городской голова и другие выборные чины ответственности после окончания службы не несли. Этим воспользовалась Шестигласная дума Серпухова, когда ее обязали написать отчет о доходах и расходах города. Отчет писать гласным, видимо, не хотелось. Они сослались, на то, что бумаг Голова не оставил, а чтобы спросить у него, его надо разыскать. Обещали расспросить, но так ничего и не выясняли¹. Через три года повторилось то же самое, когда требование об отчете пришло вновь избранным гласным и городскому голове.

Выгоды и престиж, которые сулила должность городского головы, заставляли желающих быть избранными на должность городского головы прибегать к разным способам влияния на избирателей. Не всегда эти способы были законны.

В мае 1851 г. статский советник Трубецкой писал докладную записку на имя московского генерал-губернатора А.А. Закревского. Записка содержала в себе описание злоупотреблений дмитровского городского головы Е.А. Немкова: «Немков, 15 лет постоянно избираемый в городские головы, употребляет для достижения сей цели средства непозволительные: перед выборами он в собственном трактире бесплатно кормит и поит многих людей, которые в нетрезвом виде избирают на свою погибель человека, коего они проклинают, когда очнутся от винных паров» [6, с. 289]².

В мае 1813 г. в городскую думу на имя городского головы пришло письмо из Московского губернского правления, в котором содержалась копия жалобы генерал-лейтенанта Петра Михайловича Лунина на притеснения со стороны городского головы Плотникова и требование дать объяснение по этому вопросу.

Основные жалобы Лунина заключались в следующем.

1. Плотников, «будучи под суждением палаты уголовного суда за причиненные жестокие побои дяде своему родному 1-й гильдии купцу Семену Иванову сыну Плотникову, в чем и по следствии доказан, повидимому не находил более средства к прекращению сего дела как при нынешней должности»³.

2. Он хотел «усторонить от наследства по смерти дяди своего Федора Иванова сына Серикова вдову с малолетною дочерью, нужна была ему власть для содействия во оном таковая каковая в сем случае предоставлена градскому главе над сиротским именем»⁴.

3. Чтобы «удобнее дать способ тестю своему 3-й гильдии купцу Сергею Костякову в содержании в доме Герберга со всякой противозаконной свободой, в подрыв казенных питейных сборов и другие сему подобные обстоятельства заставляли его всячески искать оной должности по видам его необходимой чего достигнуть он хотя бы и не должен тем более, что сверх нахождения его под судом состоял от отца своего неотделенным и не имел никакой собственности, а посему за силою городского положения, не только не мог быть избираем ни в какую должность, кольми ж паче градским главой, но даже голосу и стула в обществе иметь не должен, однако всё сие было сокрыто от начальства и выбор состоял едва ли не из одних его единомышленников и родственников»⁵.

4. «Плотников по вступлении в должность, первым почти тем начал, что старался стеснить содержимый мной (Луниным) откуп неправильными к оному привязками»⁶.

Далее Лунин подробно описывал все злоупотребления Плотникова на посту городского головы. Он нарушал закон о питейных заведениях, чем приносил убытки не только и не столько бюджету города, сколько государственному. К примеру, трактир первого номера не соответствовал в корне предписы-

¹ ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.

² ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 41. Д. 112. Л. 14 об. – 15. Здесь и далее тексты цитируются с сохранением орфографии и синтаксиса оригинала.

³ ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 178. Л. 2.

⁴ ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 178. Л. 2 об.

⁵ ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 178. Л. 2 об. – 3.

⁶ ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 178. Л. 3.

ваемым законом правилам. Оправдания, написанные Плотниковым в ответ, содержали характерный для любых оправданий текст. Однако заставили усомниться и в верности утверждения Лунина о том, что Плотников во время выборов был под судом. К сожалению, автору не удалось отыскать документов, касательно окончания этого дела.

Освещение этой истории в настоящей статье не имеет задачи разобраться в том, кто был прав, а кто нет. Так или иначе, даже если Лунин не был полностью прав, не все его обвинения были беспочвенны. Приведенный пример демонстрирует то, насколько мог городской голова злоупотребить своим положением. Документы этого конфликта показывают, что энергично и решительно действующий городской голова был в состоянии полностью контролировать жизнь города, и, несмотря на то, что цели Плотникова носили, видимо, преступный характер, именно так действовал бы любой городской голова. Плотников сумел организовать вокруг себя преданных ему людей, которые к тому же владели основными откупам, дававшими доход городу, и навести порядок, на свой лад, конечно, но тем не менее порядок. Как ни парадоксально, но именно такими способами, какими действовал городской голова Плотников, можно было дать силу думам, их работе, организовать их деятельность.

В начале статьи была поставлена цель проанализировать деятельность городского головы, оценить его юридическое положение, статус в глазах городских жителей и возможности на примере нескольких уездных городов Московской губернии. Исходя из приведенных в работе данных, можно сделать следующие выводы. Городской голова – важнейшая фигура городского самоуправления. Юридически являясь главой всех органов городского самоуправления, он нес ответственность за их организацию и деятельность. Избираемый всем собранием городского общества, он являлся представителем всего города не только в глазах начальства, но и в общении с другими городами. Тем более, что Голова был, как правило, купцом первой

гильдии, обладая самым высоким статусом среди горожан. Должность городского головы, несмотря на убытки, которые она приносила (постоянный отрыв от личного бизнеса), имела и свои плюсы в виде престижа и возможности злоупотребить своим положением для личной выгоды. Несмотря на характерное для купечества нежелание участвовать в городском самоуправлении, находились и те, кого избирали по нескольку раз, а так же те, кто составлял династию управленцев (Прореховы в Богородске).

Городской голова имел в своем подчинении в основном мещан. Именно они, составлявшие большинство, «средний класс» города, были заинтересованы принимать под руководством головы участие в наведении порядка и решении городских проблем. Дума же при определенных действиях и качествах авторитетного городского головы теряла свою ведущую роль и подчинялась руководству сильного начальника. Но таких людей было мало, большинство купцов, ведь именно они должны были по замыслу законодательницы Екатерины II стать костяком, элитой самоуправления города, были еще общественно индифферентны, не заинтересованы в завоевании престижа в ущерб богатству.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вернадский Г.В. Очерк истории права Русского государства XVIII–XIX вв. (Период империи). – М., 1998. – 174 с.
2. Грамота на права и выгоды городам Российской империи. Ст. 60, 61 // Законодательство Екатерины II: в 2 т. Т. 2. – М., 2000. – 981 с.
3. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. I. Ярославль, 1875. – 565 с.
4. Калинин В. Д. Из истории городского самоуправления в России (XVIII – начало XX вв.). – М., 1994. – 92 с.
5. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX – XIX ст. Исторический очерк. – Петербург, 1917. – 120 с.
6. Куприянов А.А. Культура городского самоуправления русской провинции 1780–1860-е годы. – М., 2009. 326 с.
7. Лаптева Л.Е., Шутов А.Ю. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. – М., 1999. – 320 с.

8. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII–XIX вв.). – М.: Зерцало, 2004. – 576 с.
9. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX века. – Л., 1984. – 260 с.
10. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. – М., 1993. – 428 с.
11. Першин С.В. Сословные учреждения в России в первой половине XIX века (по материалам дворянских и городских обществ Средневолжских губерний): Автореф. дисс. ... д. и. н. – Саранск, 2010.

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира, Средних веков и Нового времени

УДК 94.(32).04.

Сафронов А.В.

Московский государственный областной университет

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МИГРАЦИЯХ «НАРОДОВ МОРЯ»

A. Safronov

Moscow State Regional University

NEW DATA ABOUT THE SEA PEOPLES' MIGRATIONS

Аннотация. В статье анализируются недавно обнаруженные данные о двух государствах раннежелезного века, которые были созданы мигрирующими «народом моря» в начале 12 в. до н.э. на территории Северной Сирии и Киликии. Автор рассматривает их в общем контексте миграций «народов моря» в конце 13 – начале 12 в. до н.э., привлекая надписи Рамсеса III, данные археологии Восточного Средиземноморья и греческую эпическую традицию о походе Мопса и Амфилоха в Киликию, Сирию и Финикию. На основании комплексного анализа источников автор полагает, что греческая традиция зафиксировала две волны «народов моря». Одна из них происходила из Южной Греции и была вызвана коллапсом микенского мира, вторая – с северо-запада Анатолии, где согласно надписям Рамсеса III произошла война. Возникновение в раннежелезном веке государственных образований в Северной Сирии и Киликии, связанных с разными этническими группами «народов моря», еще раз подтверждает представление о длительном и неоднородном процессе их миграций.

Ключевые слова: ахейцы, Аххиява, Новохеттское царство, Мопс, «народы моря», Рамсес III, Тайта, Телль Тайнат, филистимляне.

Abstract. The article considers data about two Early Iron Age states in Syria and Cilicia, which were established in early 12th century B.C. by the migrant Sea Peoples. The author considers them in the context of all migrations of the Sea Peoples in late 13th – early 12th centuries B.C. and uses Ramses III. inscriptions, archaeological data from Eastern Mediterranean and the Greek epic tradition about the journey of Amphilocho and Mopsus to Cilicia, Syria and Phoenicia. On the basis of the complex analysis of the sources the author states that Greek epic tradition captured two waves of the Sea Peoples' migrations. One of them took place in Southern Greece and was due to the collapse of the Mycenaean world. The other one came from the north-west of Anatolia, where according to Ramses III inscriptions a great war had taken place. The emergence of the Early Iron Age states in Syria and Cilicia, established by different ethnic groups of the Sea Peoples, confirms once again the fact that there was a long-lasting and heterogeneous process of the Sea Peoples migrations.

Key words: Achaeans, Ahhiyawa, the New Hittite Kingdom, Mopsus, the Sea Peoples, Ramses III, Taita, Tell Taiyinat, Philistines.

© Сафронов А.В., 2012.

Работа выполнена в рамках гранта МК-3263.2012.6. Автор благодарен Совету по грантам при Президенте Российской Федерации за финансовую поддержку.

В 1997 г. на юге Турции, в 30 км к югу от Аданы в деревне Чинекёй на постаменте статуи, изображающей стоящее на бычьей упряжке божество, была обнаружена финикийско-лувийская билингва царя страны Куэ Урикки, современника ассирийских царей второй половины 8 в. до н.э. Тиглатпаласара III и Саргона II [27, р. 974]. Надпись гласит: ⁽¹⁾ Я – Варика, сын [...], потомок Мукаса, царь (Ах)хиявы, [слуга] бога Грозы, [человек бога Грозы]. ⁽²⁾ Я, Варика, расширил [(территорию) города (Ах)хиявы, ⁽³⁾ [и сделал процветающей] равнину (Ах)хиявы благодаря помощи бога Грозы и моих отеческих богов. ⁽⁴⁾ Я прибавил коней к коням, ⁽⁵⁾ Я добавил войско к войску. ⁽⁶⁾ Царь Ассирии и весь царский дом Ассирии стали мне как отец и мать. ⁽⁷⁾ И (Ах)хиява и Ассирия стали единым домом. ⁽⁸⁾ Я сокрушил [могучую] крепость, ⁽⁹⁾ [и я построил] крепости – восемь на востоке и семь на западе. ⁽¹⁰⁾ Эти места были.... для дворца приречной страны. ⁽¹¹⁾ И я сам [.....] в стране... города [.....] ⁽¹²⁾ [.....все] очень хорошие вещи [9, р. 265].

Как уже неоднократно отмечалось, название страны Хиявы в надписи Урикки является аферезой от Аххиявы [27, р. 982-983; 9, р. 266], хорошо известного государства текстов периода Новохеттского царства, которое сейчас практически всеми сопоставляется с греками-ахейцами и помещается либо в Эгеиде в общем, либо конкретно на юге Балканского полуострова [9, р. 281-283; 18, р. 119-120; последний обзор библиографии по проблеме Аххиявы [см.: 12, р. 69-124]. Появление на территории позднейшей Киликии царства (Ах)хиявы теперь рассматривается как свидетельство миграции ахейских греков из Эгеиды на территорию южной Анатолии в начале 12 в. до н.э. [9, р. 266]. В этой связи примечательно то, что в хорошо известной финикийско-лувийской билингве Азитиватаса из Каратепе страна (Ах)хиява упоминается под названием Аданавана, а народ, ее населявший, назван данунитами [10, р. 351; 15, р. 49-51]. В надписи же 8-го года правления Рамсеса III в коалиции «народов моря» упоминаются *дануна* [20, р. 46], которых сопоставляли с дану-

нитами, обитателями Киликии, отказываясь признать их связь с данайцами и, следовательно, участие ахейских греков в миграциях «народов моря» начала 12 в. до н.э. [см. обзор мнений: 2, с. 159-164]. Теперь, когда появилась возможность соотнести Аххияву и данунитов, можно констатировать участие ахейских греков в передвижениях «народов моря», что и до этого наглядно демонстрировалось данными археологии, свидетельствующими о массовом появлении в Восточном Средиземноморье носителей позднемикенской культуры в начале 12 в. до н.э. [21, р. 813-814].

Поскольку в надписях из Каратепе и Чинекёй правители описаны как династы из Дома Муксуса/Мопша (BT MPŠ финикийской надписи) [15, р. 49-51], для объяснения его появления в Киликии исследователи привлекали достаточно многочисленные свидетельства греческой традиции о лидийском герое Мопсе [28, р. 195-199; 30, р. 190-195]. Вкратце ее можно изложить следующим образом. После взятия Трои часть ахейцев под предводительством Амфилоха и Калханта сожгли свои корабли и вместе с соратниками пришли по суше в Колофон в Лидии. Здесь они встретили сына Аполлона Мопса, который вступил в состязание с Калхантом в искусстве прорицания. После поражения Калхант умер, а Мопс, Амфилох и их спутники продвинулись далее на восток, перешли Тавр и осели в Памфилии и Киликии, где основали ряд городов [28, р.185-187]. По данным Страбона, Амфилох и Мопс вступили в поединок из-за царской власти в Киликии и в поединке убили друг друга (Strabo. XIV.5.16). Геродот и греческий поэт Каллин сообщают, что Мопс и его люди продвинулись в Сирию и Финикию [28, р. 192]. Ксанф Лидийский упоминает, что Мопс, сын Лида, пришел в Аскалон и бросил там местную богиню Атаргатис в озеро [28, р. 193; 2, с.153].

Традиция о походах Мопса относится ко времени, по меньшей мере, не позднее первой половины I тыс. до н.э. Она была известна жившему в 7 в. до н.э. Калину. Неоплатоник 5 в. н.э. Прокл упоминает о том, что он описывает сюжет о смерти Калханта в Колофоне по

сочинению жившего не позднее первой половины VI в. до н.э. Гагия из Трезена. Последнему приписывалось составление киклической поэмы Νόστοι о возвращении греческих героев после взятия Трои [6, с. 70-71]. Согласно Страбону (Strabo. XIV. 1:27), миф о состязании в искусстве прорицания между Калхантом и Мопсом был хорошо знаком Гесиоду, жившему в конце 8 – начале 7 вв. до н.э. [6, с. 61]. Крайне важное свидетельство привел Геродот (Herod. VII:91): «Эти (киликійцы/Κίλικες - А.С.) в древние времена назывались гипахейцами» (οὗτοι δὲ τὸ παλαιὸν Ὑπαχαιοί ἐκαλέοντο). Имя Киликии впервые встречается в 723 г. до н.э. в надписях ассирийского царя Салманасара V [1, с. 58, 70]. Однако к 8 в. до н.э. киликийцы обитали не в самой Киликии, а к северу от нее, в Катании в верховьях Галиса. В Киликию же они пришли же лишь на рубеже 8 – 7 вв. до н.э. [1, с. 70]. Таким образом, Геродот сохранил древнее название обитателей позднейшей Киликии, которое, по меньшей мере, должно восходить ко времени не позднее 9 в. до н.э. Это тем более интересно, поскольку само название Ὑπ-αχαιοί означает «под-ахейцы», т. е. те, кто находятся под властью ахейцев [2, с. 154]. В таком случае представляется полностью обоснованным провести параллели между Хиявой надписи Урикки, Аххиявой хеттских текстов и древним обозначением названием киликийцев Ὑπαχαιοί, зафиксированным Геродотом [27, р. 982-984].

Таким образом, мы имеем весомые аргументы, которые свидетельствуют, что после падения Хеттского царства в начале 12 в. до н.э. на территории Киликии возникает царство Аххиява, значительной частью населения которого были мигранты из Эгеиды. Это подтверждается и данными археологии Киликии, в частности Тарса, которые свидетельствуют, что после пожара, уничтожившего поселение позднебронзового периода IIa (период Новохеттского царства), в Тарсе возникает позднемикенское поселение [28, с. 192; 31, р. 140-154, 159-161].

Еще одно важное открытие, имеющее непосредственное отношение к миграциям

«народов моря» начала 12 в. до н.э., было сделано в 2003 г. в долине Амука на территории юго-восточной Турции. При раскопках Телль Тайнат была обнаружена лувийская иероглифическая надпись местного династа Тайты. Археологические слои I тыс. до н.э. в Телль Тайнат сейчас идентифицированы как Кунулуа, столица государства с двойным названием Патина/Унки [14, р. 84], упоминаемого в надписях ассирийских царей 9 в. до н.э. Ашшурнацирапала II и Салманасара III.¹ В 2009 году Д. Хокинс издал надпись, текст которой следующий: ^(§1) Я – Тайта, герой, царь страны *Pa-TA₅-sà-ti-ni*. ^(§2) Моему господину, бога Грозы Халеба я посвятил изображение. ^(§3) Бог Грозы Халеба сделал меня... ^(§4) (Тот), кто придет в этот храм поклониться богу, ^(§5) если он – царь, ^(§6) да будет позволено ему пожертвовать быка и овцу. ^(§7) Если же он царский сын, ^(§8) или землевладелец, ^(§9) или господин приречной страны, ^(§10) да будет ему также позволено пожертвовать овцу. ^(§11) Если же он – человек более низкого ранга, ^(§12) Пусть это будут хлеб, возлияние и..... [16, 169].

Сама по себе эта стандартная посвятельная надпись не представляла бы большого исторического интереса, если бы не упоминаемый в ней политоним. Правитель Тайта и его жена Купапийас уже были известны до этого из других лувийских иероглифических надписей на стенах, найденных в Мехарде и Шейзаре, неподалеку от Хамы в Сирии. В них Тайта именуется как царь страны *wa/i-TA₄-sà-ti-ni* [15, р. 403, 415-417]. Однако Д. Хокинс указал, что графемы T₄/T₅ лувийской иероглифического письма в период Новохеттского царства передавались в клинописи как *ali* и *ala*, а в постхеттский период слились в *la/i* [16, р. 171]. Таким образом, название страны, которой правил Тайта, на самом деле звучало как *Palistin-/Walistin!*²

¹ Ассирийское название Унки (KUR Unqaja) происходит из арамейского 'mq «низменная равнина». Оттуда же происходит современное название Амука [22, S. 160; 16, р. 171].

² Более позднее написание в новоассирийских надписях Pat(t)in, второго наименования государства Унки, восходит к лувийскому иероглифическому Palistin [16, р. 171-172].

Исследователи сразу же сопоставили название государство Тайты с филистимлянами, одним из племен коалиции «народов моря», обрушившихся на Восточное Средиземноморье в начале 12 в. до н.э. [16, р. 171; 14, р. 83]. Действительно, египетское название *Prst* и, которое впервые упоминается в надписях 5-го и 8-го годов правления Рамсеса III (1193 и 1190 гг. до н.э. соответственно)¹, полностью совпадает с обозначением государства Тайты. Упоминаемое в Ветхом Завете 294 раза этноним *Pelištīm* (мн.ч.)/*Pelešet* (ед. ч.) и производное от него прилагательное *Pelištī* [19, р. 54], как и страна *Palastú/Pilišta* ассирийских надписей 9 – 8 вв. до н.э. [23, р. 527] также совпадают с наименованием царства Палистин на севере долины Оронта. Хронологически государство Палистин не могло возникнуть ранее конца Новохеттского Царства в начале 12 в. до н.э. и позднее начала 9 в. до н.э., когда она уже в видоизмененной форме Патина/Унки встречается в надписях Ашшурнацирапа II и Салманасара III.

Палеографические особенности надписи из Телль Тайнат указывают, что она была создана около 1100 – 1000 г. до н.э. [16, р. 171-172]. Иными словами, государство Палистин должно было существовать в период с начала 12 до 10 в. до н.э. Оно, судя по находкам надписей Тайты, охватывала районы Алеппо и Хамы, а также территории государств I тыс. до н.э. Унки, Арпада и Хамата [16, р. 171-172]. В позднебронзовом веке это были территории государств Мукиша, Нийи и Нухашше [14, р. 84; см. также карты в: 29, S. 15, 33, 43]. Директор «*Tayinat Archaeological Project*» Т. Харрисон в отчетах о раскопках слоев раннежелезного века Телль Тайнат указал, что в начале 12 в. до н.э. этот город был вновь заселен после 800-летнего перерыва, причем исследователь отмечает находки большого количества керамики позднееэлладского периода III:C₁ (далее – ПЭ III:C₁), а также грузил для натяжения нитей в ткацких станках, которые единодушно отождествляются как эгейские

¹ Здесь и далее используется средняя линия новоегипетской хронологии, согласно которой воцарение Рамсеса II приходится на 1290 г. до н.э.

артефакты, распространенные как на юге Балканского полуострова (Микены, Тиринф), так и в левантийских городах начала 12 в. до н.э. с керамикой ПЭ III:C₁ [14, р. 88-90]. Кроме того, исследователь отмечал наличие культовых статуэток, что также позволяет говорить о сильном эгейском влиянии в Телль Тайнат начала 12 в. до н.э. [13, р. 187; 14, р. 90-91].

Таким образом, сходство названия царства Палистин с именем филистимлян и данные археологии Телль Тайнат свидетельствуют о возникновении на равнине Амуку мощного государственного образования, созданного «народами моря» во время их передвижений в начале 12 в. до н.э. Происхождение же большей части «народов моря» на основании анализа их материальной культуры в Леванте сейчас связывается исследователями с областями Эгеиды [31, 192-193].

Если мы обратимся к египетским источникам Рамсеса III и угаритским текстам времени падения Угарита, мы увидим, что гипотеза о создании «народами моря» государства Палистин в Сирии ими прямо подтверждается. В надписи 5-го года, когда впервые упоминается столкновение Рамсеса III с филистимлянами [4, с. 124-125], в череде пространных словословий фараону неожиданно упоминается следующее: ⁽¹³⁾ Страна Амурру (превратилась) в пепел, ⁽¹⁴⁾ нет семени его, пленены все люди его, рассеяны и покорены. Все <люди> земли его (т. е. Амурру) пришли как просители, ⁽¹⁵⁾ чтобы увидеть великого Ра Египта для себя. Прекрасен Атон для них, Ра, выходящий (и) ⁽¹⁶⁾ поднимающийся над землей, Шу Египта, тот, который в вышине. Говорили они: «Будь высоко, Ра, страна наша уничтожена. Мы ⁽¹⁷⁾ – в стране жизни, где тьма изгнана» [20, Pl. 27]². В надписи же 8-го года правления Рамсеса III дается более детальная информация о разрушении страны Амурру: «⁽¹⁶⁾ Чужеземья заключили союз на своих островах. Пришли

² В целях экономии места здесь и далее транслитерация надписей Рамсеса III опущена. С иероглифической транскрипцией издания экспедиции Восточного института Чикагского университета в Мединет Абу, по которой осуществлен перевод, можно ознакомиться онлайн – URL: <http://oi.uchicago.edu/pdf/oip8.pdf> (дата обращения к документу: 01.10.2012).

в движение и рассеялись в сутолоке борьбы страны в один миг. Не устояла ни одна страна перед руками их, начиная с Хатти, Коде, Каркемиша. Арцава и ⁽¹⁷⁾ Аласия опустошены в [один миг]. [Разбит был ими] лагерь в месте одном посреди Аммуру. Уничтожили они людей его, землю его, которые (стали) несуществующими. Они шли, и пламя занималось впереди них по направлению к Земле Возлюбленной. Их конфедерация (состояла) ⁽¹⁸⁾ из пелесет, текер, шакалуша, дану(на), ва-шаша. Страны объединенные, наложили они длань свою на земли до круга земли. Сердца их (были) тверды и уверенны: «Наши замыслы сбудутся!» [20, Pl. 46]. В обеих надписях речь идет о разрушении «народов моря» государств Малой Азии и Сирии и создании своих поселений. Примечательно, что государство Амурру названо промежуточным пунктом на пути «народов моря» в Египет, которое они уничтожили и на территории которого создали свое государство [24, p. 315]. Если посмотреть на карту Сирии позднебронзового – раннежелезного века, то государство Палистин фактически граничило с землями, которые в позднебронзовом веке входили в состав Амурру [29, S. 15:Karte A: C2; S. 33:Karte B:C2]. На основании египетских надписей можно предположить, что государство Палистин было создано в начале 12 в. до н.э. после разрушения «народов моря» государств Сирии. Это подтверждают и тексты, найденные в Угарите. Незадолго до падения Угарита о нападении «народов моря» на вошедшее позднее в состав страны Палистин царство Мукиш со столицей в Алалахе сообщает письмо RS 16.402. Угаритский функционер Эвир-Шаррума в письме своей госпоже (возможно, матери последнего угаритского царя Аммурапи) упоминает, что враг перевалил через Аманус и захватил Мукиш [7, p. 257-258; 25, p. 724-725]. Возможно, в этой же связи следует рассматривать аккадское письмо RS 34.143, в котором царь Каркемиша упрекает правителя Угарита за то, что последний удерживает лучшую часть колесничих войск и посылает ему вопреки вассальному договору с царем хеттов небоеспособные контингенты

[25, p. 723-724]. Базироваться же угаритские воинские подразделения должны были как раз в Мукише.

Таким образом, мы видим, что в начале 12 в. до н.э. в Северной Сирии мигрирующими «народами моря» было создано государство, название которого является одинаковым с наименованием Палестины в Южном Леванте¹. Факт существования двух Палестин – северной и южной, указывает на то, что передвижения «народов моря», зафиксированные египетскими источниками в 12 в. до н.э., были достаточно длительным процессом, в ходе которого основывались новые города и государства и происходило смешение мигрантов с местным населением. Наличие же поселений «народов моря», достаточно удаленных от моря, позволяет предположить, что основным путем миграции «народов моря» в начале 12 в. до н.э. был сухопутный [31, p. 163, 329]. Приведенные выше данные заставляют отказаться от высказывавшихся предположений о проникновении филистимлян на юг Леванта главным образом по морю [8, p. 220-221], а также от гипотезы [11, p. 166], согласно которой данные надписей и рельефов заупокойного храма в Мединет Абу, свидетельствующие о миграционном характере передвижений «народов моря», недостоверны.

Учитывая новые данные о существовании в Сирии и Киликии созданных «народами моря» государств Палистин и (Ах)хиява, правители которой возводили свой род к герою Мопсу, любопытно рассмотреть гипотезу А.А. Немировского. Исследователь, проанализировав вышеупомянутые данные гречес-

¹ Недавно было выдвинуто предположение, что упоминание t3 Prst.w «земля пелесет/филистимлян» в надписях Рамсеса III относится не к Палестине в Южном Леванте, перешедшей к филистимлянам после утраты египтянами контроля над этой территорией во второй половине 12 в. до н.э., а к сирийскому государству Палистин [17, p. 3-5]. В дальнейшем Палестина именно как обозначение страны точно фиксируется в египетских текстах лишь при XXII династии, в 10 в. до н.э. [26, S. 32-33, Pl. VII:2], хотя в Ветхом Завете филистимляне уже определенно населяют Палестину в эпоху Судей, Саула и Давида, т. е. в 12 – 11 вв. до н.э. [16, p. 171]. Поэтому вопрос о соответствии «земли Пелесет» надписей Рамсеса III «южной» Палестине требует дальнейшего исследования.

кой традиции о Мопсе, Калханте и Амфилохе, отметил их противоречия относительно места присоединения Мопса к походу Амфилоха и Калханта. На этом основании он пришел к выводу, что изначально существовало два независимых сюжета, лишь впоследствии объединенных традицией в единое целое. Первый из них был связан с движением Амфилоха и Калханта после взятия Трои на юг Анатолии, в Сирию и Финикию. Второй отражает совершенно независимую традицию о Мопсе, пришедшем из Лидии в Киликию [3, с. 11]. Исследователь предположил, что предание о походе Амфилоха и Калханта является реминисценцией передвижений «народов моря» при Рамсесе III [3, с. 11-12]. При этом сообщение Каллина о том, что Мопс возглавил поход людей Амфилоха и Калханта и дошел с ними до Сирии и Финикии, А.А. Немировский считает поздней интерполяцией в более ранний текст, в котором изначально Мопс отсутствовал [3, с. 11-12]. Само же предание о передвижении Мопса из Лидии в Киликию так и осталось не объясненным исследователем.

Позволим себе дополнить и несколько видоизменить гипотезу А.А. Немировского. Нами уже неоднократно приводился перевод надписи 5-го года правления Рамсеса III, в котором, на наш взгляд, упоминается война, опустошившая родину трех племен «народов моря» – *пелесет, текер и турша* и вызвавшая их передвижение в Восточное Средиземноморье [4, с. 124-130; 5, с. 144-152; 24, с. 311-315]. Эти племена на основании сопоставления египетских текстов, данных археологии и греческой традиции мы помещали в северо-западной Анатолии [4, с. 130-138]. Кроме того, у нас есть неоспоримые данные археологии о том, что после коллапса микенского мира в конце ПЭ III В (рубеж 13/12 вв. до н.э.) греки мигрируют из Южной Греции в Восточное Средиземноморье, прежде всего, на Кипр и в Киликию [31, р. 140-154, 159-161]. Таким образом, по независимым от греческой традиции источникам прослеживаются две волны переселений начала 12 в. до н.э. – одна из распадающегося микенского мира, другая

– из районов Западной и Северо-Западной Анатолии.

Это позволяет предполагать, что в традиции о походах Мопса, Амфилоха и Калханта, по-видимому, действительно слились воспоминания как о миграции ахейских греков (традиция о походе Амфилоха и его спутников вплоть до Киликии), так и о миграции населения западной Анатолии в начале 12 в. до н.э. на юг Анатолии и в страны Леванта (традиция о походах Мопса Лидийского). Возникновение государственных образований Палистин и (Ах)хиявы на пути следования «народов моря» в Южный Левант, которые, по-видимому, были созданы разными этническими группами (ахейцами и филистимлянами), а также данные текстов Рамсеса III, описывающие «народы моря» как разношерстную коалицию племен, еще раз подтверждает представление о смешанном и неоднородном характере миграций «народов моря», которые могли продолжаться длительное время и происходить из разных районов Эгеиды и Западной Анатолии [31, р. 335-345].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гиндин Л. А. Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. – М.: «Наука», 1993. – 210 с.
2. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. – М.: Восточная литература, 1996. – 328 с.
3. Немировский А.А. К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота начала XII в. до н.э. в греческой традиции // Античность: общество и идеи: сб. науч. тр.; под ред. О.Л. Габелко. – Казань: КГУ, 2000. – С. 6-19.
4. Сафронов А.В. Упоминание о войне на северо-западе Анатолии в надписях Рамсеса III // Вестник древней истории. – 2006. – № 4. – С. 124-138.
5. Сафронов А.В. К трактовке сткк. 51-52 надписи 5-го года правления Рамсеса III из его заупокойного храма в Мединет Абу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: «История и политические науки». – 2009. – № 1. – С. 144-152.
6. Тронский И.М. История античной литературы. – М.: Высшая школа, 1988. – 464 с.
7. Astour M.C. New Evidence of the Last Days of

- Ugarit. // American Journal of Archaeology. – 1965. – Vol. 69/3. – P. 253-258.
8. Barako T.J. The Seaborne Migration of the Philistines. Ph.D. dissertation. – Cambridge: Harvard University, 2001. – 355 p.
 9. Beckman G.M., Bryce T.R., Cline E.H. The Ahhiyawa Texts. – Atlanta: Society of Biblical Literature, 2011. – 302 p.
 10. Bryce Tr. The Kingdom of the Hittites. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – xix + 554 p.
 11. Drews R. Medinet Habu: Oxcarts, Ships, and Migration Theories // Journal of Near Eastern Studies. – 2000. – Vol. 59/3. – P. 161-190.
 12. Fischer R. Die Ahhijawa-Frage heute. Mit einer kommentierten Bibliographie. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. – 125 S.
 13. Harrison Th. Neo-Hittites in the “Land of Palistin”: Renewed Investigations at Tell Ta’yinat on the Plain of Antioch // Near Eastern Archaeology. – 2009. – № 72/4. – P. 174-189.
 14. Harrison Th. The Late Bronze/Early Iron Age Transition in the North Orontes Valley // Societies in Transition: Evolutionary Processes in the Northern Levant between Late Bronze Age II and Early Iron Age. Papers Presented on the Occasion of the 20th Anniversary of the New Excavation in Tell Afis : Bologna, 15th November, 2007 / Fabrizio Venturi ed. – Bologna: CLUEB, 2010. – P. 83-102.
 15. Hawkins J. D. Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Volume 1: Inscriptions of the Iron Age. – Berlin - New York: Walter de Gruyter, 2000. – xxxix + 639 pages p.
 16. Hawkins J. D. Cilicia, the Amuq, and Aleppo. New Light in a Dark Age // Near Eastern Archaeology. – 2009. – № 72/4. – P. 164-173.
 17. Kahn D. The Campaign of Rameses III against Philistia // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. – 2011. – Vol. 3/4. – P. 1-11: [Электронный ресурс]. – URL: <https://journals.uair.arizona.edu/index.php/jaei/article/view/12638> (дата обращения: 1.10.2012).
 18. Kelder J.M. The Kingdom of Mucenae: A Great Kingdom in the Late Bronze Age. – Bethesda: CDL Press, 2010. – xii + 172 p.
 19. Machinist P. Biblical Traditions: The Philistines and Israelite History // Sea Peoples and their world: the Reassessment / Oren E. ed. – Philadelphia: The University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2000. – P. 53-83.
 20. Medinet Habu. Volume I. Earlier Historical Records of Ramses III. – Chicago: University of Chicago Press, 1930. – xviii + 10 p., 2 figures, 54 plates.
 21. Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean. / Cline E.H. ed. – Oxford - New York: Oxford University Press, 2010. – xxxvi + 966 p.
 22. Reallexicon der Assyriologie. / D.O. Edzard Hrsg. – B.: Berlin - New York: Walter de Gruyter, 1928. – Bd. 4. – xxiv + 549 S.
 23. Reallexicon der Assyriologie. / D.O. Edzard, M.P. Streck Hrsg. – B.: Berlin - New York: Walter de Gruyter, 2003-2005. – Bd. 10. – xxxv + 648 S.
 24. Safronov A. One unusual example of the sentence with impersonal subject in Ramses’ III 5th year inscription // Lingua Aegyptia. Journal of Egyptian Language Studies. – 2008. – Vol. 16. – P. 311-318.
 25. Singer I. A Political History of Ugarit // Handbook of Ugaritic Studies / Watson W.G.E., Wyatt N. eds. – Leiden – Boston – Köln: Brill, 1999. – P. 603-733.
 26. Steindorff G. The Statuette of an Egyptian Commissioner in Syria // Journal of Egyptian Archaeology. – 1939. – Vol. 25. – P. 30-33.
 27. Tekoglu R., Lemaire A., Ipek I., Kasim Tosun A. La bilingue royale louvito-phénicienne de Çineköy // Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes-rendus des séances de l’année 2000 Janvier – Mars. – 2000. – T. 144/3. – P. 961-1007.
 28. Vanschoonwinkel J. Mopsos: légendes et réalité // Hethitica. – 1990. – T. 10. – P. 185-211.
 29. Historiker Atlas der antiken Welt (=Der Neue Pauly Supplemente Band 3) / Witcke A.-M., Olshausen E., Szydlak R. Hrsg. – Stuttgart – Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2007. – xx + 308 S.
 30. Yakubovich I. Sociolinguistics of the Luvian Language. Ph.D. dissertation. Chicago University, 2008 [Электронный ресурс]. – URL: http://oi.uchicago.edu/pdf/yakubovich_diss_2008.pdf (дата обращения: 1.10.2012).
 31. Yasur-Landau A. The Philistines and Aegean Migration at the End of the Late Bronze Age. – New York: Cambridge University Press, 2010. – XII + 389 p.

УДК 904:72

Коровчинский И.Н.

Московский государственный областной университет

МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ АЛТАРИ ХРАМА ОКСА И ЕГО КУЛЬТЫ

I. Korovchinskiy

Moscow State Regional University

THE MONUMENTAL ALTARS OF THE OXUS TEMPLE AND ITS CULTS

Аннотация. Монументальные алтари во дворе храма Окса в Тахти-Сангине (Бактрия) первоначально были глинобитными. Затем глинобитные алтари были частично снесены и надстроены каменными, однако на остатках глинобитных алтарей сохранились обугленные кости мелкого рогатого скота. Первооткрыватели храма, Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян, считали, что глинобитные алтари были жертвенниками, а на позднейших каменных раскладывались зола и угли священного огня для совершения зороастрийского обряда. В статье доказывается, что с точки зрения зороастризма сожжение животных и места такого сожжения являются нечистыми и несовместимыми с зороастрийскими ритуалами. Следовательно, данные алтари всегда были жертвенниками, а храм Окса не был зороастрийским.

Ключевые слова: религии древнего мира, храмовая архитектура, Древний Иран, Бактрия, незороастрийские культы древнего Ирана, зороастризм, алтари.

Abstract. The monumental altars at the court of the Oxus Temple at Takht-i Sangin (Bactria) were originally wattle and daub. Later they were partially taken down and new stone altars were built above them. Charring bones of small cattle were found beneath the stone altars, on the remains of the primary wattle and daub ones. The discoverers of the temple, B. Litvinskiy and I. Pichikyan, thought that the primary altars had been sacrificial ones, while the later stone ones had been used in the Zoroastrian rite of laying out and worshipping ash and coals of the sacred fire. The author of the present article thinks that burning of animals, as well as places of such burning, were impure from the Zoroastrian point of view and incompatible with Zoroastrian rites. Thus the monumental altars of the Oxus temple were always used for animal sacrifices and the temple itself was not Zoroastrian.

Key words: ancient religions, temple architecture, ancient Iran, Bactria, non-Zoroastrian cults of ancient Iran, Zoroastrianism, altars.

Продолжая исследование культовых объектов храма Окса – наиболее крупного из известных к настоящему времени святилищ эллинистической Бактрии, начатое нами в статье «Иерархия культовых объектов храма Окса в Тахти-Сангине» [4], мы хотели бы остановиться на монументальных алтарях во дворе данного храма. Первоначально они были глинобитными [5, с. 121, 170]. Позднее (согласно терминологии И.Р. Пичикяна, в 3-й подпериод 1-го – т. е. эллинистического – строительного периода), они были частично разрушены, а над ними надстроены массивные каменные алтари [5, с. 119], высота которых составляла около 0,67 м, а размеры поверхности – примерно 2,9:2,8 м¹. На плиты каменных алтарей были нанесены (повидимому, еще в каменоломне) метки в виде букв греческого алфавита. Эпиграфические особенности данных меток позволяют датировать алтари, а следовательно, и весь 3-й подпериод концом III – началом II в. до н. э. [5, с. 170, 172]. Уже после окончания периода эллинизма, в юэчжийский период (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.) с алтарей были сняты верхние кроющие плиты [5, с. 171-172].

© Коровчинский И.Н., 2012.

Работа выполнена на средства гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых – кандидатов наук МК-3263.2012.6. Автор благодарит Совет по грантам Президента Российской Федерации за финансовую поддержку.

¹ Высота южного, лучше сохранившегося алтаря – 0,68 м, размеры поверхности – 2,84:2,78 м. От северного алтаря достаточно хорошо сохранилось лишь основание (2,86:2,75 м). Высоту И.Р. Пичикян, приводит по частям профилировки: сверху вниз – полочка (0,06-0,07 м), выкружка (0,07 м), центральная часть (0,36 м), обратный каблучок (0,085 м) и еще одна полочка той же высоты. В сумме – 0,66-0,67 м [5, с. 169-171].

Б.А. Литвинский, один из первооткрывателей храма Окса, указывает на то, что под каменными алтарями, поверх остатков глинобитных алтарей, были найдены «обломки обмазок полов с бесчисленным количеством костей мелкого рогатого скота» [5, с. 172]. Это, по его мнению, свидетельствует о принесении на глинобитных алтарях первого периода кровавых жертв [5, с. 170]. Однако и он, и его ближайший коллега И.Р. Пичикян считают более поздние, каменные алтари алтарями огня, хотя и не приводят этому доказательств, связанных с археологическим материалом, а исходя лишь из того, что алтари огня в храме Окса действительно имелись, хотя и не во дворе, а внутри храмового здания, в его боковых крыльях. На этом основании они объявляют алтарями огня и все другие имевшиеся в храме сооружения, похожие на алтари – в частности, конструкцию в северо-западном углу центрального зала храма. Однако крупнейший специалист по зороастризму, М. Бойс, показала, что это не так [11, р. 178-179], и мы в своей предыдущей статье постарались подкрепить ее точку зрения дополнительными аргументами [4, с. 40-45]. С точки зрения М. Бойс и нашей, данная конструкция представляла собой постамент с двумя базами для статуй.

Первоначальная версия И.Р. Пичикяна состояла в том, что на алтари во дворе с помощью факелов выносился священный огонь во время «общественных церемоний» [7, с. 155]. Однако ему возразили П. Бернар и М. Бойс, указав на то, что такого рода обряд не отмечен ни в источниках, ни в практике современных зороастрийцев [12, р. 179; 8, р. 99-101].

Приняв во внимание данную точку зрения, Литвинский, по его собственным словам, «внес корректив» в точку зрения Пичикяна, состоявший в следующем: «сам священный огонь не переносился, а как бы отпочковывался переносом горячей золы и тлеющих угольков, которые после завершения церемонии возвращались в атешгах¹» [5, с. 360].

Согласно М. Бойс, у современных зороастрийцев действительно существует церемония

¹ Помещение, в котором находился алтарь огня.

массового поклонения тлеющим углям [10, р. 457]. Однако, на наш взгляд, маловероятно, что алтари во дворе храма Окса могут иметь отношение к данной церемонии. Во-первых, этому противоречат их размеры. Трудно себе представить, что алтари, имевшие размеры 2,9:2,8 м, были предназначены для того, чтобы раскладывать на них угольки с алтарей огня, диаметр углубления которых составлял всего 0,5 м [5, с. 107]. Если бы даже священные огни переносились на монументальные алтари целиком, то и тогда они были бы несоразмерны площади последних.

Во-вторых, в версию Б.А. Литвинского не вписываются кости животных, лежавшие поверх остатков первоначальных сырцовых жертвенников. Прежде всего, мы просто не видим причин, почему функция каменных алтарей должна была быть иной, чем у жертвенников, над которыми они надстроены. Об этом говорит хотя бы сходство форм и размеров тех и других. Кроме того, возведение сооружений, связанных с зороастрийским культом огня, на месте жертвенников невозможно в силу той тщательности, с которой зороастризм предписывает оберегать священный огонь от осквернения. Сам Б.А. Литвинский признает это, когда пишет о помещении храма Окса, в котором хранилась священная зола [5, с. 357-359]. Одной из форм осквернения является соприкосновение не только огня, горящего на алтаре, но и любого огня с мертвым телом. В Вендидаде (одном из разделов Авесты – священного писания зороастрийцев) говорится: «Если маздаяснийцы² пешком ли проходя, пробегая ли, верхом ли, проезжая ли, наткнутся на огонь, трупы варящий³, [на котором] труп бы варили, труп бы жарили, что тогда делать маздаяснийцам? – И сказал Ахура-Мазда: “Пусть будет убит варящий труп, пусть убьют его, пусть котёл разнесут, насыпь разнесут”» (Вендидад, VIII, 73-74, пер. Ю.В. Крюковой). Таким образом, то, что жертвенники, на которых сжигались трупы жертвенных животных, были снесены лишь частично, так, что с них даже не были

² Другое название зороастрийцев.

³ Вариант перевода – «трупы сжигающий» [1, с. 247].

убраны останки жертв, и затем надстроены сооружениями для поклонения углям священного огня, полностью противоречило бы практике зороастризма.

Больше того, следует признать, что с зороастризмом несовместимо и само сжигание животных на жертвенниках, о чем прямо говорится как в приведенном выше месте Авесты, так и в другом: «...состряпал Анхра-Манью многопагубный — мерзкий, неискупаемый грех предания трупов огню» (Вендидад, I, 16, пер. С.П. Виноградовой). Данное отношение «магов» к огню было зафиксировано также Страбоном в его «Географии» (XV, 3, 14, перевод наш): «Тех же, кто плюнул на огонь, положил на него мертвечину или навоз, предают смерти». Поэтому мы можем согласиться с М. Шенкаром, который в недавней публикации заметил вкратце, что находка костей заставляет связать алтари с «практикой, абсолютно чуждой зороастризму» [17, р. 120]. Соответственно, можно усомниться и в том, что храм Окса вообще был зороастрийским храмом и ритуалы, совершаемые в нем – зороастрийскими.

Сам Б.А. Литвинский признает, что культ огня в Древнем Иране и среди ираноязычных народов не был исключительной принадлежностью зороастрийцев. Храмы огня впервые появились в Средней Азии еще во II тыс. до н. э. [5, с. 358], в то время как большинство исследователей относит появление зороастризма к I тыс. до н. э. Имелись священные огни и у азиатских саков [3, с. 811]. Сомнительна связь с зороастризмом храма в Нуш-и Джане (Мидия, VIII-VII вв. до н. э.), где имеется алтарь огня [11, р. 37].

Особенно показательной аналогией является датированное ахеменидским периодом святилище в Дахан-и Гуламан в Дрангиане (современный иранский Систан). Оно представляет собой открытое пространство, огороженное с четырех сторон стенами, к каждой из которых примыкает по портику из двух рядов колонн. В портиках находятся многочисленные плиты, несущие следы горевшего на них огня. По четырем углам этого сооружения имеются крытые башни с внутренними помещениями в несколько этажей. Посередине открытого

пространства располагаются своеобразные «печи», в которых также горел огонь [15, р. 12-14]. В помещении внутри одной из башен найдено 27 очагов [16, р. 724]. Такое большое их число в сравнительно небольшом помещении, на наш взгляд, говорит о том, что и они имели культовое предназначение. Таким образом, как мы видим, данное святилище буквально переполнено различными вместилищами священного огня. При этом по полу святилища была раскидана зола вперемешку с костями. Золой с костями были заполнены и желоба в одном из портиков данного храма [11, р. 130].

Это последнее дало основание такому крупному специалисту по зороастризму, как М. Бойс, писать: «Что, однако [среди находок, сделанных в Дахан-и Гуламан – И. К.], целиком противоречит принципам зороастризма, так это примесь костей животных в золе, так как, согласно очень древнему иранскому обычаю, строго соблюдаемому зороастрийцами, в прямой контакт с огнем могут вступать лишь три специально предназначенные для этого субстанции: чистое сухое дерево, ладан и небольшая порция жира, который питает пламя, превращается в жидкость и исчезает. Большие меры предосторожности принимаются против прямого контакта с огнем приготавливаемой пищи» [11, р. 130]. Аналогичное возражение было выдвинуто М. Бойс против связи с зороастризмом одного из алтарей в Сардах [12, р. 207, по. 40].

Правда, А.Д.Х. Бивар возразил на это, что зола с костями была найдена также в алтаре кушанского храма В в Сурх-Котале (юго-восточная Бактрия, современный северный Афганистан), хотя, «не обязательно ортодоксальный с точки зрения сасанидского зороастризма, культ этого храма был по существу зороастрийским» [9, р. 266]. Нам, однако, не вполне ясно, какое отношение к данному вопросу имеет сасанидский зороастризм, поскольку запрет на сжигание трупов зафиксирован уже Страбоном в I в. до н. э. Вендидад, возможно, дошел до нас в редакции, составленной при ранних Сасанидах, однако при этом в основу его легли более ранние – по всей вероятности, даже доахеменидские

источники [14]. Что касается зороастрийской атрибуции храма В в Сурх-Котале, то А.Д.Х. Бивар ее никак не обосновывает, а Ж. Фюссман выводит ее из почти полного отсутствия в данном храме культовых изображений – за исключением рельефа в виде птиц на том же самом алтаре, в котором были найдены кости [13, S. 47, 67]. Однако, во-первых, как мы видим, отсутствие изображений не является полным, поэтому неясно, можно ли делать из него какие-то выводы. Кроме того, хотя поклоняться изображениям в зороастризме в целом не принято, но строгий запрет на это отсутствует – в отличие от запрета сжигания трупов. Наконец, если предположение Ж. Фюссмана верно, то храм в Тахти-Сангине, где найдено множество культовых изображений [6, *passim*], зороастрийским быть не может. Сама М. Бойс считает культы храма В результатом «эkleктичного усвоения» кушанскими царями культа огня [2, с. 133], т. е., по сути, не признает данный храм зороастрийским, и ее мнение, несомненно, также имеет вес.

Б.А. Литвинский, упоминая в труде, посвященном храму Окса, вышеприведенное мнение М. Бойс относительно Дахан-и Гуламан, пишет, что «культовая жизнь в [данном – И. К.] храме... складывалась и протекала под воздействием зороастризма, хотя и не являлась чисто зороастрийской» [5, с. 271], ничем не подкрепляя эту точку зрения и не пытаясь провести аналогию между материалами дрангианского святилища и Тахти-Сангина.

Помимо алтарей во дворе, кости животных, смешанные с золой, были найдены также в специальных ямах, спущенных с первого (эллинистического) пола портика храма Окса [5, с. 115], что может служить дополнительным подтверждением незороастрийского характера культов данного храма.

То, что кости животных сохранились на поверхности только глинобитных, а не каменных алтарей, несомненно, связано с упомянутым нами в начале статьи снятием с этих алтарей верхних кроющих плит в юэчжийский период.

Таким образом, ничто не мешает нам сделать вывод о том, что монументальные алтари

во дворе храма Окса в Тахти-Сангине на протяжении всего периода эллинизма, независимо от своего архитектурного оформления, не были связаны с культом огня и всегда служили жертвенниками, на которых сжигались закланные животные, и что наличие в храме Окса подобного ритуала жертвоприношений говорит о незороастрийском характере его культов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авеста. Видевдат. Фрагард Восьмой (Пер, с авест., вступит, статья и комм. В.Ю. Крюковой) // Вестник древней истории. – 1994. – № 1 – С. 238-249.
2. Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003. – 352 с.
3. История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / Е.В. Антонова и др.; отв. редактор А.В. Седов. – М.: Восточная литература, 2004. – 895 с.
4. Коровчинский И.Н. Иерархия культовых объектов храма Окса в Тахти-Сангине // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «История и политические науки». – 2012. – № 4. – С. 37-45.
5. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). – Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – М.: Восточная литература, 2000. – 503 с.
6. Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). – Т. 3. Искусство. Художественное ремесло. Музыкальные инструменты. – М.: Восточная литература, 2010. – 664 с.
7. Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. – М.: Наука, 1991. – 342 с.
8. Bernard P. Le temple de dieu Oxus à Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? // *Studia Iranica*. – Т. 23. – 1994. – № 1. – P. 81-121.
9. Bivar A.D.H. Review at: Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. – Vol. 3. Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule. – Leiden: Brill, 1991 // *The Journal of Roman Studies*. – 1992. – Vol. 82. – P. 265-267.
10. Boyce M. On the Zoroastrian Temple Cult of Fire. // *Journal of the American Oriental Society*. – 1975. – Vol. 95. – # 3. – P. 454-465.
11. Boyce M. A History of Zoroastrianism. – Vol. 2. Under the Achaemenians. – Leiden – Köln: Brill, 1982. – 306 p.

12. Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. – Vol. 3. Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule. – Leiden: Brill, 1991. – 597 p.
13. Fussman G. Surkh Kotal. Tempel der Kuschan-Zeit in Baktrien. – München: Phlipp von Zabern GmbH, 1983. – 82 S.
14. Malandra W. Vendîdâd [электронный ресурс] // Encyclopædia Iranica: [сайт]. [2006]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/vendidad> (дата обращения: 15.10.2012).
15. Scerrato U. Excavations at Dahan-i Ghulaman (Seistan, Iran). First Preliminary Report (1962-1963) // East and West. - 1966. – Vol 16. – P. 9-30.
16. Scerrato U. Evidence of Religious Life at Dahan-e Ghulaman, Sistan // South Asian Archaeology, 1977. Papers from the Fourth International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe, Held in the Istituto Universitario Orientale. - Vol. 2. – Naples: Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici, 1979. – P. 709-735.
17. Shenkar M. Temple Architecture in the Iranian world in the Hellenistic period // From Pella to Gandhara: Hybridization and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East. – Oxford: Archaeopress, 2011. – P. 117-139.

Новейшая история

УДК 94(430) «1918»

Машкин М.Н.

Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1918 г.

M. Mashkin

Russian Academy of Sciences, Institute of World History, Moscow

COLONIAL AIMS OF KAIZER GERMANY IN 1918

Аннотация. В статье поставлен вопрос о колониальных целях кайзеровской Германии в 1918 г. Автор на основании вводимых в научных оборот архивных материалов характеризует колониальные устремления кайзеровского режима как весной, так и в апреле-октябре 1918 г., накануне поражения в войне. Подробно проанализированы материалы к подготовленному в 1918 г. в Ведомстве иностранных дел Германии проекту мирного договора с Францией и Англией, который предполагалось заключить в случае военной победы над ними.

Ключевые слова: Первая мировая война, колониальные цели, Ведомство иностранных дел Германии, Военное министерство Германии.

Abstract. The article highlights the colonial aims of Kaiser Germany in 1918. On the basis of the new archive materials introduced into scientific circulation the author defines the regime's colonial aspirations both in the spring of 1918 and in April-October of 1918, just on the eve of the defeat in the war. The article presents a detailed analysis of the peace treaty draft with France and England, which was worked out by the War Ministry of Germany in 1918. The treaty mentioned was to be concluded in case of Germany's military victory over them.

Key words: World War I, colonial aims, the Federal Foreign Office of Germany, the War Ministry of Germany.

В борьбе кайзеровской Германии за мировую гегемонию ее колониальные цели накануне и во время Первой мировой войны играли очень видную роль. О колониальных целях Германии неоднократно писалось в литературе по истории Первой мировой войны, объемы которой в настоящее время трудно обозримы. Однако по-прежнему актуально мнение известного профессора Гамбургского университета Фрица Фишера, что военные цели кайзеровской Германии, равно как и многие другие вопросы истории войны, исследованы еще далеко не в такой полной мере, как это полагали некоторые авторы [2, S. 249].

Видное место вопрос о колониальных целях занимал в очень интересной книге Ф. Фишера [3], являющейся подтверждением его точки зрения о плодотворности изучения этого аспекта военных планов. В книге Ф. Фишера колониальные цели впервые были проанализированы с очень большой полнотой и последовательностью. Историк изучил развитие колониальных целей на протяжении всей войны, показал, в частности, рассматривая колониальные программы 1918 г., непрерывность в этих целях как в 1914, так и в 1918 гг., отметив, что «весной 1918 года казалось после заключения мирных договоров на Востоке и первых успехов большого наступления на Западе, что приближается момент победоносного окончания войны и

что возможна реализация немецких колониальных целей». Колониальные цели, – продолжает Ф. Фишер, – были в 1918 г. заново сформулированы, и была надежда теперь добиться их воплощения в жизнь вопреки Англии и Франции, что показывает стремление заинтересованных лиц быть ясно понятыми и в верховном командировании, и, прежде всего, в имперском руководстве, в колониальном ведомстве [3, S. 785].

Подробно изложив колониальные программы, Ф. Фишер приходил к выводу, что они показывают «глобальный аспект немецких притязаний стать мировой державой и добиться мирового положения» [3, S. 792]. Вместе с тем Ф. Фишер считал, что ««однако», в политике военных целей Германии колониальные цели играли только второстепенную роль, так как рассчитывали при победе Германии достичь их почти само собой. Полностью на переднем плане был европейский базис, который ...рассматривался как основа заморской политики» [3, S. 791].

Подобная определенность вывода Ф. Фишера вызывает некоторые возражения и, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Рассмотрение материалов к подготовленному в 1918 г. в Ведомстве иностранных дел мирному договору с Францией и Англией, который кайзеровская Германия намеревалась им продиктовать, позволяет нам высказать эти сомнения.

Германская армия на Западном фронте 21 марта 1918 г. начала крупное наступление в расчете на «последнюю победу» и 6 апреля добилась известных успехов, по существу носивших тактический характер, но не поколебавших уверенность германского верховного командования в победе. «События последних месяцев, – заявил тогда, 31 марта 1918 г., начальник Генерального штаба фельдмаршал Пауль Гинденбург, – свидетельствуют, что победа не может быть вырвана у нас».

Как раз в эти дни, когда снова взметнулась волна колониальных требований, 6 апреля 1918 г. Ведомство иностранных дел, находясь во власти иллюзий о победе Германии в войне, направило подробно разработанную про-

грамму мирного урегулирования военным руководителям¹. Эта программа была воплощением экспансионистских целей, выдвинутых еще ранее.

Например, Густав Крупп фон Болен в ноябре 1914 г. в крайне шовинистическом тоне сформулировал очень широкую программу военных целей, которая предусматривала установление господства Германии в Европе на основе консолидации так называемой «Срединной Европы (Mitteleuropa), создание немецкой колониальной империи в Африке и так далее. Программа Круппа была повторением общих программных требований монополистических кругов.

Председатель Пангерманского союза Генрих Класс еще в первые недели войны 1914-1918 гг. разработал детальную записку о военных целях, которая в октябре 1914 г. была одобрена руководством Союза. Докладная записка предусматривала включение в состав Германской империи: на Западе – Бельгии, Люксембурга, части Франции и военно-морской базы Тулона, на Востоке – Прибалтики. Промышленные предприятия в этих районах передавались германским предприятиям. Часть населения выселялась, оставшееся население районов Бельгии и Франции должно было поставлять рабочую силу на крупные германские предприятия, но эти рабочие не имели бы никаких политических прав. В состав Польского королевства, передаваемого Габсбургами, предполагалось включить территорию до Днепра. Класс требовал большой контрибуции с побежденных и создания крупной колониальной империи в Африке, куда, кроме немецких колоний, должны были войти Марокко, Сенегамбия, Бельгийское и французское Конго, а также получение многих опорных пунктов для германской экспансии – в Бизерте, на Мадагаскаре, Азорских

¹ Историко-дипломатический архив МИД. Ф. 419/5, Kopie der Denkschrift des Auswärtigen Amtes (Auswärtiges Amt an. K. Stab, Berlin, 6. April 1918, N 876/18. Gen.A-8) Anlage zur Kopie des Briefes von dem preupischen Kriegsminister General-Leutnant Heinrich Scheuch an den Reichskanzler Max Prinz vom Baden (Der Kriegsminister an den Reichskanzler. Berlin, 16 Oktober 1918, Geheim. 7734/18. g.A.I.).

островах, в Джибути, Гоа, Цейлоне, Сайгоне и так далее. Докладная записка Класса, в составлении которой принял участие директор концерна Круппа Гугенберг, а сам Густав Крупп был с нею ознакомлен, оказала большое влияние на формулирование военных целей различными организациями германских экспансионистов во время войны 1914-1918 гг. Правительственная программа военных целей в отдельных деталях отличалась от программы пангерманцев.

Основным содержанием пространного документа о будущем мире, авторы которого исходили из предпосылки о неизбежности победы Германии, были «Экономические требования по мирному договору с Великобританией» и «Экономические требования по мирному договору с Францией». Колониальные цели германского экспансионизма занимали здесь очень видное место, и подробное их рассмотрение представляет собой большой интерес. Развивая проекты, представители с Вильгельмштрассе выдвигали требование о создании крупной немецкой колониальной зоны между Атлантическим и Индийским океанами. «Для округления немецких владений в Африке речь идет о связи между Германской Восточной Африкой и Юго-Западной Африкой», – указывалось в записке.

Однако это «округление» предусматривало отнюдь не местное, пограничное урегулирование, а охватывало важнейшие территории Экваториальной Африки. В первую очередь это касалось бельгийских колоний, «по меньшей мере, к Германии, – подчеркивалось в записке, – должно было бы перейти Бельгийское Государство Конго, включая область Катанги, на которую сейчас Англия из-за ее больших богатств меди наложила секвестр». Таким же определенным был тон и в отношении французских колоний, когда говорилось, что «в Африке для округления германской центральноафриканской империи речь шла бы о Французской Экваториальной Африке». Тон в отношении английских или находившихся под британским влиянием колоний в этом районе был далеко не такой определенный, и авторы записки говорили только о по-

желаниях: «присоединить к этому, если возможно, Уганду, Анголу и Северную Родезию, что представляло бы во всяком случае очень большую ценность». Таковыми представлялись на Вильгельмштрассе контуры будущей колониальной германской империи в Центральной Африке.

Одновременно авторы этого документа много внимания уделили Марокко. Марокко в начале XX в. выдвинулась в качестве одного из важнейших направлений германской экспансии. Борьба за Марокко сыграла большую роль в углублении франко-германского антагонизма накануне войны. Марокканский вопрос оказал большое влияние и на развитие международных отношений в годы предшествующие войне, сыграл свою роль в консолидации двух антагонистических блоков держав. Отступив в Марокко накануне войны, правящие круги кайзеровской Германии отнюдь не отказались от своих планов. Поэтому и в рассматриваемом нами документе среди проектируемых требований к Франции подчеркивалось, что в колониальных вопросах «самым важным является урегулирование отношений в Марокко. Для Франции Марокко, во-первых, принимается во внимание как страна (получения) сырья и место сбыта». Отмечается, что только за один год, с 1 июля 1916 г. по 1 июля 1917 г. из французской зоны Марокко было вывезено 40 тыс. т. пшеницы, 160 тыс. т. ячменя, 415 тыс. кукурузы, на 9 млн. фр. яиц. В 1916 г. из Марокко во Францию было вывезено товаров на 60 млн франков, а ввезено из Франции на 173 млн. фр., таким образом, торговый оборот составил более 246 млн. франков. «Марокко, во-вторых, учитывается во Франции как человеческий резервуар, оно может направить во Францию черные вспомогательные войска для замены уменьшающегося населения».

Отсюда в документе следовал вывод: «Таким образом, необходимо требовать заявления о независимости Марокко и гарантий в том, что эта независимость не останется только на бумаге». Однако «независимость» Марокко мыслилась авторами записки в первую очередь для укрепления там герман-

ского капитала: «Так, нужно отметить положение о горном деле от 30 января 1914 года (Reichsanzeiger vom 13.2.1914). Это положение предусматривает налог, который является запретительным и делает разработку немецких концессий экономически невыгодным. Несостоятельной является отговорка об одинаковом налоге для французских концессий, так как в обозримый период времени Франция не думает разрабатывать эти концессии; она в достаточном количестве обладает собственной железной рудой и к тому же очень богатыми месторождениями в Алжире и Тунисе, разработка которых едва началась. 3%-ная вывозная пошлина также слишком высока для того, чтобы немецкие горные предприятия могли быть экономически целесообразными. Наконец, необходимо отметить регламент об арбитраже от 30 января 1914 г. (Reichsanzeiger vom 14.2.1914), по которому немецкие концессии подчинены арбитражу, который... в действительности направлен против Германии. Таким образом, необходимо просто-напросто поставить требование о признании немецких концессий, без...какого-либо арбитража».

При восстановлении действия договоров, заключенных до войны между Германией и Францией, записка рекомендовала соблюдать «наибольшую осторожность», «в особенности потому, что Франция открыто нарушила свои обязательства по Альхесирасскому трактату и соглашению о Марокко 1911 года».

Очень большое значение в будущем мирном урегулировании придавалось в записке проблеме снабжения Германии сырьем и продовольствием. «После заключения мира не будут во многих областях достаточными мирные запасы сырья и продовольствия, чтобы полностью покрыть мировое потребление», – указывалось в записке. В связи с этим авторы записки предлагали принять меры к предотвращению того, чтобы «наличные запасы использовались отдельными странами за счет Центральных держав».

В связи с этим подчеркивалась необходимость требовать «военного возмещения (Kriegsentschädigung) со стороны Великоб-

ритании, Франции, Бельгии именно путем поставки сырья, а не в денежной форме. Наибольшее внимание при этом было уделено Франции. В частности высказывается желание, чтобы «правительство Франции, когда оно само имеет определенное сырье, было обязано мирным договором к его поставкам в Германию». И снова Марокко выдвигалось здесь вперед, так как указывалось: «в особенности имеются в виду в качестве такого сырья северо-африканские фосфаты».

Предлагалось наряду с переходом к Германии бассейна Лонг-ви-Брие добиваться обязательных поставок в качестве военного возмещения (Kriegsentschädigung), которое нужно было получать в натуре, а не в валюте. Однако авторы предложений учитывали все-таки и невозможность получения сырья «без возмещения» (ohne Entgelt) и поэтому предлагали поставку с оплатой и в кредит на 3-5 лет в условиях восстановления взаимной торговли.

В записке был разработан вопрос о возмещении Францией «ущерба» и нарушенных «прав» и в отношении заморских немцев и особенно немцев в Марокко. «Здесь недостаточно простого денежного возмещения, больше всего нуждается в восстановлении значение немецкого имени, которое тем оскорблено, что во многих случаях право надзора и командование над немцами получали цветные, (Farbigen)». Проникнутые расистскими и великодержавными идеями авторы записки настаивали и на «восстановлении чести немцев, что должно иметь место путем специального оказания почестей цветными по отношению к немцам, подвергшимся плохому обращению», причем «в случае, если немцы тем временем были бы переведены в европейские концентрационные лагеря, то такое оказание почестей должно было бы последовать в иной форме».

Марокко, таким образом, и здесь выступало в качестве очень важного объекта военно-колониальных целей кайзеровской Германии в Африке. Наряду с укреплением позиций Германии в Африке за счет побежденной Франции авторы записки, готовясь к победе и над английскими конкурентами, мечтали

нанести решающий удар и по английским имперским коммуникациям позициям Англии в Северной Африке, выдвигая положение об изгнании Англии из Египта: «должно быть выдвинуто требование о возвращении Турции Египта, далее, должно быть поставлено требование об уступке части акций Суэцкого канала». Причем если эти требования к Англии в записке еще имели оттенок пожеланий и размеры их еще ставились, следовательно, в зависимости от переговоров, то требование к Франции по вопросу Суэцкого канала было сформулировано уже куда более определенно: «Германии должна быть передана соответствующая доля акций Суэцкого канала или введена по соответствующему договору часть новых акций для Германии».

В записке речь шла и об изменении статуса английских морских баз на Средиземном море: Гибралтара и Мальты, причем если о Гибралтаре говорилось совершенно определенно («Гибралтар передается Испании»), то о Мальте было сказано в более приглушенном тоне (говорилось о выдвигании требования о передаче Мальты). Причем этот вопрос был в какой-то мере связан с вопросом об Италии как союзнике Германии в прошлом и, может быть, в будущем: «Возможно с виду здесь будут иметь объекты компенсации для переговоров с Италией».

Требование «равноправия», трактуемого очень широко, и свободного доступа германских судов в порты Англии, Франции и их колоний, возможная передача кораблей Германии, уступка ей угольных станций и так далее имело целью установление гегемонии на морях. И снова требования к Франции были сформулированы в наиболее жесткой форме. В разделе о «судоходстве» «экономических требований» к Франции специально подчеркивалось: «В первую очередь должен быть введен принцип равноправия... Должен быть предоставлен доступ к французским гаваням и гаваням французских колоний немецким кораблям, так же как и французским. Равноправие, – подчеркивали авторы записки, – должно распространяться в особенности на право в любом порту погру-

жать и разгружать пассажиров и грузы, далее – получать места якорных стоянок, погрузки, выгрузки и ремонта, использования общественных учреждений, мест взимания платы за пассажиров кораблей и за грузы, таможенных формальностей и обращения с командами корабля...». Наряду с этим выдвигалось предложение потребовать передать Германии корабли: «от военного положения будет зависеть возможность требования о передаче судов в качестве военного возмещения». Рассматривался и вопрос об угольных станциях, правда, все-таки, не в особенно определенной форме: «Если будет возможно добиться уступки угольной станции, о расположении которых должно быть заслушано имперское Морское ведомство, то надо это требование выдвинуть. Если же такая уступка будет невозможной, то надо потребовать во всяком случае нейтрализации соответствующих угольных станций, одновременно поставив их под общий контроль».

Значительно более определенными были требования морских баз от Франции в морях Тихого океана. В записке прямо указывалось на «требование передачи Таити в качестве опорного пункта для флота в Южном океане».

Значительно более сложным было решение в этой записке вопроса о германских базах в Китае. Как известно, кайзеровское правительство всячески стремилось оторвать Японию от Антанты. Германские дипломаты, например, в Китае в конце 1915 г. специально указывали японским, что «успешная борьба Германии с Англией – в интересах Японии» и что «Германия, имея перед собой важные задачи на Ближнем Востоке, готова не преследовать никаких политических целей в ущерб Японии на Дальнем Востоке», как об этом заявил министру иностранных дел японский посол [1, с. 112]. С такой политической линией в отношении японских захватов в Китае связана и позиция Ведомства иностранных дел в отношении базы Цзяо-Чжоу (Кяо-Чао). В рассматриваемом здесь документе Ведомство иностранных дел не настаивало на «правах» в отношении Цзяо-Чжоу. В материалах к мирному договору с Англией этот вопрос

был рассмотрен довольно подробно, где отмечалось: «Нельзя просто отказаться и от Кяо-Чао, во всяком случае, надо получить за это какую-либо замену. Этот вопрос во всяком случае должен быть обсужден во время переговоров с Японией. Все-таки будет полезным этот вопрос обсудить уже во время переговоров с Англией, и от Англии потребовать замены за уступку Кяо-Чао, для того, чтобы Германия по отношению к Японии и чтобы Англия за поведение Японии была бы ответственной» (так в тексте. – М.М.). Были намечены и центры германских захватов в Китае. «В качестве замены Кяо-Чао, – заявлялось в записке, – имеется в виду португальское Макао, которым также Англия может распоряжаться и далее имеется в виду уступка французской концессии в Шанхае, французской опорной морской базы Гоуань-Чжоу-вань или Ханькоу». В материалах к договору с Францией было сказано кратко и определено: «Если Кяо-Чао будет возвращено, то в качестве возмещения надо требовать уступки французской концессии в Шанхае, так же как французской опорной морской базы Гоуань-Чжоу-вань».

Таким образом, обширные колониальные цели кайзеровской Германии были сформулированы здесь вполне отчетливо и определено. Совершенно естественно, что в подобных условиях авторы записки требовали безусловного возвращения германских колоний.

В записке был подробно разработан вопрос «о восстановлении собственности германских граждан, отторгнутой в результате военных законов», причем опять большое внимание было уделено взаимоотношениям с Францией. Со ссылкой на ст.3 Гаагской конвенции в записке выдвигались требования о «принципиальном» восстановлении собственности германских граждан. Симптоматично, что и здесь исключительно внимание уделяется немецкой частности собственности в колониях. В записке специально подчеркивалось: «Это (т. е. восстановление собственности. – М.М.) должно обязательно иметь место для владения землей в заморских странах. Владение тамошними факториями, складами, пунктами

выгрузки и перегрузки товаров, благодаря их положению, вообще во многих случаях делает возможной и торговлю в соответствующих районах». Вместе с тем в записке указывалось и на то, что «по крайности может возникнуть вопрос в единичных случаях и о передаче пострадавшей фирме взамен определенной территории равноценной».

Эти подготовительные материалы к мирному договору-диктату, таким образом, очень наглядно свидетельствуют о колониальных устремлениях официальной Германии. Интересно, что Ведомство иностранных дел постаралось использовать отдельные положения из программы в 14 пунктах президента США Вудро Вильсона, где, в частности в пунктах 2 и 3, прокламировалась абсолютная свобода судоходства и отмена всех ограничений в международной торговле или в пункте 5 заявлялось о разрешении колониальных проблем, т.е. использовались именно т. е. пункты, которые были направлены против монопольного положения английских и французских конкурентов как США, так и Германии.

Колониальные цели продолжали широко дебатироваться и в последующие месяцы 1918 г. Даже в драматические для кайзеровской Германии дни, когда новое правительство принца Макса Баденского уже заявило в своей ноте президенту США о принятии его программы как основы для мирных договоров, накануне разгрома 16 октября 1918 г. эту записку наряду с другими предложениями о подготовке мирных переговоров направил принцу Макс Баденскому военный министр генерал Генрих Шойх¹, указав, правда, что материал «был составлен некоторое время назад с точки зрения самого благоприятного тогда военного положения. При современной неопределенности и при том, что дальнейшее развитие событий нельзя предусмотреть, – указывалось в письме, – новая обработка не предусматривается для того, чтобы иметь

¹ Историко-дипломатический архив МИД. Ф. 419/5, Kopie des Briefes von dem Kriegsminister H. Scheüch an den Reichskanzler Max Prinz von Baden (Der Kriegsminister am den Reichskanzler. Berlin. 16. Oktober 1918. Geheim № 773/18 g.A.1).

взгляд на различные возможности». В письме военного министра в то же время подчеркивалось, что «от обстановки в момент начала мирных переговоров будет зависеть насколько будет возможно считаться с отдельными пунктами (этих материалов – М.М.) и проводить их мирных переговоров».

Наряду с запиской Ведомства иностранных дел к письму военного министра был приложен «перечень вопросов, рассматриваемых при подготовке мирных переговоров»¹, который также был составлен, исходя из предположений о неизбежности победы Германии и где, в частности, выдвигались требования об оккупации немецкими войсками иностранных территорий и т. д. и т. п. Среди этих требований не может не привлечь внимание постановка вопроса о французском Иностранном легионе, когда предполагалось «воспрепятствовать зачислению немцев в Иностранный легион». Военное министерство полагало, что «надо стремиться к тому, чтобы Франция обязалась по мирному договору не зачислять немцев в Иностранный легион. Необходимо воспрепятствовать тому, чтобы в будущем немцы при проигрышах, как это достаточно известно вербовались бы в Иностранный легион и использовались Францией для колониальных завоеваний». «Заключение мира с Францией должно теперь дать возможность наложить на Францию вышеизложенное обязательство, – подчеркивалось в этой записке.

Таким образом, вопрос о вербовке немцев в Иностранный легион был связан здесь в первую очередь с борьбой против колониальной политики французских конкурентов.

Генерал Шойх в своем письме Максу Баденскому даже в условиях неминуемого поражения кайзеровской Германии настаивает на необходимости при выработке условий для мирных переговоров из военных соображений обратить наибольшее внимание на гарантии обеспечения Германии в необходимых размерах сырьем, продовольствием и

полуфабрикатами. Характер таких гарантий и их связь с колониальными устремлениями ясно видны из разработанной уже записки Ведомства иностранных дел.

Точка зрения Ведомства иностранных дел и Военного министерства по колониальному вопросу нашли свое выражение и во взглядах некоторых лидеров социал-демократической партии Германии, вроде Пауля Лёбе, которые, разрабатывая программу мероприятий в связи с окончанием войны, тоже требовали «восстановления немецкой колониальной области» [4]. Такая точка зрения некоторых лидеров социал-демократии явилась логическим развитием колониалистской тенденции в рядах рабочего движения Германии. Эта тенденция проявилась ясно уже в 1884-1885 гг., когда газета «Berliner Volksblatt» писала, что она не является противницей колониальной политики и что германская колониальная политика призвана дать рабочим хлеб и защиту за границей. На всех этапах истории германской социал-демократии колониалистская тенденция была противопоставлена антиколониализму. Марксистский антиколониализм вел борьбу с колониализмом и его идеологией, но в условиях кайзеровской Германии ему так и не удалось одержать победу, хотя, конечно, в английском, французском или голландском рабочем движении роль колониалистских воззрений и борьба имели значительно большее значение.

Рассмотрение здесь некоторых аспектов колониальной проблемы в Германии в 1918 г. свидетельствует о большой роли колониальных целей для стремившейся к мировой гегемонии Германии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сазонов-Малевскому 29/16 января 1916 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Сер. III. Т. X.
2. Fischer F. Deutsche Kriegsziele, Revolutionierung und Separatfrieden im Osten 1914-1918 // Historische Zeitschrift. – 1959. – Bd. 188. – Heft 2.
3. Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland 1914/1918. Düsseldorf, 1962.
4. Nachlaß vom P. Löbe. Gedrucktes Blatt ohne Titel mit der Korrektur vom P. Löbe und Marginalien von Ph. Scheidemann.

¹ Историко-дипломатический архив МИД. Ф. 419/5, Kopie des Zusammenstellung von Fragen, die zur Vorbereitung der Friedensverhandlungen mit den Westmächte im Betracht kommen (Anlage zu Nr. 773/18 g.A.I.)

УДК 364(44) “20”

Фирсов М.В.

Московский государственный областной университет

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

M. Firsov

Moscow State Regional University

THE MAIN TENDENCIES OF SOCIAL WORK THEORY AND PRACTICE IN FRANCE IN THE PERIOD BETWEEN THE TWO WORLD WARS

Аннотация. Статья посвящена становлению теории социальной работы в период между двумя мировыми войнами. Теория и практика социальной работы во Франции оформляется на основе идей и подходов североамериканской модели социальной работы. Однако большое влияние на становление национальной методологии социальной работы оказала Первая международная конференция в области социального сервиса в Париже в первой трети XX в. Именно ее теоретические ориентиры определили вектор развития научной теории и практики социальной работы во Франции, заложили фундамент французской теоретической модели в XX в.

Ключевые слова: социальная работа, бездомность, человеческие ресурсы, помощь на дому, социальные службы, непрямая деятельность, вмешательство, жизненный путь, посредничество.

Abstract. This article is devoted to the development of the theory of social work in the period between the two world wars. The theory and practice of social work in France are based on the ideas and approaches of the North-American model of social work. However, the First International Conference of Social Work, held in Paris in the first third of the XXth century, had great influence on the formation of the national methodology of social work. They were the Conference's theoretical orientations which defined the development vector of scientific theory and practice of social work in France and laid the foundation of the French theoretical model in the 20th century.

Key words: social work, homelessness, human resources, domiciliary aid, social service, indirect activities, intervention, course of life, mediation.

В период между двумя мировыми войнами профессиональная социальная работа во Франции оформляется в двух секторах: промышленном и медико-социальном. Оформление профессиональной социальной работы в этих секторах было связано с активной деятельностью двух феминистских движений в период Первой мировой войны. Представительницы первого направления – католического социал-феминизма стояли на позициях охраны здоровья женщин во всех сферах их жизнедеятельности. Представительницы второго направления, синдикалистского феминизма, в период Первой мировой войны вели работу по агитации среди женщин, чтобы они шли на заводы и фабрики и занимали рабочие места мужчин, ушедших на фронт; в этом они видели эмансипацию женщин на данный момент исторического времени. Однако усилия представительниц этих направлений объединяются в начале 20-х гг., когда они начинают активизировать свою работу среди женщин по таким направлениям, как борьба с проституцией, туберкулезом, венерическими заболеваниями на промышленных предприятиях. С этой целью открываются профессиональные школы, которые начинают вести подготовку по направлению «социальный помощник на предприятии».

Активизация подготовки профессионалов в сфере социальной гигиены происходит в период работы во Франции миссии Рокфеллера, именно тогда социальная работа обогащается

американскими техниками работы с клиентами по данному направлению [3, с. 19].

С другой стороны, наблюдается интерес к американской модели социальной работы у социальных ассистентов, когда расширяются подходы к помощи семье. Идеология работы с семьей меняет свой вектор направленности от установок «все для семьи» до «все во имя семьи». Такой подход расширил акценты помощи, когда социальные ассистенты свою деятельность связывают с помощью и поддержкой детей, оказавшихся в трудной социальной ситуации.

В 1923 г. в Париже образуется Ассоциация Ольги Спитзер, в задачу которой входило не только обеспечить приют бездомным детям, но и представлять интересы ребенка в суде, оказывать медико-психологическую помощь детям и подросткам, вести воспитательную работу в общинах.

Начало организации было положено деятельностью французского адвоката и американских миссионеров, приехавших во Францию после Первой мировой войны помогать детям, оставшимся без попечения родителей. Французский адвокат Г. Ролле создает во Франции одним из первых суды по делам несовершеннолетних, свою деятельность он разворачивает в суде Сены, округа Парижа. Именно там начинается зарождаться будущая ассоциация. Американский социальный работник Х. Вингс, изучая в Сорбонне проблемы преступности среди несовершеннолетних, знакомится с Г. Ролле, с которым она делает проект общественной организации помощи детям. Привлекая возможности юристов, они оказывают не только правовую поддержку несовершеннолетним, но и образовательную, социальную, направляют свою деятельность в сферу семейных отношений.

Новым импульсом в работе организации стал приход в нее Мари-Терез, которая обучалась социальной работе в США; она вносит коррективы в работу организации, направляя ее деятельность в сторону превентивных мер по защите детей от жестокого обращения в семье. В 1923 г., когда количество детей, находившихся под социальным патронажем,

увеличилось, возникла необходимость масштабного финансирования проекта. Именно в этот период организацию начинает возглавлять О. Спитзер, которая не только взяла финансовое, но и административное руководство организацией на себя, превратив ее в социальную службу для детей Парижа. Пройдя сквозь все этапы эволюции этой организацией, О. Спитзер руководит ей вплоть до самой своей смерти в 1971 г. Можно отметить, что с 1923 г. по 1928 г. ассоциация патронировала около 3000 детей, находящихся в социально опасном положении [6, с. 19].

В 20-х гг. активизирует деятельность Французский союз спасения детства, UFSE. Несмотря на то, что он был организован в 1887 г., расцвет его деятельности приходится на эти годы. Союз принимал детей в свои учреждения после решения суда, проводил мероприятия по реабилитации детей и подростков.

Началом деятельности организации UFSE послужили события, связанные с развитием промышленности в конце XIX в. во Франции. Массовая миграция крестьянских семей в города приводила к нарушению патриархального уклада жизни. Родители, занятые по 12-14 часов на производстве, практически оставляли своих детей без должного надзора, что приводило к криминализации детей и подростков. Проблема осложнялась тем, что образование детей рабочих в этот период не считалось обязательным.

Участь детей-сирот была не менее драматичной. До 12-летнего возраста они размещались в детском доме, после этого, если они не находили благотворителей, они оказывались на улице, где и занимались попрошайничеством.

Проблема детей улицы начинает волновать общественность. Состоятельные женщины Полина и Каролина де Барро вместе с другими влиятельными людьми французского общества, представителями церкви, полиции, прокуратуры, даже бывшими министрами, создают ассоциацию помощи детям. Их девиз: «Прийти на помощь!» становится идеологией поддержки детям до 16 лет, на-

ходящимся в социально опасно положении. Альтруизм был образом жизни этих людей. В качестве примера приведем тот факт, что одна из основательниц ассоциации Полина де Барро умерла от пневмонии, потому что отдала свой плащ нищему во время зимних холодов.

Действия Союза строились на первичной диагностике проблем ребенка, выяснялись причины его бродяжничества, но только после того, как предоставляли ему продовольствие, теплую одежду и приют. В том случае, если у ребенка были родители, то тогда к решению проблемы ребенка подключалась церковь, местные власти, суды. В том случае, если ребенок был сиротой, то его устраивали в различные благотворительные учреждения.

При Союзе создавались временные приюты, которые постепенно охватывают территорию всей Франции. Тем не менее проблема устройства детей в благотворительные учреждения и временные приюты стояла достаточно остро. Вот почему Союз начинает работу по организации устройства детей в приемные семьи, преимущественно в сельской местности.

Большое внимание организация уделяет детям, находящимся в тюремном заключении. В начале XX в. в тюрьмах Франции находилось около 15 000 детей. Поэтому большое внимание Союзом уделяется не только освобождению этих детей, но и проблемам содержания их в тюрьмах, куда деятели Союза поставляют одежду, еду, книги, игры, «для тех, кто имел шанс спастись» [7].

В 30-е гг., с углублением мирового экономического кризиса, во Франции наблюдается рост числа безработных, особенно среди молодежи. В этой связи появляются центры профессиональной переподготовки безработной молодежи, активизируются центры анимации, организованной досуговой деятельности. В 1937 г. возникает педагогическое движение обучения активным методам воспитания – СЕМЕА, заложившее основы социокультурной анимации во Франции: организации досуга и каникул учащихся,

воспитания и культурного развития детей и подростков [2, с. 253].

Таким образом, расширение круга проблем клиентов потребовало от социальных ассистентов разнообразить и углубить свои профессиональные подходы к технологиям помощи, заставило искать их новые методы поддержки нуждающихся. В этой связи большую роль оказала книга, которую перевели во Франции в 1926 г., классика американской социальной работы М. Ричмонд «Что такое социальная работа?» («What is Social Casework?»). В ней систематически была представлена работа с клиентом в ситуации «один на один». Эта работа во Франции была переведена как «Новые методы помощи: Социальный сервис индивидуальных случаев».

Концепция М. Ричмонд «ситуации и личности человека, социально нуждающегося» потребовала понимания клиента, его семьи, родственных связей и деятельности местных социальных агентств. На основе этой концепции были определены принципы индивидуальной социальной работы,

Работы М. Ричмонд не являются теоретическими в техническом смысле, они имеют больше практическое приложение, поскольку основаны на случаях, взятых из практики. Но в те годы становления профессии социального работника Ричмонд была первой, которая собрала воедино все факты, наблюдения и провела анализ случаев практики. Интервенция в среду клиента была одним из двух методов М. Ричмонд. Позже это было названо терминологическим сочетанием «the indirect treatment method» (косвенный метод лечения). Ее взгляд прямо отражал новую тенденцию в социологии того периода, которая рассматривала личность как первоначальный продукт первоначального социального опыта индивидуума. М. Ричмонд добавила к этому еще и вторую категорию – прямое лечение («direct treatment»), влияние разума на разум («mind upon mind»). С помощью этой категории она акцентировала внимание на развитии доверительных отношений между социальным работником и клиентом, которые позволяют социальному работнику влиять

на клиента в направлении решений его интересов [5, с. 78].

В 1928 г. в Париже состоялась Первая международная конференция социальных служб. На ней присутствовало более тысячи делегатов со всех стран мира, в том числе была делегация от Советской Республики, которую возглавлял Н.А. Семашко. «... На I Международной конференции по социальной работе в Париже в 1928 г. Народный комиссар здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко выступал с докладом под названием «Социальная работа в Союзе Советских Социалистических Республик», однако в самом тексте доклада употребляется только термин «социальная помощь (social relief)» [1, с. 18]. Французские социальные ассистенты были представлены 361 делегатом.

На конференции методологические проблемы теории социальной работы осмыслились в контексте проблем помощи и поддержки эмигрантов и помощи детям. Конференция рекомендует, чтобы практико-ориентированные подходы М. Ричмонд были взяты на «вооружение» профессиональными социальными работниками во всех странах мира, в том числе и во Франции.

Участница этой конференции И. Кнейбихлер вспоминала, что привлекательность этого метода было не только в том, что он давал возможность на научной основе объективно изучать проблему клиента, но и в том, что на мировом уровне признавалась легитимность действий женщин-благотворительниц. Их профессиональный статус в общественном разделении труда определялся как «дамы-работницы» [8, с. 145].

На международной конференции были взяты за основу процедуры индивидуальной работы, которые включали в себя следующие фазы:

- анализ
- диагностика
- терапия

Ситуация клиента рассматривалась в контексте различных факторов, ее определяющих. Конференция не только констатировала и закрепила в своих рекомендациях методо-

логию работы с клиентом, но и поставила вопрос о необходимости разработки «науки о помощи».

Международная конференция повлияла на изменение подготовки социальных работников в социальных школах. Изменилось требование к дипломам, большое внимание уделялось в подготовке профессионалов исследованию случая, изучению проблем общества, «анатомии и физиологии общества», борьбе с социальными болезнями. Методология работы социальных служб выстраивается на основании трех главных принципов: «Видеть, решать, действовать».

Подходы к методам помощи М. Ричмонд, которая классифицировала их как директивный и недирективный, оказали влияние на классификацию социальных служб в данный период, которые и организовывались на основе директивных и недирективных методов оказания помощи.

Идеи М. Ричмонд дали импульс для развития французских теоретических подходов к индивидуальной помощи. Так, в данный период появляются работы Ж. Виолетт, П. Арманд – Делиль и др. исследователей, которые разрабатывают подходы к индивидуальной и семейной помощи [4, с. 54].

Таким образом, теория и практика социальной работы во Франции в период между двумя мировыми войнами оформлялась в соответствии с мировыми тенденциями индустриального общества, реагируя на социальные патологии активными действиями гражданского мира и профессиональным сообществом на основе научных подходов своего времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Романов П, Ярская-Смирнова Е. История социальной работы: Методологические аспекты/ Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в. Сборник научных статей. – Саратов: «Научная книга», 2005. – 360 с.
2. Фирсов М.В. История социальной работы. – М.: Кнорус, 2012. – 460 с.
3. Cristina De Robertis Methodologie de l'intervention en travail social. – Paris: Bayard. – 360 p.
4. G. Perrot, O. Fournier, L'intervention Clinique en

- service social. Les saviors fondateurs (1920-1965). – Rennes, editions ENSP, 2006. – 320 p.
5. Hollis, F., Woods, M. Casework. A Psychological Therapy. Random House. – New York, 1985. – 475 p.
 6. Service social de l'enfance en danger moral moral, rapports de l'année 1929, Imp. Maulde et Re Renou. – 1930. – 55 p.
 7. Union Française pour le Sauvetage de l'Enfance. http://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=fr&u=http://www.sauvetage-enfance.org/index.php%3Faction%3Dpage.page%26id_page%3D8&prev=/search%3Fq%3DUnion%2Bfran%25C3%25A7aise%2Bpour%2Ble%2BSauvetage%2Bde%2Bl%25E2%2580%2599Enfance%26hl%3Dru%26newwindow%3D1%26prmd%3Dimvns&a=X&ei=uGtgUOHLF4n54QSty4G4DQ&ved=0CDMQ7gEwAQ 18/09/2012
 8. Y. Kniebihler, Nous les assistantes sociaux. Naissance d'une profession. – Paris: Aubier, 1980. – 370 p.

УДК 94(436)

Макаренков М.В.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

АВСТРИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ (1945-1960 гг.)

M. Makarenkov

*Moscow State Humanitarian University
named after M. Sholokhov*

AUSTRIA AND THE EUROPEAN ECONOMIC INTEGRATION (1945-1960)

Аннотация. В статье освещается история начала движения Австрии по пути европейской экономической интеграции, охватывающая 1945-1960 гг. Австрийская внешнеторговая политика после Второй мировой войны была направлена на укрепление позиций своих экспертов на внешних рынках. Движение Австрии на пути в европейскую интеграцию начинается с «Плана Маршалла». В 1948 г. Австрия подписала соглашение об учреждении Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), в 1950 г. приняла участие в создании Европейского платежного союза (ЕПС). Проблемы европейской экономической интеграции в пятидесятые годы были одними из центральных проблем, обсуждаемых политическими партиями Австрийской Республики. Сторонниками вхождения Австрии во все экономические интеграционные организации Европы была Австрийская народная партия (АНП). В 1959 г. Австрия приняла участие в переговорах о «Малой Зоне свободной торговли». В 1960 г. создана Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), названная в Австрии вторым, после ЕЭС «Столбом европейской интеграции». В этом же году Австрия подписала конвенцию об учреждении Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Ключевые слова: экономическая интеграция, европейский экономический интеграционный процесс, «План Маршалла», ЕПС, ГААТ, ЕОУС, Евратом, ЕЭС, «Общий рынок», Государственный договор, Закон о постоянном нейтралитете Австрии, ЕАСТ, ОЭСР, Европейский Союз.

Abstract. The article covers the history of the Austrian movement towards European economic integration in 1945 – 1960. Since World War II Austrian foreign trade policy was aimed at strengthening the position of its experts in foreign markets. Austria started moving to European integration with the “Marshall Plan.” In 1948 Austria signed the agreement on the establishment of the Organization for European Economic Cooperation (OEEC) in 1950 it took part in the creation of the European Payments Union (EPU). In 1950s the problems of European economic integration were one of the central issues discussed by the political parties of the Republic of Austria. The Austrian People’s Party (APP) was a supporter of Austria’s integration into all the economic organizations of Europe. In 1959 Austria took part in the negotiations on establishing a smaller “Free Trade Zone”. In 1960 the European Free Trade Association (EFTA) was established, which Austria called the second «Column of European integration» after the EEC. In the same year Austria signed the Convention on the establishment of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD).

Key words: economic integration, European economic integration process, the Marshall Plan, EPU, GATT, ECSC, EURATOM, EEC, Common Market, State treaty, Constitutional Law on the Neutrality of Austria, EFTA, OECD, the European Union.

Как известно, сегодня Австрийская Республика является активным и полноправным участником европейского экономического интеграционного процесса. В этой связи возникает необходимость воссоздания истории движения Австрии по пути европейской экономической интеграции.

Сразу же после Второй мировой войны Австрия проявила заинтересованность в налаживании экономического сотрудничества между европейскими странами. И это вполне естествен-

но. Советские специалисты также признавали, что для Австрии было жизненно необходимо развитие широкого экономического сотрудничества с европейскими странами. Известный советский экономист Ю.И. Юданов писал в середине 50-х гг. прошлого века: «Для Австрии проблема сбыта своей продукции на внешних рынках встала еще более остро, чем для других западноевропейских стран. Искусственное сокращение торговли со странами Центральной и Восточной Европы сильно подорвало конкурентную способность австрийских экспортеров, поскольку Австрия лишилась не только огромных рынков сбыта, но и лишила себя возможности получения многих видов дешевого сырья и продовольствия. Теперь эти товары Австрия покупает на отдаленных рынках, что ведет к увеличению стоимости товаров, в связи с большими транспортными расходами. Это приводит, в конечном счете, к увеличению себестоимости выпускаемой продукции.

В силу этих обстоятельств австрийские экспортеры вышли на мировые рынки более ослабленными, чем экспортеры других западноевропейских стран. Поэтому австрийская внешнеторговая политика послевоенных лет была направлена в первую очередь на укрепление позиций своих экспортеров на внешних рынках» [11, с. 125].

Движение Австрии на пути в европейскую интеграцию, по мнению многих австрийских специалистов, начинается с «Плана Маршалла». Австрия была участником первой конференции шестнадцати европейских государств в июне 1947 г., на которой был учрежден Комитет Европейского экономического сотрудничества. Этот комитет разрабатывал принципы сотрудничества всех участвующих в плане Маршалла европейских государств [1, с. 12].

Австрия была одним из первых государств, подписавших 16 апреля 1948 г. соглашение об учреждении Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). Основной функцией этой организации в первые годы было распределение американской помощи европейским странам [1, с. 12].

ОЕЭС оказала большую помощь послевоенной австрийской экономике. Об огромном значении этой программы помощи для австрийской экономики говорит тот факт, что в период с июля 1948 по июнь 1949 гг. ее вклад в австрийский национальный доход составлял 14 процентов, иными словами, намного больше, чем в любой другой участвующей в ней европейской стране [1, с. 12-13].

Подписанием договора ОЕЭС Австрия взяла на себя и обязательство по повышению производительности труда за счет освоения и использования своих ресурсов и рационализации своих производственных мощностей, разработки совместно с другими странами общих производственных программ, интенсификации межевропейского обмена товарами, ликвидации торговых барьеров и т. п.

Австрия положительно откликнулась на идею о создании многонациональной платежной системы, приняв участие в созданном в 1950 г. Европейском платежном союзе (ЕПС) [1, с. 13].

Правительство Австрии неоднократно заявляло о своем негативном отношении к проявлениям протекционизма в международной торговле и о готовности участвовать в процессе ее либерализации. В 1951 г. Австрия присоединилась к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ).

Постепенно в Европе разворачивался процесс усиления европейской экономической интеграции. Ещё в 1950 г. французский министр иностранных дел Р. Шуман выдвинул предложение об объединении немецкого и французского производства угля и стали под единым началом. Это был известный «План Шумана» [4, с. 55-64]. Он вскоре получил свое дальнейшее развитие в решении ФРГ, Франции, Италии и стран Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург) создать Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). 18 апреля 1951 г. Договор об учреждении этого сообщества был подписан Францией, ФРГ, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом и Италией. Преамбула Договора об учреждении ЕОУС определяла его цели как «закладку первого камня для дальнейшего и углублен-

ного сообщества народов, долгие годы разделенных кровавыми столкновениями» [3, с. 23-26].

ЕОУС предполагало контроль за производством, инвестициями, конкуренцией, ценообразованием и снабжением сырьем (особенно каменным углем), выравнивание социальных условий. Оно видело главную цель в объединении экономических интересов европейских государств.

Однако Австрия не могла вступить в Европейское объединение угля и стали, поскольку в то время не был окончательно определен её международный статус, и на её территории находились иностранные войска. А главное – в ЕОУС главным «мотором» была ФРГ, с которой Австрии было запрещено союзниками «всякие совместные действия», могущие привести эту страну «под контроль ФРГ».

По мнению послевоенных руководителей Австрии, интеграция должна была играть важную роль в экономических отношениях. Между участниками интеграции должно осуществляться, утверждали австрийские власти и бизнес, более глубокое разделение труда, интенсивный обмен товарами, услугами, рабочей силой.

В 1955 г. министры иностранных дел шести европейских стран на конференции в Мессине приняли решение «продолжить создание объединенной Европы путем постепенного объединения национальных хозяйств и создания общего рынка» [5, с. 196]. 25 марта 1957 г. в Риме подписываются, как известно, два договора: Договор об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Для архитекторов западноевропейской интеграции на много лет вперед главными правилами их деятельности стала постепенность, строгое соблюдение первоочередности экономической интеграции.

Вступление в силу 1 января 1958 г. упомянутых двух Договоров знаменует начало нового этапа в европейской экономической интеграции. Для осуществления мероприятий, предусмотренных этими договорами, был ус-

тановлен переходный период, рассчитанный на 12-15 лет. В этот период развёртывается создание «общего рынка» (свобода движения товаров, лиц, услуг и капиталов), складываются и утверждаются основные принципы права Сообществ. В ходе данного этапа вырабатываются нормативные положения, обеспечившие создание и функционирование единой системы институтов Сообществ.

С 1957 по 1965 г. три Европейских сообщества эволюционировали таким образом, что, в конце концов, их основные органы стали общими [9, с. 395]. По соглашению о некоторых общих органах Европейское экономическое сообщество и Евратом с момента возникновения имели общие с ЕОУС Суд и Парламентскую ассамблею [6, с. 144].

Конечно, многие австрийские политики, представители австрийского бизнеса мечтали об активном вовлечении своей страны в европейскую экономическую интеграцию. Необходимо было учитывать потребности австрийской экономики – ведь значительная часть внешней торговли страны приходилась на государства, которые входили в указанные европейские экономические организации. И любая дискриминация Австрии могла обратиться угрозой для развития её экономики.

Однако Австрии путь в ЕЭС был закрыт. Австрии нельзя было отойти от обязательств, вытекавших из ее статуса нейтралитета, а также из Государственного договора, в котором накладывался запрет на любую форму политического и экономического союза с Германией (ст. 4).

Положение Московского меморандума (как части Государственного договора), в котором говорилось об обязательстве «придерживаться нейтралитета такого рода, которого придерживается Швейцария», доставляло большие трудности Австрии при решении интеграционных проблем, ведь Официальная швейцарская концепция (часть III, пункты 1,3) требовала соблюдать хозяйственный и политический нейтралитет в мирное время [16, S. 42-43.].

Хотя австрийские государственные деятели и говорили, что «истолкование и примене-

ние нашего нейтралитета – наша забота» [16, S. 114; 15, S. 96], все-таки на позицию СССР в вопросе интеграции Австрии в ЕЭС они не могли не реагировать. А позиция СССР была известна; он, исходя из концепции, что ЕЭС является «частью» или «продолжением» НАТО», считал, что членство Австрии в этой организации является нарушением Закона о постоянном нейтралитете и Государственного договора, и с самого начала однозначно высказывался против вступления Австрии в «Общий рынок».

Но дело не только в этом. СССР, исходя из чисто национально-государственных представлений о будущем Европы, был категорически против идеи общеевропейского союза равноправных демократических государств [8, с. 30-43; 9, с. 17-28]. Блоковая политика и блоковое мышление характеризовали с начала «холодной войны» конфронтационные отношения между Советским Союзом и США, в которые были неизбежно втянуты все западноевропейские и центральноевропейские государства [10, с. 3-22].

Известный австрийский историк К. Воцелка пишет, что в «осуществлении одной из великих европейских идей послевоенного периода – единства Европы, – в процессе которого главную роль играли Франция и ФРГ, Австрия не принимала участия и, более того, не могла принимать, поскольку вступление Австрии в Европейское экономическое сообщество, явившееся предшественником Европейского Союза, с одной стороны, могло быть истолковано как «присоединение» к Германии, а с другой – означало политическую ориентацию на Запад, с чем Советский Союз как держава, подписавшая Государственный договор, не согласился бы» [2, с. 450]. Добавим: отрицательно отнеслась бы к присоединению Австрии и Италия, отношения с которой были осложнены проблемой Южного Тироля.

Проблемы европейской экономической интеграции в пятидесятые годы были одними из центральных проблем, обсуждаемых политическими партиями Австрийской Республики. Большой сторонницей вхождения Австрии во все экономические интеграцион-

ные организации Европы была Австрийская народная партия (АНП).

Политика другой крупной политической силы Австрийской Республики – Социалистической партии Австрии (СПА) по вопросам европейской интеграции была наиболее взвешенной. Её лидер Б. Крайский в своем понимании сущности европейской интеграции исходил из того, что «развитие в направлении образования большого европейского рынка... неотделимо от экономического и общественного развития в Европе», что интеграционные процессы полностью «соответствуют современному уровню развития производительных сил западноевропейского региона», что интеграция соответствует, наконец, «условиям современного индустриального общества» [12, S. 49].

При этом конечная цель интеграции, как указывал Б. Крайский, заключается в том, «чтобы сделать Европу хозяйственно сильной и создать здесь общественные отношения, которые должны демонстрировать хозяйственные возможности современной демократии»; интеграция «сделает народы Европы богаче», «повысит жизненный уровень больших групп населения», делал вывод Б. Крайский [16, S. 373].

Австрия выступила в конце 50-х гг. в пользу идеи «органического достраивания» Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), членом которой она была, чтобы уменьшить разрыв между странами ЕЭС и остальными государствами-членами ОЕЭС [16, S. 333].

Сразу после создания ЕЭС Совет ОЕЭС поддержал предложение Бельгии о дополнении ЕЭС «зоной свободной торговли» и решил проработать все возможные формы и методы многосторонней ассоциации с ЕЭС не вошедших в него государств. Задача создания «Большой зоны» была провозглашена 17 октября 1957 г. единогласно принятой резолюцией Совета ОЕЭС. Эта «Большая зона» должна была действовать параллельно с ЕЭС, признавая цели последнего.

Позитивное отношение Австрии к созданию «Большой зоны» было выражено сразу

же в выступлении по национальному радио Федерального канцлера Ю. Рааба и официально подтверждено меморандумом 25 марта 1958 г., выработанным комитетом министров и одобренным правительством страны. Австрия определила будущую «Зону» как «вид многосторонней ассоциации третьих стран с ЕЭС» [16, S. 324].

При этом уже тогда Австрия обращала внимание на свои «трудности, особенно в сельском хозяйстве, экспортной и таможенной системах», которые должны быть учтены при выработке соглашения [16, S. 327]. Тогда имелось в виду – «большая доля горной местности» и «угроза специальным культурам вино-, фрукто-, садовых посадок», «отсутствие непосредственного выхода к морю», а также – выраженное деликатно – «особое хозяйственное положение как следствие многолетнего присутствия в стране» иностранных войск (по мере продвижения к ЕЭС этот аргумент усиливался) [16, S. 327-334].

Переговоры с целью создания объявленной «Зоны» не увенчались успехом. 16 декабря 1958 г. в Совете министров ОЕЭС столкнулись представитель Франции, выступавший за обособленность ЕЭС, и представитель Англии, выступавший в защиту интересов 11-ти других членов ОЕЭС. Франция, стремясь сохранить за собой ведущее положение в сообществе, утверждала, что создание «Большой зоны» на предложенных условиях невозможно и нужно искать другие решения. Совет министров ОЕЭС мог только констатировать «невозможность достичь единства мнений». Австрии оставалась сожалеть, что ее «предложения... о гибкой программе переговоров не достигли успеха» [16, S. 335].

Между тем таможенные барьеры стран ЕЭС становились дискриминационным фактором для экономики Австрии и других стран. Поэтому весной 1959 г. по инициативе Швеции и Швейцарии, поддержанной Англией, начались переговоры о «Малой зоне свободной торговли» для защиты государств, не вошедших в ЕЭС. В них приняла участие и Австрия.

Переговоры начались в Женеве, затем проходили в Осло и завершились в Стокголь-

ме. В июне 1959 г. был представлен первый проект договора. В июле того же года в Стокгольме состоялась конференция министров торговли и иностранных дел. С самого начала все правительства заявили, что «создание «Малой зоны» приведет не к конфронтации с ЕЭС», а наоборот, «откроит путь к многостороннему решению», что было воспринято Австрией как «приятная неожиданность» [16, S. 329].

Австрия заявляла о своей заинтересованности в скорейшем начале таких переговоров, но делала оговорку о том, что в случае неудачи «предпримет для себя одной все, чтобы сохранить свой экспорт в страны ЕЭС» (50% общего экспорта Австрии), то есть оставляла за собой право двусторонних переговоров [16, S. 330].

Характеризуя значение конференции, тогдашний министр торговли Австрии Бок заявил, что она «внесла большую ясность в вопросы европейской экономической интеграции» [16, S. 318.]. Итогом конференции стал проект договора о «Малой зоне свободной торговли». Его особенность и отличие от предлагавшегося ранее договора о «Большой зоне» заключалось в том, что он вычленил определенные проблемы в хозяйственных отношениях стран-участниц, которые должны были решаться последовательно. В случаях, когда партнеры по переговорам не могли прийти к общему мнению, особая позиция каждой делегации заносилась для последующего решения. Поскольку не все проблемы были решены, договор в значительной степени стал собранием исключений, но и в этом Бок видел его необходимость.

Вообще же, на создаваемую организацию возлагались большие надежды в хозяйственном подъеме Западной Европы. Предполагалось, что она позволит стать семи государствам (Англии, Швеции, Дании, Норвегии, Швейцарии, Австрии, Португалии) «активным и сильным партнером по переговорам с ЕЭС» [16, S. 330].

Окончательный проект договора должен был быть выработан к 31 октября 1959 г. По мнению министра торговли Австрии, он дол-

жен был приспособить «развитие торговой политики семи к ровному развитию внутри ЕЭС» [16, S. 331].

Австрийская делегация внесла свою лепту в окончательную редакцию договора. Так, по настоянию Австрии в преамбулу было включено решительное намерение стран начать в скором времени переговоры о коллективной ассоциации с ЕЭС. В ст.3 Австрия предложила назвать, как одну из целей организации, задачу «сохранения свободы предпринимательства, увеличения производства и рационального использования вспомогательных хозяйственных источников». Австрия внесла ряд добавлений по вопросам о пошлинах, свои формулировки в главы «Сельское хозяйство» и «Всеобщая хозяйственная политика». В главе «Исключения» были учтены особенности положения Австрии.

В это время в Австрии развернулась острая дискуссия «за» и «против» ЕЭС [16, S. 331-332]. Было много как сторонников, так и противников расширения участия страны в европейской экономической интеграции. Широко обсуждались возможные последствия этого шага. В одной коллективной монографии «Австрийский путь в европейское сообщество» присоединение к процессу европейской экономической интеграции обосновывалось необходимостью обретения «большой хозяйственной динамики», то есть позитивного воздействия на экономический рост, занятость и инновационный процесс [13, S. 7].

В январе 1960 г. состоялось подписание Конвенции о создании ЕАСТ. Совет министров Австрийской Республики принял официальное решение о вступлении в эту организацию 23 марта 1960 г. Конвенция вступила в силу 3 мая 1960 г. Этот день стал днем создания Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), названной в Австрии вторым после ЕЭС «столпом европейской интеграции» [16, S. 349].

Конвенция 1960 г. определила задачи новой Организации: содействие непрерывному росту экономической активности, обеспечению занятости, повышению производительности, рациональному использованию ресурсов,

финансовой стабильности и неуклонному повышению уровня жизни на территории государств-членов; обеспечение добросовестных условий конкуренции в торговле между государствами-членами; ликвидация неравенства в условиях снабжения сырьем, производимым на территории государств-членов; содействие гармоничному развитию и росту мировой торговли путем ликвидации торговых барьеров.

В отличие от Европейского экономического сообщества, ЕАСТ представляла собой менее развитую форму интеграции, ее функции были ограничены внешнеторговыми рамками и направлены на создание зоны свободной торговли.

В конвенции предусматривалась отмена ограничений во взаимной торговле лишь промышленными товарами, страны ЕАСТ не вводили единого тарифа по отношению к третьим странам, а сохраняли национальные таможенные пошлины. В круг полномочий ЕАСТ, выступающей в роли коммерческого соглашения по вопросам свободной торговли, не включалась возможность формирования наднациональных учреждений или возможность уступок суверенных прав членами организации. И всё же, даже в таком ее виде ассоциация осуществляла огромный шаг вперед – ведь из общего числа тринадцати индивидуальных рынков за счет образования ЕЭС и ЕАСТ это число сократилось до двух [1, с. 23].

Для стран-участниц ЕАСТ – и здесь, опять-таки, особенно для Австрии, преобладающая часть внешней торговли которой приходилась на входящие в ЕЭС государства, – продолжала существовать реальная опасность дискриминации за счет высоких внешних таможенных барьеров ЕЭС. Поэтому фактически с самого учреждения ЕАСТ отдельные ее члены стремились к заключению соглашений с ЕЭС, будь то в виде полного членства, как этого добивалась Великобритания, Дания, Норвегия или Ирландия, будь то в других формах сотрудничества, учитывающих особый статус нейтралитета, как этого старалась достичь Австрия.

Как уже отмечалось, ещё в 1948 г. была создана Организация европейского экономического сотрудничества. С течением времени обнаружилась необходимость более тесного экономического сотрудничества между западными странами, с одной стороны, США и Канадой, с другой. В декабре 1959 г. в Париже состоялась встреча президентов Франции, США, канцлера ФРГ и премьер-министра Великобритании, результатом которой явилось принятие коммюнике, в котором говорилось о необходимости расширения ОЕЭС [13, р. 10].

14 декабря 1960 г. все 20 государств, членов ОЕЭС, в том числе и Австрия, подписали конвенцию об учреждении Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В соглашении о создании провозглашались три основные цели организации, сформулированные в ст. 1:

1) добиваться неуклонного подъема экономики и занятости, повышения уровня жизни в странах-членах, сохраняя при этом финансовую устойчивость и способствуя тем самым развитию мировой экономики;

2) способствовать здоровому подъему экономики в находящихся в процессе экономического развития странах, как участвующих в организациях, так и не участвующих;

3) содействовать расширению мировой торговли на многосторонней основе без дискриминации в соответствии с международными обязательствами [15, р. 43-50].

Итак, в конце 50-х гг. XX в. заканчивается, на наш взгляд, начальный этап движения Австрии в европейские организации экономической интеграции. Впереди – годы громадных усилий австрийской дипломатии, приведшие, в конечном счете, Австрию в ЕС.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Австрия – постоянно нейтральная страна. Австрийская внешняя политика с 1945-го года. – Вена: Издано Федеральной службой печати, 1986. – 40 с.
2. Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика / Карл Воцелка; пер. с нем. В.А. Брун-Цеховского, О.И. Величко, В.Н. Ковалева – М.: Издательство «Весь Мир», 2007. – 512 с.
3. Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. Документы Европейского Союза. Т. 1. Договоры, учреждающие Европейские сообщества. – М.: Междунар. изд. группа «Право», 1994. – 390 с.
4. Зуева К.П. «План Шумана» и Советский Союз// История европейской интеграции (1945-1994 гг.) / Под ред. А.С. Намазовой и Б. Эмерсон. – М.: ИВИ РАН, 1995. – С. 55-67.
5. Иванов С.С. Европейский Союз: от Маастрихтского договора к общеевропейской конституции.//Глобализация: проблемы международного сотрудничества и решение общечеловеческих задач/ Ответ ред. С.Ю. Наумов. – Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2005. – С. 194–204
6. Клепацкий З. Западноевропейские международные организации / Перевод с польского. – М.: Прогресс, 1973. – 487 с.
7. Кольяр К. Международные организации и учреждения / Пер. с фр. З.И. Луковниковой и А.С. Маликова; Под ред. В.Г. Шкунаева. – М.: Прогресс, 1972. – 632 с.
8. Наринский М.М. План Маршалла и Советский Союз // История европейской интеграции (1945-1994 гг.). – М.: ИВИ РАН, 1995. – С. 30-45.
9. Филлитов А.М. Европа в советских планах послевоенного устройства // История европейской интеграции (1945-1994 гг.) / Под ред. А.С. Намазовой и Б. Эмерсон. – М.: ИВИ РАН, 1995. – С. 17-29.
10. Чубарьян А.О. Новая истории „холодной войны // Новая и новейшая история. – 1997. – № 6. – С. 3-23.
11. Юданов Ю.И. Австрия. Экономика и внешняя торговля. – М.: Внешторгиздат, 1958. – 136 с.
12. Kreisky B. Neutralität und Koexistenz. – München, 1975. – 200 S.
13. Österreichs Weg in der EG. – Wien, 1988. – 324 S.
14. Raab J. Verantwortung für Österreich. – Wien, 1961. – 175 S.
15. The Organization for economic cooperation and development. – Paris: OECD, 1965. – 236 p.
16. 20 Jahre österreichische Neutralitäts und Europolitik. Dokumentation. Teilband 1. – Wien, 1976. – 465 S.

УДК 364(44) “20”

Фирсов М.В.

Московский государственный областной университет

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ВО ФРАНЦИИ В 40–50-е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ

M. Firsov

Moscow State Regional University

THE FORMATION OF SOCIAL PROTECTION AND SOCIAL WORK IN FRANCE IN 40–50s OF THE XXTH CENTURY

Аннотация. Становление социальной работы в 40-50 годы XX в. – новый этап в развитии профессиональной социальной работы во Франции. В данное время открывались высшие профессиональные школы, изменялось социальное законодательство в области социального страхования, пенсионного обеспечения, социальной защиты населения. Можно наблюдать, как практика помощи социально уязвимым группам населения обогащается европейскими и североамериканскими технологиями помощи и поддержки. Необходимо отметить, что на развитие и изменение технологий помощи в данный период повлияли внутривнутриполитические и мировые социально-экономические процессы.

Ключевые слова: социальная работа, забота о детях, денежные пособия, охрана детства, помощь по месту жительства, работа в малых группах, вспомоществование.

Abstract. The formation of social work in 40-50s was a new stage in the development of professional social work in France. In that time professional schools of higher education were opened; and there were changes in social legislation in the field of social insurance, pension security and social protection of the population. The process of enriching the practical assistance to socially-vulnerable groups of the population with European and North-American technologies of support can be traced. It should be noted that the internal political situation and global socio-economic processes influenced the process of development and changing of assistance technologies in the given period.

Key words: social work, child care, monetary allowance, child welfare, domiciliary aid, work in small groups, donation.

После Второй мировой войны начинается новый этап развития системы социальной защиты населения и социальной работы во Франции.

В 1945–1946 гг. во Франции закладываются основные направления социальной защиты населения: социальное страхование, семейные пособия и страхование на случай производственного травматизма. К концу 1946 г. система социальной защиты охватывала 53% населения страны. При этом она не распространялась на представителей сельскохозяйственных и свободных профессий, вот почему в последующие годы законодательство в области социальной защиты реформировалось в направлении улучшения социальной защищенности представителей других профессий [1, с. 59].

Программа социального обеспечения, предложенная в 1945 г., поставила задачу гарантировать всем слоям населения доходы, позволяющие обеспечить благополучие семьи. Программа социального обеспечения также предполагала обеспечение рабочими местами, ликвидацию безработицы, обеспечение компенсаций на случай болезни, инвалидности, беременности, пенсионное обеспечение по старости.

В 1946 г. в преамбуле к конституции Франции заявлялось: «Любой человек, который ввиду своего возраста, физического или умственного состояния или экономического положения не имеет возможность трудиться, имеет право на получение от общества необходимых средств к существованию» [2].

Важным этапом в развитии системы социального обеспечения во Франции стал кодекс о социальной защите 1956 г., согласно которому была создана единая кодификация законодательства в области социальной защиты человека и его прав в государстве. Французская система социальной защиты строилась на основе следующих схем:

- общая схема – поддержка рабочих промышленных предприятий, торговли и их семей от различных рисков;
- сельскохозяйственная схема – поддержка лиц, работающих в сельскохозяйственном секторе;
- специальные схемы – поддержка представителей различных профессий;
- мультисхемы – поддержка работающих граждан в частном секторе.

В дополнение к этому существовали различные направления поддержки: схемы дополнительных пенсий, пособий по болезни, по безработице, помощь, которая осуществлялась на ведомственном уровне.

В этот период сложились основные виды страхования и пособий: по старости, по случаю потери кормильца, пособие в случае нетрудоспособности, пособие по безработице, медицинская помощь, семейные пособия, специфическое пособие на случай нужды.

Во Франции в данный период действовал принцип разделения общенациональной солидарности, осуществляемой государством, и местной солидарности, осуществляемой департаментами и общиной.

Французское право рассматривает обращение индивидуума к коллективной солидарности как исключительное явление. Помощь – право субъекта, но она подлежит ограничительному толкованию, имеет вспомогательный, алиментный и возмещающий характер.

Вспомогательный характер помощи подразумевает отсутствие у субъекта, кроме этой помощи, иных средств, достаточных для удовлетворения его потребностей.

Алиментные обязательства возникают у родственника по отношению к отдельно живущим нетрудоспособным членам семьи (детям, родителям и т. п.). Исполнение алимен-

тных обязательств в случае необходимости может происходить по решению суда.

Возмещение – компенсация обществу той социальной помощи, которая регулярно предоставлялась нуждающемуся [3, с. 203].

«Посттоталитарная» или «поствишистская» Франция определяла в данный период не только новые векторы развития социального обеспечения, но и новые области подготовки социальных работников. Послевоенная миссия социальных работников после освобождения Франции складывается вокруг новых потребностей общества: в обслуживании на дому, в санитарном обслуживании и социально-медицинской помощи. Эти общественные потребности являются ориентирами в подготовке социальных работников в данный период.

Вектор развития социальной работы в направлении общественной гигиены был связан с тем, что после войны наблюдался рост различных пандемий, включая туберкулез. Поэтому не случайно уже к 1948 г. во Франции подготовку дипломированных специалистов ведут 65 государственных школ в различных провинциях, 12 школ были организованы при госпиталях, а 40 школ – при поликлиниках для вспомогательного персонала. К 1950 г. было подготовлено по данному направлению более 14 000 социальных ассистентов и вспомогательного персонала [4].

Однако к 1954 г. происходит сокращение программ в данном направлении. Это было связано с тем, что социально-санитарные проблемы в обществе были в основном решены, и подготовка социальных работников в секторе социальной гигиены ограничилась числом 2 978 человек, тогда как в общественном секторе подготовка социальных работников увеличилась до 9 372 человек, что было связано с социально-экономическими проблемами общества [5, с. 28].

В этот период школы социальной работы традиционно продолжали подготовку социальных ассистентов по работе с детьми, однако наблюдается смешение акцентов в этом направлении. Практика деятельности социальных работников сосредоточена вок-

руг совместной работы с судами по делам несовершеннолетних, особенно с той группой детей, которая не могла быть привлечена к уголовной ответственности, т. е. несовершеннолетними. Этому способствовали законы о защите несовершеннолетних, которые выходят в данные годы, они-то и определили направление характера деятельности социальных работников и систему их подготовки в профессиональных школах.

В 50-х гг. формируется профессиональная ассоциация социальных работников (ANAS), в нее входят ведущие школы социальной работы среди них Медико-педагогический институт, Медико-профессиональный институт и ряд других.

Ассоциация проводит ряд конференций, которые посвящены анализу состояния методологии социальной работы на этапе ее пост-классического развития. Осмысляются такие компоненты социальной работы, как посещение на дому, анкетирование, собеседование и т. д. В этот период происходит переосмысление методов социальной работы, понятийного языка теории социальной работы. Так, термин «методы» заменяется термином «техники», который более точно соответствовал процессам взаимодействия на практике социальных работников с клиентами.

В 50-х гг. происходит возрождение метода индивидуальной работы во Франции. Технология индивидуальной помощи клиенту «работа со случаем», предложенная М. Ричмонд в 20-х гг., известная и принятая социальными работниками, в данный период обогащается техниками психоанализа. Это дает возможность профессионалам работать не только с отдельным клиентом, но и с группой, а также с семьей.

Широкое распространение обновленного метода социальной работы «со случаем» во Франции происходит после прохождения международной конференции в Париже в 1950 г. Эта конференция дала толчок для распространения индивидуальной работы «со случаем» по всей Европе. Конференции по данной тематике прошли в 50-х гг. не только в европейских странах, таких, как Голландия,

Швейцария, Финляндия, но и в Северной Африке и Израиле.

Однако нельзя говорить о том, что во Франции метод индивидуальной работы «со случаем» в североамериканском варианте берется профессиональным сообществом без существенных изменений. Можно наблюдать в этот период как сторонников, так и противников данного подхода работы с клиентами. Вот это противостояние, выдвижение различных альтернатив профессиональными сообществами дало импульс для поиска национальной модели индивидуальной работы с клиентом, которая окончательно сложится только к концу 80-х гг.

В 50-е гг. обращение к североамериканской модели социальной работы было вызвано не только профессиональными интересами, но и политическими мотивами. В этот период начинается обострение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, эти годы определяются в мировой истории как начальный период «холодной войны».

Во Франции было достаточно большое количество политиков, служащих, интеллектуалов, которые в данном противостоянии отдавали свое предпочтение США. Именно в этом можно видеть одну из причин интереса на данном этапе к североамериканским моделям социальной работы представителей среднего класса, работающих в данной отрасли. Однако в этот период было немало социальных работников, которые не были приверженцами данной модели, и здесь были не только политические, но и идеологические расхождения в подходах к данному методу.

Представители «католического крыла» социальной работы были против техник американской модели индивидуальной работы, так как она базировалась на концепциях З. Фрейда, идеи которого не принимала римско-католическая Церковь. Среди профессионалов в области социальной работы эта группа составляла достаточно большую часть.

Неприятие данного метода наблюдается и со стороны «левых сил». Психологи-марксисты считали, что в данных подходах происхо-

дит абсолютизация проблем клиента исходя из его индивидуальных потребностей. Анализ ситуации осуществляется только в контексте отношений социального работника и клиента. В связи с чем, по мнению этих психологов, игнорировались важнейшие факторы, влияющие на сложную социальную ситуацию человека, среди них: общественное развитие, классовые противоречия, система справедливого распределения. Тем самым из процесса анализа «изымалась» социальная проблематика, то, что являлось «нервом» профессиональной социальной работы. Можно отметить, что проблемы метода были актуальны скорее для академического сообщества социальных работников, чем для практиков.

После войны практические социальные работники разворачивали свою деятельность в области социального обеспечения, помощи и поддержки наиболее уязвимых слоев населения, которыми в данный период были дети, семьи, престарелые. Отсюда их деятельность была направлена на широкие социальные слои, и поэтому техники индивидуальной работы были менее актуальны. Социальная работа в данный период разворачивается по таким направлениям, как организация лагерей отдыха, обществ взаимопомощи, обеспечение семей пособиями. Таким образом, проблемы социально-экономической помощи населению были более актуальны, чем теоретические и практические вопросы, связанные с работой «со случаем».

И, тем не менее, метод индивидуальной работы, изменяясь, постепенно, несмотря на трудности объективного и субъективного характера, оформлялся в особое направление практики профессиональной деятельности социальной работы. Среди наиболее значимых факторов можно отметить:

- переход на научный отбор данных о клиенте,
- развитие подходов к диагностике ситуации клиента,
- поиски обоснования оптимальных планов работы с клиентом,

– обоснование направлений помощи клиенту в соответствии с его потребностями в развитии [6, с. 183].

Немалую роль в определении индивидуальной модели помощи сыграли психологические теоретические работы таких исследователей, как Ж. Пиаже, Э. Эриксон, К. Левин и ряд других, которые обогатили теорию индивидуальной работы со случаем. Все эти факторы привели к тому, что в 50-х гг. во Франции индивидуальная модель социальной работы рассматривается как модель «индивидуальной психосоциальной помощи», что значительно расширяет и углубляет подходы работы с клиентом [7, с. 189].

Таким образом, в 40-50-х гг. во Франции начинает оформляться новая модель социального обеспечения и социальной работы, которая развивалась в контексте оформления социального государства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дорьон Ж., А. Гионнэ. Социальное страхование во Франции. Ассоциация для развития и координации международных связей. – 1996. – С. 115.
2. Преамбула к Конституции Французской Республики от 27 октября 1946. http://translate.googleusercontent.com/translate_c?depth=1&hl=ru&langpair=en%7Cru&rurl=translate.google.ru&twu=1&u=http://www.equalrightstrust.org/ertdocumentbank/Preamble%25201946%2520ENG.pdf&usg=ALkJrhharAwinLjXZDrzWM_FwGx1eriCyg (15 сентября 2012).
3. Фирсов М.В. История социальной работы. – М.: Кнорус, 2012. – 460 с.
4. Cristina De Robertis Methodologie de l'intervention en travail social. – Paris: Bayard. – 420 p.
5. G. Perrot, O. Fournier, L'intervention Clinique en service social. Les saviors fondateurs (1920-1965). – Rennes, editions ENSP, 2006. – 327 p.
6. R.-H. Guerrand, M.-A. Rupp. Sur l'histoire du travail social, la seule synthèse reste/ Brève histoire du service social en France, 1896-1976. – Toulouse: Privat, 1978. – 450 p.
7. Rullac S., Ott L. Intervention social d'aide a la person / Dictionnaire pratique du travail social. – Paris: Dunod, 2010. – 375 p.

УДК 94 (4) «1945/2012»

Жиряков И.Г., Барabanов М.В.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ
ОТ «ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ» ТРАНСФОРМАЦИИ
В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ
(90-е ГОДЫ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)**

I. Zhiryakhov, M. Varabanov

Moscow State Humanitarian University named after M. Sholokhov

**SOCIO-ECONOMIC EXPECTATION FROM THE “POST-COMMUNIST”
TRANSFORMATION IN THE COUNTRIES OF EASTERN EUROPE AND ITS
IMPLEMENTATION (THE 90-S OF XX – THE BEGINNING OF XXI CENTURIES)**

Аннотация. В настоящей статье речь идет о «посткоммунистической» модернизации в бывших социалистических странах Восточной Европы, радикальных рыночных экономических преобразованиях, реформах в социальной сфере. Научное исследование социально-экономических преобразований в странах Восточной Европы связывается с конкретными результатами. Авторы предлагают комплексное понимание «посткоммунистической» модернизации, включающее прогресс во всех основных областях жизни людей, и, прежде всего, в социальной сфере; ставится вопрос о социальной цене «посткоммунистических» реформ.

Ключевые слова: Восточная Европа, «бархатные» революции, «посткоммунистическая» трансформация, рыночные реформы, «шоковая терапия», нелиберальная концепция развития экономики, ВНП и ВВП, политическая партия, экономическая политика, социальная политика, концепция рыночного реформирования социальной среды, показатели реформирования социальной сферы.

Abstract. The article is about the post-communist modernization in the former socialist countries of Eastern Europe, the radical free-market economic reforms and reforms in the social sphere. The scientific study of the socio-economic transformations in the countries of Eastern Europe is linked with concrete results. The authors offer a comprehensive understanding of the post-communist modernization, including progress in all key areas of people's life, and first of all in the social sphere. The article raises the question of the social value of the post-communist reforms.

Key words: Eastern Europe, “velvet” revolutions, “post-communist” transformation, market-style reforms, “shock therapy”, neoliberal concept of economy development, GNP and GDP, political party, economic policy, social policy, the concept of market-style reforming of social environment, the indicator of reforms in social sphere.

Как известно, после «бархатных» и «нежных» революций в бывших социалистических странах Восточной Европы начался этап «посткоммунистической» модернизации, радикальных рыночных экономических преобразований, реформ в социальной сфере. Каковы их результаты? К чему они привели?

Авторы настоящей статьи категорически не согласны с теми исследователями, которые считают, что нельзя судить об итогах «посткоммунистической» трансформации с точки зрения якобы «формального баланса потерь и приобретений» или соотношения «проигравших» и «выигравших» от проведения реформ. Гораздо важнее, как полагают они, оценка социально-исторического смысла произошедших изменений.

По нашему мнению, научное исследование социально-экономических преобразований в

странах Восточной Европы следует связывать с конкретными результатами, необходимо комплексное понимание «посткоммунистической» модернизации, включающее прогресс во всех основных областях жизни людей, и, прежде всего, в социальной сфере. Следует ставить вопрос о цене «посткоммунистических» реформ. Кстати, в Польше в ходе одного социологического опроса, проведенного в начале 2000-х гг., выяснилось, что почти половина опрошенных считали демократию полезной, только если она ведет к росту благосостояния, материальному изобилию, и всего 18% – если она предоставляет гражданам свободу [8, с. 90-93].

Российские неолiberaлы сложили множество мифов о трансформации в странах Восточной Европы, выдавая за аксиомы то, что на самом деле имеет мало общего с фактическим положением дел. Один из таких мифов, как пишет отечественный автор З. Кузнецова, гласит, что рыночные реформы в восточноевропейских странах «пошли» благодаря проведенной жесткой «шоковой терапии» [10, с. 79].

На самом деле, трансформационные экономические преобразования проходили быстрее и менее «болезненно» в тех странах, где на практике реализовывался выгодно отличавшийся от классической «шоковой терапии» более мягкий вариант реформы, предусматривавший антиинфляционное вхождение в рынок с более умеренными социальными издержками.

С одной стороны, нельзя не замечать определенных успехов в либерализации экономики восточноевропейских стран, рост экономических показателей в период «посткоммунистических» преобразований. Анализ итогов экономического развития стран в рассматриваемые годы приводит к выводу, что этап системной трансформации пройден ими в целом успешно, утверждают некоторые наши исследователи. Участники «Круглого стола» в журнале «Новая и новейшая история» говорили том, что к середине 1990-х гг. постсоциалистические страны преодолели спад производства, последовавший за кол-

лапсом административно-плановой системы, а к началу 2000-х гг. восстановили дореформенный объем валового продукта [13, с. 6].

С другой стороны, как утверждает Н.В. Коровицина, «хотя процесс либеральной трансформации можно считать состоявшимся, общества восточноевропейского типа нельзя отнести к классическому рыночному образцу [9, с.105].

К концу 90-х гг. в ряде государств (Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Чехия) был достигнут относительно устойчивый экономический рост, хотя и по отношению к низкому уровню периода спада, пишет исследователь Л. Дегтярь. В остальных же государствах региона (Болгария, Румыния) до конца 90-х гг. все еще не удалось преодолеть резко усилившуюся в переходный период тенденцию к дальнейшему вытеснению этих стран на периферию мирового хозяйства [5, с. 130].

Такая же примерно оценка содержится и в работах некоторых европейских авторов. Они пишут, что после начала реформ почти все посткоммунистические страны пережили резкое падение ВВП, производства и занятости. Даже «трансформационно успешные» страны пострадали от падения ВВП, по глубине сопоставимого с Великой депрессией, утверждают К. Миллер и А. Пикель [11, с. 67-82].

В начале 2000-х гг. экономическая ситуация изменяется в положительную сторону. В эти годы в большинстве стран улучшились структурные и качественные характеристики экономики. Ускорился рост промышленного производства, а в Чешской Республике, Словакии и Польше оно стало расти даже быстрее ВВП. Сворачиваются ресурсоемкие производства с низким уровнем технологий и расширяются мощности по производству более сложной продукции с большей добавленной стоимостью. Польша и Словения даже превзошли тогда по ее доле в валовой продукции обрабатывающей промышленности средний уровень ЕС.

Эффективность экономики повысилась, утверждали отечественные специалисты, так

как увеличение ВВП происходил в основном за счет роста производительности труда. Но признавали при этом, что по ее уровню страны ВЕ еще уступали ЕС-15 почти в два раза [13, с. 6-7].

По данным на 2003 г., отношение ВВП на душу населения к среднему уровню по 15 государствам ЕС составило по паритету покупательной способности валют: в Венгрии – 55%, Польше – 42%, Словакии – 50%, Словении – 70%, Чехии – 59% (в Болгарии и Румынии – не выше 28%) [16, с.199].

Наши ученые, занимающиеся проблемами постсоциалистических стран Восточной Европы, весьма высоко оценивают экономические успехи этих стран. На наш взгляд, эти оценки явно завышенные. Данные о темпах роста, бюджетные балансы, величина частного сектора, безусловно, ценные индикаторы, но они недостаточны для оценки состояния трансформационного процесса, считают упомянутые европейские специалисты К. Миллер и А. Пикель [11, с. 67-82]. Скажем яснее: общее улучшение экономических показателей в «постсоциалистических» странах Восточной Европы мало сказалось на социальном положении простых людей.

Любая политическая партия в восточноевропейских странах, придя к власти, давала обещания улучшить жизнь людей. Предвыборные программы практически всех партий включали в себя разделы, в которых затрагивались острейшие социальные проблемы, замечает отечественный исследователь М.В. Горбаченко [3, с. 341-382]. И что же, в результате их правления, проведения ими трансформационных реформ получилось?

Социальная цена рыночной трансформации везде оказалась существенно выше, чем предполагали ее инициаторы. К концу 90-х гг. резко снизился средний уровень реальных доходов населения и одновременно увеличилось неравенство в их распределении.

В то время как только пятая часть населения бывшего социалистического лагеря улучшила жизненный стандарт, почти треть превратилась в слой «новых бедных». По данным исследования ООН, на начало 2000-х гг.

147 млн. человек имели здесь доход меньше 4 долл. в день, тогда как в конце 80-х гг. к этой категории относилось лишь 14 млн. человек [12, с. 3].

Авторы коллективного монографического исследования «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века» осторожно признают, что в начале системной трансформации разработанной концепции рыночного реформирования социальной среды в восточноевропейских странах не было [17, с. 263].

И.С. Сеницина также считает, что, в отличие от сферы экономики и отношений собственности, на начальном этапе системной трансформации не существовало разработанной концепции рыночного реформирования социальной сферы. Но тем не менее она полагает, что системная трансформация в странах ВЕ не сопровождалась якобы уходом государства из социальной сферы и в большинстве стран не была связана с ослаблением системы социальной поддержки населения. Доля социальных расходов в ВВП практически во всех странах региона заметно возросла, утверждает И.С. Сеницина, и в течение всего периода трансформации в большинстве стран региона формировалась на относительно стабильном уровне как в соотношении с ВВП, так и в общем объеме бюджетных расходов [13, с. 8].

Другие исследователи категорически не согласны с этими утверждениями. Если это было бы так, то в 90-е гг. XX в. в странах региона не произошло бы обострения социальных проблем. Уже на начальном этапе экономической трансформации национальный доход на душу населения еще более снизился, хотя первыми вступившие в ЕС страны (Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Чехия) имели достаточно высокий стартовый уровень социально-экономических реформ.

За обвал «реального социализма» и довольно болезненный перевод на рыночные основы, связанный с разрушением прежней малоэффективной административно-командной системы и заменой ее новой, основанной на совершенно иной хозяйственной логике рыночной системы, население пла-

тило высокую социальную цену, переживая девальвацию общественных и индивидуальных ценностей, подрыв убеждений, потерю ориентиров, социальную и экономическую незащищенность [2, с. 11].

Во всех восточноевропейских странах в подходе к преобразованию экономики сформировались два основных направления: первое было нацелено на создание социально-ориентированной рыночной экономики, а второе имело ориентиром экономическую систему либерального типа [14, с. 102].

При выборе рядом стран региона неоллиберальной концепции развития форсировалась модель преобладания частного сектора в структуре экономики и ограничения общественного сектора только некоторыми ее отраслями. Глубокая экономическая рецессия, лимитирующие социальные расходы, внешние долги и коррупция ограничили бюджетное финансирование социальных программ и стали причиной социальных трудностей, пишет известный специалист по странам Восточной Европы И.С. Яжборовская [19, с. 73-74].

Массовая потеря работы началась уже в первые годы рыночных преобразований, когда было остановлено множество различных предприятий, в том числе градообразующих. Закрывались сельскохозяйственные кооперативы, проводились сокращения в органах государственного управления. Безработицу подхлестнули сопровождающаяся увольнением работников приватизация государственных предприятий, где к тому времени существовал большой скрытый избыток рабочей силы, низкая эластичность рынка труда, несоответствие предложения и спроса на рабочую силу по профессиям и квалификации. Относительно низок ее уровень был только в Чехии. Однако и здесь она росла в связи с продолжением реструктуризации экономики – при относительно невысокой цене социальных затрат затянутого и несколько деформированного процесса преобразований.

Динамика уровня безработицы в регионе с середины первого десятилетия трансформации составляла, если сравнить средние по-

казатели 1995 и 2003 г.: в Венгрии – 11.7 и 6%, в Чехии – 2.9 и 10%, в Словении – 14.5 и 11%, в Румынии – 9.5 и 11%, в Болгарии – 11.1 и 14%, в Словакии – 13.1 и 17.9% [15, с. 284].

Если Лиссабонская Повестка дня ЕС (март 2005 г.) ориентировала на занятость 70% населения, то даже в относительно благополучной Венгрии работу имели тогда только 57% населения в возрасте 15-65 лет. Молодежь поздно входила в трудовой возраст, редко совмещала обучение с работой, вынуждена была много месяцев искать работу и соглашаться на низкие ставки [19, с. 76].

Социальная сфера все более задвигалась на задний план, схема социального обеспечения становилась менее эффективной, хотя была призвана взять на себя предотвращение угрозы для проведения перемен в области внедрения рыночной экономики и демократизации общества [4, с. 323-327].

Резко сократилось государственное финансирование высшего, среднего и среднего специального образования. Развитию высшего образования в этой ситуации способствовал растущий спрос динамично развивающейся экономики на специалистов, который удовлетворяется за счет рыночного спроса населения на данный вид услуг. Кстати, выпускников гуманитарных специальностей поразила более мощная безработица. Ситуация в особенно успешно реформируемых странах Вышеградской четверки позволяла государственным структурам тратить на образование более 5% ВВП, а на здравоохранение более всего расходовала Чехия – 6% [2, с. 14].

Социальные расходы государства, уровень социального обеспечения и качество жизни населения – жилищные условия, уровень медицинского обслуживания, продолжительность жизни, качество и доступность образования – повсеместно и существенно снизились, хотя и в различной степени.

Независимо от того, какими темпами шли преобразования, показатель реформирования социальной политики оставался более низким, чем показатели реформирования экономики. Падение жизненного уровня и рост безработицы стали повсеместными.

В большинстве стран доля социальных выплат (кроме пенсий) сократилась (особенно в образовании и здравоохранении) в два и более раза. Некоторое повышение доли пенсий в социальных выплатах было связано со старением населения, увеличением численности пенсионеров из-за сокращения возможностей трудоустройства для пожилого населения.

Отличительными чертами новой общественной системы явилась поляризация доходов и появление жесткой социально-имущественной иерархии [9, с. 98]. Из-за огромного роста социального неравенства реальные доходы более уязвимой части населения (80%) оказались сокращены приблизительно наполовину [19, с. 76]. Оказавшиеся за чертой бедности многие люди вынуждены были исходить из абсолютного приоритета материальных потребностей и сфокусировать все свои жизненные интересы на проблемах выживания.

В ситуации так называемого «избыточного неравенства», когда общество не может обеспечить приемлемый уровень жизни нуждающимся в социальной поддержке группам населения, такие люди, будучи не защищенными от духовного и даже физического вырождения, лишаются пассионарности и практически не способны к сколько-нибудь эффективной защите своих элементарных интересов, пишут А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута. Пассивность таких людей, продолжают рассуждать упомянутые авторы, показывает, насколько нищета парализует волю человека; опускаясь ниже черты бедности, он деградирует. Спад за границу бедности, делают вывод А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута – это выходящая далеко за рамки экономики социальная катастрофа, грозящая политической нестабильностью [18, с. 67; 6, с. 175-177].

Если разрыв доходов между отдельными социальными группами в начальный период реформ составлял 2,5-3 раза между 10% самых богатых и 10% самых бедных, то в первые годы нового века он увеличился в вошедших в ЕС странах до 4-5 раз, а в некоторых балканских государствах – до 10 раз. В извест-

ной мере это было следствием избавления от «уравниловки», стимулирования роста качества труда и развития предпринимательства. Но только не допустившие столь резкой дифференциации по уровню доходов некоторые страны Центрально-Восточной Европы сумели предотвратить критическое разрастание зоны бедности. В результате в Чехии и Словении, к примеру, оказалось всего 1% бедных [15, с. 283-288].

Повсеместно признано, что обеспечить социальное развитие общества без эффективного государства невозможно, однако формы и методы такого участия меняются, при этом, как правило, доля такого участия уменьшается. Но в любом случае, как считают специалисты по проблемам системной трансформации С.П. Глинкина и Т.В. Чубарова, государство не должно полностью уклоняться от социальной ответственности за граждан, проводить курс на самостоятельное выживание малообеспеченных и менее устойчивых слоев населения, минимизировать социальные гарантии помощи беднейшим слоям [2, с. 16].

Как подчеркивает Ю.К. Князев, научно формируемая социальная политика государства призвана базироваться на комплексном многофакторном анализе и сопоставлении всех плюсов и минусов не только в настоящий момент и не только для населения и его отдельных слоев, но для общества в целом [7, с. 116]. Эта социальная политика должна включать весь комплекс мер по оздоровлению социально-экономической сферы и повышению благосостояния людей и всего общества как в настоящем, так и в будущем.

Итак, системная трансформация в регионе оказалась оплачена очень высокой социальной ценой – утратой значительной части достижений в социальной сфере, потерей ощущения стабильности и социальной защищенности.

По сравнению со средним стандартом Евросоюза наиболее высокий в регионе доход на душу населения был в Словении – 68%, в Польше – всего 37%, в Болгарии и Румынии – менее 30% [19, с. 78].

В новых членах ЕС масштабы абсолютной бедности (международная граница доходов в размере 2,15 долл. в день, рассчитанная по паритету покупательной способности – ППС) первоначально возросли с 1,1% населения в 1990 г. до 7,3% в 1996 г. Особенно значительным было расширение бедности в Польше и Румынии [13, с. 9].

В начале 2000-х гг. положение в экономике многих восточноевропейских стран улучшилось. К примеру, в Польше в 2003 г. был достигнут экономический рост на уровне 3%. Но население этого роста не ощутило. В то время «среднестатистический поляк» был в 2,5 раза беднее, чем его «аналог» в ЕС. Уровень благосостояния был в Польше в 2 раза ниже, чем в самых бедных странах ЕС – Португалии и Греции [1, с. 130].

Многие исследователи утверждают, что падение жизненного уровня, ухудшение социального положения – непереносимое следствие масштабных трансформационных процессов и преобразований. И избежать этого невозможно.

Вряд ли стоит оспаривать это утверждение. Но возникает вопрос: всё ли необходимое сделали правящие партии и элиты, сменившие коммунистов, чтобы смягчить социальный удар? На наш взгляд, ответ очевиден – далеко не всё.

С.П. Глинкина и Т.В. Чубарова видят в качестве важнейшей основы решения социальных проблем «дальнейшее углубление демократии с ее идеей партнерства и участия», диалог со всеми заинтересованными силами, «прежде всего неправительственными организациями, а также социальными партнерами», при продвижении государством демократических ценностей [2, с. 16]. Трудно себе представить, как должно реализовываться это предложение.

Завершая рассуждения о социально-экономической деятельности правительств восточноевропейских стран, можно сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на, в целом, некоторые позитивные результаты в экономических трансформационных преобразованиях, все-таки не оправдались надеж-

ды на преодоление значительного разрыва между Востоком и Западом Европы в экономическом отношении. Во-вторых, окончательно рухнуло повсеместно бытовавшее в начальной стадии общей либерализации наивное представление о том, что рыночные реформы непременно принесут всем материальные блага и экономические свободы. В-третьих, негативные социальные последствия рыночной трансформации во всех восточноевропейских странах оказались более масштабными, чем предполагали инициаторы этой трансформации.

Системная трансформация оказалась оплачена очень высокой социальной ценой. По нашему мнению, решающее влияние на неутешительные результаты социально-экономических перемен оказывало понимание трансформационных задач, способы их реализации. Нельзя не согласиться с упомянутым исследователем М.В. Горбаченко, который считает, что у власть предержащих, независимо от того, чьи корни были у этой власти – либеральные или социал-демократические – не было политической воли решать социальные задачи [3, с. 381].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Восточная Европа в начале XXI века: сборник обзоров и рефератов. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – 229 с.
2. Глинкина С.П., Чубарова Т.В. Системная трансформация и социальная цена реформ // Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). – М.: РАН, Институт экономических и политических исследований, 2005. – С. 13-21.
3. Горбаченко М.В. Становление и развитие партий и партийных систем в странах Восточной Европы в контексте «посткоммунистической» трансформации: анализ исторического опыта. Дисс... канд. ист. наук. – М., 2011. – 443 с.
4. Григорьева Н.С. Социальные потребности и социальная политика: роль международных организаций в реформе социальной сферы стран с переходной экономикой // Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). – М.: Институт экономики РАН, 2006. – С. 323-327.
5. Дегтярь Л. Социальные аспекты постсоциалистической трансформации в странах Централь-

- ной и Восточной Европы// Общество и экономика. – 2000. – № 8. – С. 130-157.
6. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономический рост: либеральная альтернатива. – М.: Наука, 2005. – 519 с.
 7. Князев Ю.К. Социальная рыночная экономика – конечная цель рыночных реформ в постсоциалистических странах // Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). – М.: РАН, Институт экономических и политических исследований. 2005. – С. 158-170.
 8. Коровицина Н.В. С Россией и без неё. Восточно-европейский путь развития. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2003 г. – 288 с.
 9. Коровицина Н.В. Завершение строительства «основ капитализма» в постсоциалистическом обществе // Славяноведение. – 2002. – № 1. – С. 96-106.
 10. Кузнецова З. Чехия: 15 лет «бархатной революции». Промежуточные итоги // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 12. – С. 75-87.
 11. Миллер К., Пикель А. Смена парадигм посткоммунистической трансформации//Социологические исследования. – 2002. – № 9. – С. 67-72.
 12. Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 5. /”КРУГЛЫЙ СТОЛ» Десять лет системной трансформации в странах ЦВЕ и в России: итоги и уроки. – С. 3-14.
 13. Новая и новейшая история, - 2009. – № 6 // “КРУГЛЫЙ СТОЛ” Восточная Европа: двадцать лет спустя. – С. 3-31.
 14. Новая и новейшая история, - 2000. – № 2 // “КРУГЛЫЙ СТОЛ” Демократические революции в Центральной и Восточной Европе десять лет спустя. – С. 90-105.
 15. Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформация на рубеже веков. – М.: ИМЭПИ РАН, 2004. – 383 с.
 16. Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI в. В 2-х т. Т. I. Преобразования. – М.:Наука, 2005. – 357 с.
 17. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 3. Трансформация 90-х годов. – Ч. 1. – М.: Наука, 2002. – 461 с.
 18. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. – М.: Лето, 2002. – 320 с.
 19. Яжборовская И.С. Современная Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа: проблемы социального положения и социальной политики// Славяноведение. – 2009. – № 1. – С. 73-87.

УДК 338.48:796.5(091)

Курина Т.Е.

Российская международная академия туризма (г. Химки)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ И СУБЪЕКТОВ ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

T. Kurina

Russian International Academy for Tourism, Khimki

ENSURING THE SAFETY OF OBJECTS AND SUBJECTS OF THE TOURIST INDUSTRY IN THE CONTEXT OF TOURISM DEVELOPMENT: THE HISTORICAL EXPERIENCE

Аннотация. Статья посвящена вопросам обеспечения безопасности в туристической индустрии, которые рассматриваются в соответствии с историческим опытом как сложная, многокомпонентная деятельность. Осознавая чувство страха перед смертью и природными катаклизмами, человек стал оценивать риск объектов и субъектов туристической индустрии. Взаимодействуя с окружающей средой, человек подвергает себя риску и опасности. В статье рассматриваются объекты опасности и угрозы, которыми могут быть индивидуальная личность, сообщества людей различного социального уровня, и возможные пути обеспечения безопасности объектов и субъектов туристической индустрии в контексте развития туризма.

Ключевые слова: туризм, путешествия, опасность, риск, безопасность в туризме, туристическая индустрия, исторический опыт развития туристической индустрии, обеспечение безопасности объектов и субъектов туристической индустрии.

Abstract. Article is devoted to the safety ensuring problems in the tourist industry, considering them in concordance with the historical experience as a difficult, multicomponent activity. While becoming more aware of fear of death and natural cataclysms, people came to estimating risks of the tourist industry objects and subjects. Cooperating with the environment people put themselves put at risk or in danger. The article considers the objects which may cause danger and threat: either individuals or communities of people of various social groups. Besides, some possible ways of ensuring safety of the tourist industry objects and subjects are examined in the context of tourism development.

Key words: tourism, travelling, danger, risk, safety in tourism, the tourist industry, historical experience of the tourist industry development, ensuring safety of the tourist industry objects and subjects.

Индустрия туризма – сложная и динамическая социально-экономическая система, которая повсеместно оказывает растущее влияние на материальную и духовную жизнь современного постиндустриального общества. Прошедшие десятилетия XX столетия характеризуются высоким динамизмом развития многофакторных составляющих современного социума. Социальная картина мировых изменений, экономические, научные и культурные связи между странами становятся более тесными. Тип жизни современного человека подвергается быстрым изменениям. Статичный тип жизни изменяется быстрыми темпами, ему на смену приходит динамический тип, который характеризуется, помимо других компонентов, значительным ростом миграционных процессов.

По мнению А.А. Крюčkова, современные определения туризма предполагают, что туризм как тип рекреационной деятельности не ограничен деятельностью для восстановления жизненных сил и укрепления здоровья, но удовлетворяет потребности в «расширении знания, в эстетическом наслаждении в дополнительное рабочее и свободное время, из постоянного

адреса и работы». Другими словами, отдых в широком смысле понимается не только как способ восстановления сил, но также и как способ удовлетворения информативных, социальных, эстетических и других потребностей человека. Такое понимание туризма позволяет рассматривать его исторически как продолжение традиций различных видов путешествий, включая и те, которые имели цели и функции, далекие от отдыха и развлечений [6, с. 12].

Путешествия до недавнего времени были связаны с риском, и путешественники рисковали не ради собственного удовольствия: торговцы ожидали получать прибыль, паломники были охвачены религиозным энтузиазмом и т. д.

Можно согласиться с тем, что определенные цели и мотивы, присущие туризму, возникли у путешественников еще задолго до того, как люди стали рассматривать путешествия как способ приятного и полезного времяпрепровождения.

Исследователи, занимающиеся рассмотрением вопросов социальной психологии, отличают внешнее и внутреннее побуждение к мотивированной деятельности. Под внешней мотивацией следует понимать деятельность, основным фактором которой являются компенсации и вознаграждения, то есть такая деятельность сосредоточена на внешних, утилитарных или других целях (например, доход или получение признания в обществе). При внутреннем процессе мотивационной деятельности, когда это направлено на приобретение духовно существенных для субъекта ценностей (эстетические впечатления, ознакомляющие с религиозными ценностями, социальные контакты, самоутверждение и т. д.).

Для внутренне аргументированной мотивационной деятельности характерно, что человек ощущает ее как самостоятельную ценность. Такой деятельностью человек готов заниматься бескорыстно. Внутреннее побуждение характерно для туризма как для деятельности, так как люди занимаются им для собственного удовольствия и по собственно-

му свободному выбору. Исследователи отмечают, в частности, такие побуждения туризма, как: отдых и времяпрепровождение; престиж; стремление преодолеть регрессию; поддержание родственных связей; стремление к переоценке и обновлению собственного «Я»; поиск социальных контактов; желание экспериментировать; стремление к разнообразию; накопление нового опыта; постижение нового и неизвестного; пополнение знаний и т. п. [7, с. 26].

Западные исследователи выдвигают предположения о выводе из структуры туризма таких путешествий, как деловые и коммерческие, так как они связаны с внешним побуждением (доходное приобретение). По нашему мнению, исторический обзор требует более широкого подхода. В данном случае следует обратить внимание на то, что путешествие – трудная, многокомпонентная деятельность. Сюда также следует отнести и семантическую многозначность исторического понятия «путешественник»: это – торговец и мореплаватель, паломник и искатель приключений, научный исследователь и любитель романтических пейзажей, иногда и то и другое. Даже современный турист, путешествуя в свободное время, руководствуется сложнейшим набором побуждений и устанавливает перед собой различные цели: например, отдых на пляже не исключает интерес к памятникам культуры и истории, а при выборе маршрута важную роль играет такая важная причина, как цена тура и уровень цен в стране пребывания.

Таким образом, деятельность человека, связанная с туризмом и путешествиями, достаточно специфична, так как ей свойственна как внешняя, так и внутренняя мотивация, соответствующая главным человеческим потребностям: от утилитарных (связанных с приобретением материальных или других выгод) до эстетических, информативных, развлекательных и т. д.

Исторические типы путешествий и формы туризма развились под влиянием культурных и социальных норм и ценностей определенного общественного слоя, формируя

устойчивые типы рекреационно-досугового поведения, то есть традиции, культуру путешествий и туризма.

В процессе удовлетворения потребностей людей в материальных благах возрастает роль и ценность туризма как значимой сферы экономики, включенной в систему национального и международного разделения труда.

Анализ деятельности туристических структур экономически развитых стран свидетельствует, что туризм – одна из наиболее высокодоходных областей деятельности и может осуществлять не только удовлетворение потребительского спроса, но также приносить большой доход государству. Как отмечает Гаврильчак И.Н., в США индустрия туризма и развлечения по доходности включена в первые пять самых выгодных корпоративных экономических структур [1, с. 18]. Важное место занимает туризм и в экономике таких стран, как Италия, Испания, Великобритания и т. д.

Путешествуя, турист довольно часто сталкивается с различными неожиданностями и различными неблагоприятными и чрезвычайными ситуациями. Лесные пожары, землетрясения и оползни, снежные бури, штормы, техногенные аварии и несчастные случаи, терроризм и социальные конфликты – вот далеко не полный перечень опасностей, подстерегающих человека [4, с. 4].

Самые древние типы путешествий относятся к дописьменной истории человечества. Рассматривая историческую составляющую формирования культуры путешествия как тип развлекательной или информативной деятельности, близкой к современному пониманию туризма, надо учитывать комбинацию определенных условий, таких, как довольно высокий уровень развития цивилизации и культуры, а также существование исключительного слоя общества, обладающего определенным образовательным уровнем, богатством и свободным временем. Таким условиям отвечала, прежде всего, Древняя Греция и Римская империя. Согласно работам современных исследователей, подвижность населения в течение эры античности была очень высока.

Ярким примером из истории древнего мира являются финикийцы, которых по праву можно считать родоначальниками современной эры путешествий, благодаря изобретению денег и развитию торговли в IV-м тысячелетии до н. э. Используя опыт и новинки кораблестроения, они строили большие гребные суда со шпангоутами, килем и сплошной палубой, которые могли при попутном ветре ходить под парусами. Проблемы обеспечения безопасности были связаны, главным образом, с навигацией, которая осуществлялась наблюдением за расположением солнца и звезд, волнением океана, облаками и полетами птиц [2, с. 219].

Важным событием для античного мира того времени были Олимпийские Игры, регулярно посещаемые большими массами народа, собирая именитых участников, большую зрительскую аудиторию, а также торговцев и ремесленников (сюда относились поставщики и потребители различных товаров и услуг) из всей Древней Греции. Все участники Олимпийских Игр прибывали заблаговременно, и для них вблизи Олимпии строились палатки для размещения и тренировок атлетов, а также была предусмотрена соответствующая сеть услуг: от бытовых (еда, бани и т. д.) и культовых (храмы, жертвенники) до обеспечения охраны и порядка (городская стража).

В течение эры средневековья сформировалась культура религиозного путешествия, которой не чужды были информативные цели. Также данная эпоха характеризуется важными географическими открытиями новых земель и территорий. Организованная торговля из новых открытых территорий потребовала защиты от пиратов и каперов. С этой целью торговым судам в качестве сопровождения выделялись военные суда в форме конвоя для обеспечения охраны и безопасности. Однако постоянный военный конвой существовал только для испанских судов, транспортирующих серебро из американских колоний в метрополию [9, с. 524].

В это же время в городской и университетской культуре развиваются традиции образовательного путешествия. В эпоху Возрожде-

ния восстанавливается разрыв в культурной и исторической преемственности и, соответственно, восстанавливается культура развлекательного и информативного путешествия, ведущая к античным образцам.

Как уже отмечалось, понимание путешествий как способа развлечения и удовлетворения «праздного любопытства» относится к культуре досуга «праздного класса». Этому противостояла культура «третьего сословия», во многом связанная с пуританскими религиозными ценностями. В рамках этой культуры досуг был весьма регламентирован и служил своеобразным способом социального общественного контроля. Для пуританской культуры характерны полезные формы досуга и, соответственно, путешествий [6, с. 81].

В истории туризма деятельность Томаса Кука рассматривается в качестве некоего рубежа, поскольку организованную им в 1841 г. массовую воскресную поездку по железной дороге «с целью прогулки» следует отнести к началу организованного безопасного туризма. Поездка, которая вошла в историю туризма, была организована не для развлечения, а как совместное проведение досуга с целью укрепления «чувства единства и сплоченности группы» [5, с. 57].

Как бизнесмен, Томас Кук сразу понял выгоду относительно дешевого и безопасного железнодорожного транспорта, который стремительно начал своё развитие в ту эпоху. В 1844 г. было заключено постоянное соглашение с железнодорожными компаниями об оптовых скидках на билеты для туристических групп, это было первым шагом в развитии массового туризма. С 1847 г. общество Томаса Кука расширило свою деятельность с введением специальных билетов для экскурсий в различные города Англии и Европы, паломничества в Палестину, поездки на курорты (в том числе в Крым и на Кавказ).

После того, как Т. Кук в 1865 г. занялся организацией поездок англичан в Европу и США, а американцев – в Европу, масштабы международного туризма существенно расширились. В 1888 г. Ла Манш пересекли около 500 тыс. англичан. В 50-70 гг. XIX в., англи-

чане составляли большинство иностранных туристов, путешествующих по всей Европе. Технические достижения не только облегчали и делали безопасными путешествия, но и сами по себе становились предметом туристского интереса: такие события, как открытие Суэцкого канала или сооружение Эйфелевой башни в Париже, привлекают сотни тысяч туристов со всего мира. С конца XIX в. важным видом познавательного туризма становятся поездки на Всемирные промышленные выставки [6, с. 92].

Конец XIX в. – время сосуществования старых традиций путешествия как типа досуга, связанного с определенной культурой, и новых форм туризма, связанных с цивилизацией индустриального общества. Если в таких странах, как Англия или США, новый образ жизни как особенность индустриального общества был уже создан, то в странах Восточной и Южной Европы, например, в Испании, во многих отношениях остались старые, «доиндустриальные» формы быта и культуры.

Страх перед смертью и естественными катаклизмами заставил человека оценивать риск на самых низших ступенях его развития. С появлением товарно-денежных отношений риск становится экономической категорией и получает большую значимость в вопросах финансов и страхования. С появлением понятия приемлемого риска им стали управлять, то есть прогнозировать развитие рисковых событий и принимать меры к снижению степени риска [8, с. 67].

Путешественнику, для которого путешествие – это его внутренняя информативная или эстетическая потребность, безопасность не так важна, как для участника развлекательной поездки, который заплатил деньги, прежде всего, для обеспечения удобств, качества услуг и безопасности. Для него путешествие – это товар, комфорт и безопасность которого должно соответствовать цене. В связи с этим отношение к безопасности – один из основных критериев, по которому, возможно, следует судить о месте туризма в современном обществе.

Обеспечение безопасности туризма – понятие довольно широкое и емкое, поскольку основано на детально спланированной системе мер с целью создания условий для удобного и комфортного путешествия и отдыха. При этом проводимые мероприятия по обеспечению безопасности не должны наносить ущерб интересам, ущемлять права и свободу туристов.

Взаимодействия человека с окружающей средой связаны с возможными опасностями в осуществлении туристической деятельности, как с получением им ранений, так и с нанесением вреда его здоровью.

Международная классификация туристских факторов риска (угроз) рассматривает их с позиций обеспечения безопасности туристов в четырех основных сферах общественной жизни [3, с. 27]:

- социальная среда;
- природные и экологические риски;

– туризм и связанная с ним инфраструктура;

– личные факторы риска туриста.

Существует пять уровней опасности (табл. 1):

1. глобальный, охватывающий континенты, страны;
2. территориальный, имеющий географические границы в пределах группы стран, отдельной страны, регионов, административных районов, зон, территорий;
3. средовой, подразделяющийся на природные и социальные опасности;
4. отраслевой, характерный для предприятий туристской инфраструктуры;
5. объектный, т. е. связанный с внешней и внутренней средой предприятия, фирмы [8, с. 110].

По мнению Ю. Штюмера, существуют типичные опасности, характерные для разных видов туризма. Вред здоровью туриста

Таблица 1

Уровень опасности	Источник опасности	Тип опасности	Факторы
Глобальный	Страна Туристская отрасль Турист	Природный Социально-экономический Организационный Личностный	Климатические Политические Экономические Социальные Технологические Управленческие Информационные Экологические
Территориальный	Международный Региональный Национальный Местный	Природный Социально-экономический Организационный	Медико-биологические Психологические
Средовой	Природа Общество		Прочие
Отраслевой	Транспорт Предприятия размещения и питания Предприятия досуга и развлечений Организаторы путешествий	Социально-экономический Организационный Личностный	
Объектовый	Внешний Внутренний		

может быть причинен различным путем: ударом камня, укусом животного, попаданием воды в дыхательные пути, поэтому травмы, как правило, происходят при опасном воздействии внешней среды [10, с. 12].

Безопасность как одна из основных составляющих современного туризма основана на тщательно продуманной, целенаправленной и сложной системе мер с целью обеспечения условий, при которых любое происшествие с туристом должно быть исключено. Безопасность туризма подразделяется на многие уровни, начиная с безопасности средств размещения и транспорта, отеля и развлекательных комплексов, туристических центров, городов и государства в целом.

Резюмируя рассмотренное выше, следует отметить, что знания различных культурных и исторических традиций путешествий и туризма позволяют получать обоснованное понимание функций различных типов туризма в современном обществе. Исторический подход к деятельности туристической индустрии может оказаться полезным для понимания его характера и сущности. Дело в том, что в условиях современной конкуренции на рынке туристских услуг эффективность туристского бизнеса зависит от многих факторов, основными из которых справедливо можно считать учет потребностей клиентов, социокультурных, социально-психологических и иных проблем, с которыми сталкиваются путешественники как прошлого, так и настоящего, их внутренних побуждений и ценнос-

тных ориентаций. Это могло бы, по нашему мнению, быть полезным для понимания и более взвешенной оценки тенденций и перспектив развития международного и внутреннего туризма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаврильчак И.Н. Туризм как определяющий фактор модернизации экономики и стабилизации социальной обстановки в России. Дисс. ... д-ра экон. наук. – СПб.: СПГИСЭ, 2002. – 261 с.
2. Гельцер М.Я. О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н. э. // Древний мир. Сборник статей. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. – 655 с.
3. Гришаев В.В. Риск и общество. Дискуссия о понятии риска. – М., 2002. – 47 с.
4. Казаков Н.П., Якубовская Н.А. Безопасность жизнедеятельности. Обеспечение безопасности в туризме – СПб.: ЛГУ, 2009. – 396 с.
5. Квартальнов В.А. Туризм: учебник для образовательных учреждений туристического профиля / В.А. Квартальнов. – 2-е изд., перераб. – М.: Финансы и статистика, 2007. – 336 с.
6. Крючков А.А. История международного и отечественного туризма. – М.: НОУ «ЛУЧ», 1999. – 102 с.
7. Орлова А.С. Социология рекреации. – М.: Наука, 1994. – 118 с.
8. Порфирьев Б.Н. Риск и безопасность: определение понятий // Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. – М.: Институт социологии РАН, 2001. – 194 с.
9. Штенцель А.А. История войн на море. В 2-х т. Т. 1. – М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс. 2002. – 704 с.
10. Штюрмер Ю.А. Опасности в туризме, мнимые и действительные. – М.: Изд-во И.В. Балабанова, 2008. – 140 с.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 323.328(474) : 94(470) "18"

Захаров В.Н.

Московский государственный областной университет

КУПЦЫ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ В МОСКВЕ В XVIII ВЕКЕ

V. Zakharov

Moscow State Regional University

MERCHANTS FROM THE EASTERN BALTIC REGION IN MOSCOW IN THE XVIIITH CENTURY

Аннотация. Рассматривается торговая и кредитная деятельность в Москве в XVIII столетии купцов, прибывших из Лифляндии, Эстляндии, Курляндии, а также Мемеля. На основании массовых источников (дела о записи в московское купечество, о просроченных векселях, материалы подушных переписей) выявлен персональный состав прибалтийских купцов, определен характер и направленность их кредитных сделок, в связи с чем сделан вывод об их коммерческих связях на внутреннем и внешнем рынке, показана двойственность статуса этой группы коммерсантов, имевших иноземные корни, но состоявших в российском подданстве.

Ключевые слова: остзейские купцы, Восточная Прибалтика, Москва, внешняя торговля, кредит в торговле, купеческие гильдии.

Abstract. The article considers the commercial and loaning activity of the merchants who came to Moscow from Estonia, Livonia, Courland and Memel in the XVIIIth century. On the basis of mass sources (records fixing joining the Moscow merchant class, promissory notes with the exceeded time limit, poll census archive documents) the author disclosed the list of Baltic merchants' names, and detected the nature and trends of their banking operations. Consequently the author comes to the conclusion about the nature of their commercial contacts at the internal and foreign markets. The article illustrates the dual nature of the status of East Baltic merchants who were of foreign origin but Russian citizenship.

Key words: Ostsee (The Baltic) merchants, the Eastern Baltic States, Moscow, foreign trade, loans in trade, guilds of merchants.

Развитие внешней и внутренней торговли России в восемнадцатом веке происходило в условиях постоянного расширения ее международных экономических связей. При этом значительно возрастает количество предпринимателей, купцов из числа иностранцев или иноземцев, действовавших в самых разных сферах экономики. Особое место среди них занимали купцы из Восточной Прибалтики. В основном, это выходцы из провинций древней Ливонии, в XVI – XVII вв. оказавшихся в зависимости от Швеции и Польши, а в XVIII в. ставших губер-

ниями Российской империи. Это земли, известные в XVIII в. под названиями: Эстляндия, Лифляндия и Курляндия. В русской дореволюционной традиции этот регион называли «Остзейским краем» (от немецкого названия Балтийского моря). Жители этого края часто именовались «остзейцами», что имело отношение в первую очередь к дворянам или господам немецкого происхождения.

Деятельность купцов из Восточной Прибалтики в России еще не стала предметом специального исследования, а в обобщающих трудах по истории торговли остается пока на периферии научного интереса авторов. На наш взгляд, эта группа купцов заслуживает большего внимания и специального изучения. Во-первых, она была весьма многочисленной и довольно активной как в сфере внешней, так и внутренней торговли. Во-вторых, она занимала особое место среди купечества, действовавшего на российском рынке. Это обусловлено двойственностью их природы и статуса, что стало очевидным после вхождения Восточной Прибалтики в состав России в результате Северной войны.

С одной стороны, есть немалые основания считать остзейских купцов частью иноземного купечества в России. Они имели давние и хорошо налаженные связи с западноевропейским рынком, что было почти нехарактерно для собственно русских купцов, даже для самых крупных. Остзейские купцы и своим происхождением были связаны со странами зарубежной Европы, имели там родственников и торговых партнеров. Большинство из них происходили из немецких земель, немалая часть – из ганзейских городов. Наконец, немецкий язык, который был для остзейских купцов родным, был широко распространен среди иностранных коммерсантов в России. Остзейские купцы принадлежали к миру иноземного купечества и с точки зрения владения ими практикой ведения торговых и кредитных операций, принятой в европейских странах. Русские купцы, за редким исключением, подобными знаниями и умениями не обладали. Поэтому, оказавшись в российских портах, Петербурге и Архангельске, остзей-

ские купцы могли развернуть внешнеторговые операции аналогично находившимся в этих портах иностранными подданными, заключать кредитные и иные сделки с русскими купцами в соответствии с практикой, имевшей место в зарубежной Европе.

С другой стороны, со времени вхождения Восточной Прибалтики в состав России они стали российскими подданными и приобрели права и привилегии собственно русского купечества, почему и могли достаточно свободно действовать по всей стране и одновременно сохранять деловые контакты со своими городами в Прибалтике и за рубежом.

В рамках небольшой статьи возможно рассмотрение их деятельности лишь в одном из значимых пунктов российского рынка, в данном случае в Москве, крупнейшем центре внутренней торговли, привлекавшем множество коммерсантов со всей страны и из-за рубежа. Восемнадцатый век при этом весьма интересен, поскольку именно тогда менялся статус остзейских купцов в России и особенности их торговой деятельности проявились наиболее очевидно.

Торговая деятельность купцов из Восточной Прибалтики в России имеет глубокие исторические корни. Хорошо известно, что уже в первой половине XV в. в обеспечении контактов Новгорода и Ганзы доминировали купцы находившихся рядом городов Ливонии (Дерпта, Ревеля, Риги и др.) [6, с. 65-68]. Когда в XVI в. Ганза приходит в упадок, возрастает роль Нарвы в обеспечении внешнеторговых контактов Руси на северо-западном направлении [9]. Нарва не входила в ганзейский союз, через этот город пытались развивать торговлю с Россией английские и голландские купцы, но, как и в других городах Восточной Прибалтики, в большинстве своем купечество Нарвы имело немецкое происхождение.

В XVII в. Лифляндия и Эстляндия, а также устье Невы и Выборг находились под властью Швеции, правительство которой стремилось сделать все возможное, чтобы основной поток товаров из России на Запад и обратно проходил через остзейские порты. Российское

правительство, напротив, большое внимание уделяло торговле Архангельска, который являлся практически единственным морским портом, через который осуществлялись непосредственные контакты России с западно-европейским рынком. Тем не менее усилия шведских властей не остались безрезультатными. Имеющиеся данные свидетельствуют о существенном росте товарооборота остзейских портов [10, с. 332, 343-344], в связи с чем в России появляется все больше купцов из Лифляндии и Эстляндии. Они действуют в Новгороде, появляются и в Москве, которая привлекает их как центр внутреннего рынка страны и как столичный город, царская резиденция.

На рубеже XVI и XVII вв. в Москве возникает группа купцов немецкого происхождения, известная под названием «московские торговые немцы» или «московские торговые иноземцы» [2]. Можно с большой долей вероятности предположить, что эта группа состояла в основном из выходцев из Восточной Прибалтики, как например Томас Келдерман (Kellermann) или семья Вестовых (Westhoff)¹. Уже в XVII в. они находились в российском подданстве, а Т. Келдерман даже имел чин «гостя», т. е. принадлежал к наиболее привилегированной группе крупного русского купечества [1, с. 124]. В Москву приезжали и купцы из Восточной Прибалтики, состоявшие тогда в шведском подданстве. В частности в конце XVII в. они доставляли предметы военного снаряжения и другие товары по заказам царского двора. К этой группе можно отнести и находившегося в Москве в конце XVII – начале XVIII вв. Андрея Минтера (Heinrich Münter) и Томаса Книппера, который имел ранг шведского консула, в связи с чем получил фамилию Книпперкрон. А. Минтер был, видимо, своим происхождением связан с Ригой, поскольку именно туда он отправил для обучения торговому промыслу своего сына Ивана².

¹ О происхождении фамилии Келдерман (Kellermann) из Ливонии есть прямые свидетельства источников [7, 21].

² Российский государственный архив древних актов

С началом Северной войны в 1700 г. торговля через северо-западные рубежи России была блокирована, что крайне осложнило деятельность в России купцов из Восточной Прибалтики, поскольку большинство из них были подданными Швеции и не могли приезжать в Россию для торговли. Те из них, кто все же находились в российских городах, оказались на положении интернированных. Тем не менее, и в период Северной войны в России продолжали торговую деятельность «московские торговые иноземцы» Томас Келдерман, Павел Вестов и Андрей Минтер.

После окончания Северной войны начался новый этап деятельности остзейских купцов в российской торговле. Ништадский мир 1721 г. закрепил за Россией земли Прибалтики от Выборга до Риги, проживавшие там дворяне и горожане, в том числе купцы, стали российскими подданными, сохранив некоторые права и привилегии, которыми они пользовались при шведском владении. Российское подданство давало возможность остзейским купцам вести торговлю в разных городах империи наравне с русскими купцами. В течение всего XVIII в. происходила постепенная унификация правового положения остзейских провинций и городов в рамках общероссийского законодательства. Как подданные империи купцы Лифляндии и Эстляндии приобрели во второй половине XVIII в. статус российского гильдейского купечества и в зависимости от принадлежности к определенной гильдии могли вести внешнюю и внутреннюю торговлю, оптом и в розницу.

По состоянию источников практически невозможно проследить торговую деятельность остзейских купцов на внутреннем русском рынке. В отношении первой половины XVIII в. массовых источников о перемещении товаров внутри страны сохранилось крайне мало, а в 1753 г. в связи с упразднением внутренних таможен исчезли и сами учреждения, где систематически велось таковое делопроизводство. О присутствии купцов из Прибалтики в Москве, центре русского рынка, мы можем судить на основании материа-

(далее – РГАДА). Ф. 150. 1698 год. Д. 5.

лов о составе купечества (например, данные переписей, проводимых с целью налогообложения, документации о записи в купечество) и сохранившихся документов о вексельном обращении и взыскании долгов. Так, в состав московского купечества в течение XVIII в. вступили множество иноземных коммерсантов. Исчерпывающих данных на этот счет нет, но проводившиеся несколько раз в течение XVIII в. переписи податного населения, а также сохранившиеся дела о записи в купечество свидетельствуют, что основная масса купцов иноземного происхождения прибывала из стран зарубежной Европы. Однако есть среди них и уроженцы городов Восточной Прибалтики, причем чаще всего они оказывались в составе московского купечества еще в первой половине XVIII в. Это в значительной степени объясняется последствиями Северной войны, после которой в центре России оказалось немало лиц, перемещенных из Восточной Прибалтики в качестве пленных, интернированных или их потомков. В 1740 – начале 1760-х гг. сохранилось тринадцать дел о записи иностранцев в московское купечество. В девяти случаях речь идет о немецких купцах, из них пятеро прибыли из Восточной Прибалтики. Очевидно, мы имеем дело только с частью сохранившихся дел такого рода, но их случайная выборка свидетельствует о преобладании среди прибывавших в Москву иноземцев жителей остзейских провинций.

В 1744 г. в московское купечество вступил Иван (Эрнест Иоганн) Балк. Он родился в Нижнем Новгороде, в семье Николая Балка, уроженца Мариенбурга (ныне – Алуksне) в Лифляндии, служившего в шведской армии и оказавшегося в русском плену в 1700 г. Балк-младший обучился коммерции, переселился в Москву, где стал торговым агентом известных гамбургских купцов Конау и Поппе¹. Очевидно, в годы Северной войны в Москве оказался Иоганн Рейх, вальдмейстер из Вендена (ныне – Цесис). Его сын Самойла стал коммерсантом, обзавелся домом и лавками в Немецкой сободе и в 1765 г. записался в

московское купечество². Ганс Фридрих Боленс, известный в середине XVIII в. в Москве коммерсант и промышленник, заявлял о себе, как о «природном шведском купце». Его отец жил в Кронштадте и был помощником Якова Вольфа. Очевидно, он принадлежал к купечеству одного из городов Восточной Прибалтики еще при шведском владении. С Восточной Прибалтикой связано также происхождение прибывших в Москву в 40-х гг. Иоганна Михеля Груммерта и Петра Давыдова Никласа. Груммерт в 1748 г. прибыл в Ригу из Кенигсберга, затем отправился в Петербург, где служил в фирме любекского купца Штегельманна, который был гоф-фактором, т. е. торговым представителем российского императорского двора. В обороте фирмы имелись импортные товары, пользовавшиеся спросом в среде русской знати. Груммерт, овладев необходимым опытом и связями, посчитал возможным открыть торговлю этими товарами в качестве самостоятельного купца, причем в центре российского рынка, а именно в Москве. В 1751 г. он вступил в состав московского купечества³.

Петр Давыдов Никлас родился в 1722 г. в Мемеле, в купеческой семье. Его отец и старший брат торговали шелковыми товарами, имели связи в Петербурге и в Москве. Петр Давыдов провел некоторое время в Риге, откуда прибыл в Москву в 1746 г. В 1756 г. он, будучи уже московским купцом, навечно вступил в «российское подданство». Как подданный Пруссии, он должен был так поступить, чтобы получить право неограниченной торговли в России, в том числе розничной торговли в Москве⁴.

Во второй половине XVIII в. количество купцов из Восточной Прибалтики, оседавших в Москве, существенно сокращается, несмотря на то, что в это время значительно увеличивается количество иностранных коммерсантов, поселявшихся в древней столице. Так, материалы третьей и четвертой ревизий (переписей податного населения) по городу

² РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 13290.

³ РГАДА. Ф. 291. Оп.1 Д. 5191.

⁴ РГАДА. Ф. 291. Оп.1. Д. 3338; Д. 7283.

¹ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 7015.

Москве зафиксировали пребывание в составе московского купечества и мещанства всего нескольких выходцев из остзейских провинций. Это уже упомянутые Петр Давыдов Никлас (умер в 1792 г.), Ганс Фридрих Боленс (умер в 1780 г.), и всего двое вновь прибывших: это Карл Андреас Раутель из Нарвы и Карл Иоганн фон Гине (von Hüne) из Ревеля. Раутель торговал виноградными винами, а фон Гине вовсе не имел достаточного капитала для вступления в купеческую гильдию и числился в мещанстве [4, с. 3, 206, 207; 5, с. 446, 450].

Выходцев из Восточной Прибалтики иногда удается отыскать на просторах необъятной России, что совсем не характерно для коммерсантов, приезжавших из стран зарубежной Европы и оседавших, как правило, в столичных городах. Тем не менее, оказавшись где-либо в провинции, они, как правило, не могли миновать Москву. Например, уроженец Нарвы Гендрик Якобсон в 60-х гг. оказался на Липских заводах (ныне – Липецк), сумел войти здесь в состав учредителей суконной фабрики, но вскоре вынужден был продать свою долю и перебрался в Воронеж, где служил у губернатора А.М. Пушкина. Его сын Иоганн Якобсон смог завести торговое предприятие и вступил в купечество Воронежа, откуда переехал в Москву и вошел в 1790 г. уже в первую гильдию. В 1772 г. в Москву прибыл купец города Якобштадта в Курляндии Иоганн Вильгельм Гренер. Отсюда он отправился далее на восток, проехал Казань, добрался до Тобольска в Сибири, где и записался в местное купечество¹.

Проживавшие в русских городах остзейские купцы достаточно активно занимались и кредитной деятельностью. О развитии кредита и ростовщичества можно судить главным образом на основании документации по неоплаченным и опротестованным векселям, о несостоятельных должниках, поскольку только такого рода документация сохраняется в архивах. Тем не менее подобные документы имеются в массовом порядке, почему и

¹ РГАДА. Ф. 291. Оп.1. Д.16282; Центральный исторический архив Москвы. Ф. 32. Оп.3. Д. 231.

на их основании можно делать определенные выводы о составе кредиторов и должников, масштабах сделок.

Петр Давыдов Никлас из Мемеля, поселившись в Москве, активно занимался розничной торговлей галантерейными товарами. Однако в 1770-е гг. его дела пришли в упадок, он был исключен из состава гильдейского купечества и оказался в мещанском сословии. Основной сферой его деятельности стало ростовщичество. Сохранилось более двадцати полученных им векселей на разные суммы. Среди должников – представители московской аристократии: граф Апраксин, графиня Толстая, князь Кильдинов, князь Федор Голицын. Эта деятельность также не имела успеха, сам П. Никлас вынужден был прибегать к кредиту проживавших в Москве русских и иностранных купцов и в конце 1770-х гг. полностью разорился².

Иное дело – оказавшийся в Москве Христиан Генрих Геппнер, принадлежавший к известной купеческой фамилии из Ревеля. Во второй половине XVIII в. он постоянно присутствует в Москве, но в московское купечество он не вступает. В этом не было необходимости, поскольку он не намеревался заниматься здесь торговлей в лавках. Судя по обороту имевшихся в его распоряжении векселей, он взаимодействовал с целым рядом крупных коммерсантов, находившихся в Москве и Петербурге. Его кредитом пользовались проживавшие в Москве иностранные по происхождению коммерсанты: швейцарец Жан Жак Фрей (Frei), француз Филипп Демаре (Demaire), итальянец Доменико Збарбо (Zbarbo), уже известный нам лифляндец Самойла Рейх. Ему переводили деньги посредством векселей известные купцы, действовавшие в Петербурге: саксонец Готфрид Круг, гамбургский купец Иоганн Машмеер, англичанин Сэм Рансолт, любекская фирма Брунс и Иве. Также среди его партнеров проживавший в Москве голландец по происхождению Иоганн Эбергард Пелль и московский купец Михаил Шапошников [3, с. 661]. Прослеживаются его контакты и на кредитном рын-

² РГАДА. Ф.308. Оп.3. Д. 39. Л. 330.

ке Ревеля [8, с. 51, 90]. Отсюда следует, что Христиан Генрих Гепшенер был представителем своей семейной фирмы на московском рынке, осуществлял связь внешнеторговых акций своих родственников в Ревеле и Петербурге и с внутренним рынком. Это семейство было тесно связано с ведущими торговыми предприятиями, действовавшими в России, главным образом, иностранными.

Таким образом, присоединение Восточной Прибалтики к Российской империи способствовало расширению деятельности остзейских купцов в русских городах. Это выразилось в том, что коммерсанты из Лифляндии, Эстляндии могли достаточно свободно переселяться в другие города империи, вступать в состав местного купечества, вести торговые или кредитные операции. Разумеется, этой возможностью воспользовались немногие. В Москве остзейские купцы переходили к местной внутренней торговле, а также осуществляли кредитные операции, посредством которых осуществляли связь между внутренним русским рынком и коммерсантами, действовавшими в Петербурге и других внешне-торговых портах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. – М., 1998.
2. Демкин А.В. Московские торговые иноземцы в первой половине XVII века // Вопросы истории. 1984. – № 8.
3. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. – М., 2005.
4. Материалы для истории московского купечества: в 9 т. Т. 3. Сказки по 4-й ревизии (1782 г.). – М., 1885.
5. Материалы для истории московского купечества: в 9 т. Т. 4. Московское купечество на 1801 год, всех 3-х гильдий и именитых купцов. – М., 1886.
6. Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. – М., 1986.
7. Angermann, Norbert. Livländisch-russische Kulturbeziehungen vor Peter dem Grossen // Russland – Deutschland – Amerika. – Wiesbaden, 1978.
8. Harder-Gersdorff, Elisabeth. Zwischen Rubel und Reichstaler. Soziales Bezugfeld und geographische Reichweite des Revaler Wechselmarktes (1762–1800). – Lüneburg, 2000.
9. Köhler, Meike. Die Narvafahrt. Mittel- und westeuropäischer Russlandhandel 1558–1581. – Hamburg, 2000.
10. Kotilaine, Jarmo T. Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century. Windows on the World. – Leiden, Boston, 2005.

УДК 341.7(470+430) "1740/1743"

Собко Е.М.

Московский государственный университет культуры и искусств

**РОССИЯ, ПРУССИЯ И «АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО»:
ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДИПЛОМАТИИ**

E. Sobko

Moscow State University of Culture and Arts

**RUSSIA, PRUSSIA AND "THE AUSTRIAN SUCCESSION": THE PROBLEMS OF
FOREIGN POLICY STRATEGY OF SAINT-PETERSBURG'S DIPLOMACY**

Аннотация. Статья посвящена изучению российско-прусских отношений в контексте внешней политики России в период войны за австрийское наследство. В ней анализируются союзные договоры, заключенные между Россией и Пруссией в 1740 и 1743 гг. и делается вывод об их малой эффективности. Анализируются цели и задачи российской и прусской дипломатии, вскрываются причины, приведшие к охлаждению российско-прусских отношений. Главный вывод статьи: в ходе войны за австрийское наследство наблюдалась эволюция взглядов на развитие российско-прусских отношений в российских правящих кругах, что было связано с осознанием опасности, исходившей от Пруссии. Это привело к изменению внешнеполитического курса России.

Ключевые слова: война за австрийское наследство, российско-прусские отношения, внешняя политика России, российско-прусские союзные договоры, российская дипломатия.

Abstract. The article is devoted to the problems of the Russian-Prussian relations in the context of Russian foreign policy during the War of the Austrian Succession. The author analyzes the treaties of alliance concluded by Russia and Prussia in 1740 and 1743 and comes to the conclusion that they were not effective. The article considers the tasks and goals of Russian and Prussian diplomacy, reveals the reasons which led to the deterioration of the Russian-Prussian diplomatic relations. The main conclusion of the article is: there was certain development in the Russian establishment representatives' understanding of Russian-Prussian relations during the War; such development was based on their increasing degree of awareness of the dangers coming from Prussia. The result of such development was the change of the Russian foreign policy course.

Key words: War of the Austrian Succession, Russian-Prussian relations, Russian foreign policy, Russian-Prussian treaties of alliance, Russian diplomacy.

*Нет ничего в мире, что бы я
не сделал для того, чтобы
жить в мире с этой империей.
Фридрих II*

Изучение истории двусторонних межгосударственных отношений всегда является актуальным, а в наше время поиск взаимных компромиссов и попыток сближения в сложных хитросплетениях европейской дипломатии приобретает особую злободневность. Проблемы межгосударственных отношений в годы коалиционных войн высвечиваются наиболее ярко. Данная статья предусматривает изучение двусторонних отношений России и Пруссии в период войны, получившей в XIX в. название «Война за австрийское наследство» (1740-1748). В историографии мало работ, комплексно рассматривающих войну за австрийское наследство [10; 13; 12; 4], а исследований, специально посвященных российско-прусским отношениям

в ходе войны, – единицы [11; 14; 2]. Задача настоящей статьи: рассмотреть российско-пруссские дипломатические отношения в контексте внешней политики России в ходе войны за австрийское наследство. Это позволит комплексно изучить вопрос, что является подходом к определению места России в системе общеевропейских отношений в ходе войны за австрийское наследство.

Прежде чем перейти к изучению российско-пруссских отношений в период войны за австрийское наследство, рассмотрим вкратце проблемы российско-пруссских союзных связей в годы, предшествовавшие военному конфликту в Европе.

Договоры между Россией и Пруссией были заключены в 1726, 1729 и 1730 гг. Чтобы понять их смысл, рассмотрим, где пересекались сферы интересов России и Пруссии. Это были две «болевые точки» – Польша и Прибалтика. Говоря о Прибалтике второй четверти XVIII в. применительно к нашему вопросу, мы имеем в виду, конечно, Курляндию. Одним из итогов Северной войны было то, что владения данного герцогства стали «лакомым куском» для пограничных государств. Главными претендентами здесь выступили Прусское королевство, Россия и Польша. России было выгодно иметь в Европе государство, которому присоединение Курляндии к Польше было бы крайне нежелательно. Этим государством и была Пруссия. Поэтому в соглашениях, подписанных между Россией и Пруссией во второй половине 20-х – начале 30-х гг., обе стороны подтверждали тождественность своей политики по отношению к Курляндии. [5, с. 245-247, 269-271, 286-288]. Второй сферой пересечения интересов России и Пруссии в Европе была Польша. Несмотря на различие точек зрения на «польский вопрос», основу русско-пруссских соглашений во многом составляло согласие сторон в отношении Польши. [5, 258-259; 276; 288-290]. В годы после заключения договоров конца 20-х гг. Пруссия неоднократно обращалась к российскому правительству с предложением о возобновлении союзного договора, но Россия отвечала уклончиво. Союзный трактат был возобновлен только в 1740 г.

1740 г. ознаменовался смертью трех правителей европейских держав: императора Священной Римской Империи Карла VI, российской императрицы Анны Иоанновны и прусского короля Фридриха-Вильгельма I. Эти события, совпав по времени, резко изменили ситуацию в «общевропейском доме». В Пруссии к власти пришел Фридрих II (1740-1786). Скромность двора его отца, вызывавшая насмешки в Европе, и внутренняя политика Фридриха-Вильгельма I привели к тому, что Фридрих получил в наследство сильное в военном отношении государство с хорошо обученной армией [8, с. 22-23]. Общеизвестны личностные качества Фридриха: цинизм и ум полководца, коварство и политический расчет, непомерное честолюбие и смелость. Ни один европейский монарх, вероятно, не решился бы на то, что сделал Фридрих: в декабре 1740 г. он вторгся в Силезию – богатейшую провинцию, принадлежавшую дочери и наследнице Карла VI Марии-Терезии. Это событие и привело в итоге к началу войны за австрийское наследство.

В начале декабря 1740 г. прусский посланник в Петербурге А. Мардефельд подал официальное сообщение в Коллегию Иностранных дел о вводе Пруссией войск в Силезию. Напомним, что у России в 1726 г. был заключен союз с Австрией. Понятно, что в разворачивающихся событиях Россия, являвшаяся, кстати, и гарантом Прагматической Санкции, выступала как союзница монархии Габсбургов. Поэтому реакция российского правительства, официально заявившего 16 декабря 1740 г.: «Нам неприятно прусское вторжение в Шлезию», – была вполне естественной. Но вот в тот же день Россия подписывает союзный договор с Пруссией [2, с. 180]! В источниках и историографии имеется ряд объяснений этому факту. Пруссия могла стать хорошим союзником против Швеции, не терявшей надежды на ревизию Ништадтского мира, а А.И. Остерману и Б.-Х. Миниху представлялось на тот момент самым важным сохранить мир со Швецией [3, с. 88; 9, с. 64]. Существуют и другие объяснения данного явления [9, с. 65]. Какими бы мотивами не

объяснялось подписание договора с Пруссией, – факт остается фактом: в начинающейся войне Россия связывала себя союзными договорами и с Пруссией, и с враждебной ей монархией Габсбургов.

Основное содержание союзного договора между Россией и Пруссией состояло в следующем. В трактате заявлялось: «Их Величества и наследники оных при праведном и спокойном владении своих государств, провинций и земель, как генерально, так и особливо тех, которые обоим Их Величества при Балтийском море имеют друг друга наисильнейше защищать и против всякого, кто дерзнул одну или другую договаривающую сторону насильственно и несправедливо атаковать и войною подняться, верно вспомогать и оборонять хотят» [5, с. 320]. Иначе говоря, стороны договаривались защищать друг друга в Балтийском регионе и оказывать военную помощь в случае нападения третьей страны на одно из договаривающихся государств. Однако данное обязательство не распространялось на случаи вторжения в Россию турок, татар или персов, а также на военные конфликты Пруссии в Центральной и Южной Европе [5, с. 320]. В трактате указывалось, что следует сохранить независимость Курляндии, ее форму правления, уставы и вольности [5, с. 328]. Соглашение заключалось сроком на 20 лет [5, с. 326]. Пакт дополнялся одной сепаратной и тремя секретными статьями. Стороны подтвердили стремление «смотреть и попечение прилагать» о Польше, с тем, чтобы сохранить существовавшие законы и порядок правления [5, с. 329]. В секретнейшем артикуле Российской империя признавала права Пруссии на княжества Юлих и Берг (прусская дипломатия долго добивалась того, чтобы Россия признала права Прусского королевства на эти княжества). Кроме того, Россия обещала защищать прусские земли в Померании, а ее союзница – оказать военную помощь в случае нападения «в Эстляндии, Лифляндии или на Литовских границах» [5, с. 331]. Позиция прусской дипломатии состояла в следующем: «договор давал надежду на развитие дружественных отношений между Пруссией и Рос-

сией и выработку соглашения с австрийским правительством на основе передачи Нижней Силезии во владение прусской короны. Также Фридрих II устранял опасность российского военного вмешательства в германский конфликт» [2, с. 183]. Иначе говоря, цели заключения договора шли в фарватере политики Фридриха II по захвату Силезии – нейтрализовать Россию в прусско-австрийском военном конфликте и, возможно, заручиться ее поддержкой в этом вопросе. Если считать главной задачей, которую преследовала Россия при заключении договора, ее стремление получить поддержку Пруссии в войне со Швецией, то она не была решена [3, с. 88-89]. Как, впрочем, не была решена и задача прусской стороны – Россия отвечала отказом на просьбы Пруссии о помощи в войне с Австрией.

Австрийское правительство, в свою очередь, также неоднократно обращалось к Российской империи с просьбой оказать военную поддержку [7, с. 281-286]. Но Россия, как, кстати, и Англия, ограничилась лишь дипломатической поддержкой Австрии.

Итак, все союзники не были намерены выполнять обязательства связывавших их договоров. Это и понятно (с точки зрения дипломатии) – события вокруг Силезии только начали разворачиваться, Мария-Терезия оказалась фактически в изоляции, вчерашние гаранты Прагматической Санкции также стали предъявлять претензии на «австрийское наследство», в марте 1741 г. Франция вторглась в германские земли. Иными словами, дальнейший ход событий был совершенно непонятен, а оказание помощи той или иной стране неизбежно вовлекало державу в состояние войны со многими европейскими государствами. Не будем забывать также о том, что внутривосточная ситуация в России в 1740-1741 гг. отличалась крайней нестабильностью. (Это хорошо понимали европейские державы, в частности, Фридрих II отдал приказ о вводе войск в Силезию только после того, как пришло известие о смерти Анны Иоанновны, полагая, что теперь российское правительство будет занято внутри-

политическими проблемами.) Помимо всего прочего, в 1741 г. Россия, как и Великобритания, еще рассчитывала на мирное разрешение прусско-австрийского конфликта.

После прихода к власти Елизаветы Петровны ряд посланников иностранных держав были отозваны из Петербурга. Прусский посланник в Петербурге А. Мардефельд, находившийся в России в ранге полномочного министра с 1728 г., сохранил за собой свой пост, благодаря позиции Фридриха II.

Между тем события, вошедшие в историю как «Первая Силезская война», завершились подписанием в 1742 г. Бреславского мира между Пруссией и Австрией, по которому Пруссия получала почти всю территорию Силезии. Вскоре Фридрих II предложил императрице Елизавете заключить на основе трактата 1740 г. новый договор. Каковы же были цели прусской дипломатии? Для прусской стороны главной целью являлось признание совершенных Фридрихом завоеваний, установка на то, что Россия не перейдет на сторону врагов Пруссии и императрица Елизавета не пошлет корпус на помощь Марии-Терезии. Кроме того, в случае заключения союза Прусское королевство не подвергнется нападению с севера. Что касается России, то для нее в русско-пруссских отношениях по-прежнему главным являлось достижение договоренности об единой политике по отношению к Польше и Курляндии.

Елизавета Петровна дала согласие начать переговоры о возобновлении союзного трактата, и 16 (27) марта 1743 г. соглашение было подписано. В предисловии к статьям – артикулам – назывались титулы монархов-участников. Титулатура Фридриха II стала более полной по сравнению с той, которая указывалась в договоре 1740 г. В 1743 г. Фридрих II был назван правителем Силезии, Гляца, Юлиха и Берга, чего не было в договоре 1740 г. [5, с. 317-318]. Это свидетельствовало о признании за ним данных владений. После общих заверений об «истинной и постоянной дружбе» шла статья, которая конкретно определяла, в чем эта дружба должна выражаться. Обе стороны договорились «наи-

крепчайшим образом друг друга содержать, и против каждого, который бы дерзнул на одну или другую договаривающуюся сторону силою и неправдою напасть и войну навести, верно вспомогать и защищать ...» [5, с. 341]. Иначе говоря, речь шла о помощи союзнику в случае несправедливого нападения третьей державы. Ниже конкретизировалась численность «вспомогательных войск». Оговаривалось, что при необходимости военная помощь может быть заменена денежной [5, с. 342, 345-346]. Трактат дополнялся двумя секретными статьями. В них говорилось о единой политике в Курляндии и Польше [5, с. 348, 350]. Далее следовали два «сепаратных артикула». В первом подчеркивалось, что прусская помощь не распространялась на военные конфликты России с Турцией, Персией и крымскими татарами. Кроме того, действие трактата не распространялось на Финляндию – до тех пор, пока не будет подписан мирный договор России со Швецией. Во втором говорилось о поддержке лиц, живущих в Польше, которые не исповедовали католичество [5, с. 350-352]. Договор должен был действовать в течение 18-ти лет.

Помимо заключения данного соглашения, 1743 г. ознаменовался для России во внешнеполитических делах заключением Абоского мира со Швецией, а в «околодипломатических» – так называемым заговором Лопухиных-Ботта [9, с. 224-231]. Его результатом было ухудшение русско-австрийских отношений.

Между тем война за австрийское наследство набирала свои обороты. В 1743 г. для вытеснения Франции из германских земель была сформирована так называемая Прагматическая армия, состоявшая из британских, австрийских и ганноверских войск. Для европейских держав, втянутых в военный конфликт и, в частности, для Пруссии, была важна позиция России. Так, уже в 1743 г. России нужно было сделать выбор.

Чтобы уяснить себе позицию России в общеевропейском конфликте, нужно иметь в виду, что она во многом зависела от российской внутривосточной обстановки. Раз-

личные придворные группировки «лоббировали» интересы разных европейских стран. В самом начале царствования Елизаветы большое влияние на императрицу оказывала так называемая «французская партия», главную роль в которой играл французский посол в Петербурге Ж.И. Шетарди. Сторонниками развития российско-прусских отношений были лейб-медик императрицы Елизаветы И.-Г. Лесток и М.И. Воронцов, ставший с 1744 г. вице-канцлером. Что касается такой влиятельной фигуры в российских дипломатических кругах, как А.П. Бестужев-Рюмин (вице-канцлер, а затем канцлер правительства Елизаветы), то он не сразу стал убеждённым сторонником союза России с Англией и Австрией [2, с. 211]. В 1741-1743 гг. его позиция в отношении Пруссии была вполне лояльной, что доказывает сам факт его руководства российско-прусскими переговорами о заключении союзного трактата, проходившими в 1742-1743 гг. Однако в дальнейшем Бестужев-Рюмин все больше проникался антипрусскими настроениями, став в итоге убеждённым сторонником союза России с Австрией и морскими державами. Императрица Елизавета довольно долго не могла решиться принять ту или иную сторону.

В августе 1744 г. Пруссия возобновила войну с Австрией и вторглась в Саксонию. И Пруссия и Саксония обратились к России за военной поддержкой. Россия, будучи союзницей двух воюющих сторон (оборонительный союз с Саксонией был возобновлен 4 февраля 1744 г.), оказалась в сложной ситуации. Надо сказать, что Пруссия, по-прежнему декларируя «дружбу» с Российской империей, делала все возможное, чтобы испортить отношения – стремилась за спиной России заключить союзы с враждебными ей Швецией и Турцией, вела интриги, направленные против российских представителей в Варшаве и т. д. Такая двойная игра была вполне в духе Фридриха II, но не способствовала росту симпатий к его королевству при русском дворе. Так или иначе, в 1744 г. Россия воздержалась от каких-либо активных действий на международной арене. Прусские войска продолжали военные

действия, и довольно успешно, нанеся летом 1745 г. новые поражения войскам Австрии и Саксонии. Это не могло не тревожить Россию, поскольку военное поражение Саксонии привело бы к усилению прусского влияния в Польше (как известно, саксонский курфюрст был одновременно и польским королём).

России, наконец, необходимо было занять четкую позицию по вопросам проведения внешней политики. 3 октября было принято окончательное решение: оказать Саксонии военную помощь. Итак, в октябре 1745 г. Россия сделала свой выбор: решение оказать помощь Саксонии означало переход России в лагерь врагов Пруссии. Хотя прусский посланник в Петербурге Мардефельд писал, что военные шаги России не представляют опасности, Фридрих II боялся военного вмешательства России в конфликт. С.А. Мезин отмечает, что «тема русской опасности» постоянно присутствовала в высказываниях Фридриха II [6, с. 151]. Что касается России, то, как указывалось выше, в ее правящих кругах в первые годы войны за австрийское наследство отсутствовало единство взглядов по вопросам проведения внешней политики. Тем не менее нам представляется, что можно выявить следующую тенденцию. В ходе войны за австрийское наследство можно проследить эволюцию отношения России к Пруссии. Если начальный период войны характеризовался подписанием союзных договоров, то постепенно все более четко вырисовывалась позиция России, которую можно охарактеризовать как «страх перед поднимающейся Пруссией». И дело было не только в Саксонии, нападение на которую затрагивало российские интересы в «польском вопросе». В российских правящих кругах, несмотря на отсутствие единства взглядов, стали все больше осознавать, каким опасным и непредсказуемым являлся германский сосед. Чего стоит, например, следующая формулировка цели собрания в Коллегии Иностранных дел: «для отвращения или по востребующему случаю для предупреждения иногда внезапно от него (Фридриха II – Е.С.) быть могущего на российские владения нападения» (7 января

1746 года) [1, с. 1]. Итак, страх был у Пруссии, страх все более нарастал и в России. В такой ситуации вряд ли можно было ожидать продолжения дружественных контактов. Все это усугублялось «двойной игрой» прусской дипломатии, игнорированием России в вопросах урегулирования военного конфликта. Конечно, «прусская сторона» тоже могла предъявить свой счет России – последняя не отвечала на постоянные просьбы Пруссии о «вспоможении». Но точно так же поступил и Фридрих, когда Россия обратилась к Пруссии за помощью в войне со Швецией. Таким образом, можно заключить, что подписанные в 1740 и 1743 гг. союзные договоры оказались малоэффективными. Они лишь предотвратили в какой-то мере конфликты России и Пруссии из-за Курляндии и Польши и на начальном этапе войны за австрийское наследство обеспечили Фридриху невмешательство России в военные действия, направленные против Австрии. Позиция России осложнялась ее союзническими обязательствами перед Австрией и Саксонией. Последняя в конечном итоге и определила исход дела: Россия решила ее поддержать, положив конец своим прусско-английско-австрийским колебаниям. Но, подчеркнем еще раз, не нападение Пруссии на Саксонию было решающим фактором, позволившим России занять свою четкую антипрусскую внешнеполитическую позицию, а окончательное осознание опасности, исходившей от Пруссии. Данная внешнеполитическая позиция определилась осенью 1745 г. Таким образом, осознание опасности Пруссии привело к изменению российского внешнеполитического курса. В историографии этому вопросу уделялось мало внимания, а между тем понимание данного факта позволяет по-новому осмыслить внешнеполитическую стратегию России в ходе войны за австрийское наследство.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архив князя Воронцова / Под ред. П.И. Бартенева. Кн. 7. Дневник докладов Коллегии Иностранных дел. 1746 г. – М., 1875.
2. Емелина М.А. Российско-пруссские отношения во внешнеполитической «системе» А.П. Бестужева-Рюмина (1741-1750). Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 422 с.
3. История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона) / Отв. ред. Г.А. Санин. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 304 с.
4. Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство, 1740-1750. – М.: ОГИ, 2000. – 408 с.
5. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. – СПб.: тип. М-ва пут. сообщ., 1880. – Т. V: Трактаты с Германиею. – 408 с.
6. Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. – 2002. – №. 10. – С. 148-157.
7. Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов (русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в.). – М.: Квадрига, 2010. – 408с.
8. Перцев В.Н. Германия в XVIII веке. – Минск: Белорус. Гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1953. – 78 с.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 21 // Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти книгах. – М.: Голос, 1993. – Кн. XI.
10. Соловьев С.М. Политика России во время войны за австрийское наследство. – СПб.: Печатня В. Головина, 1867. – 45 с.
11. Феоктистов Е.М. Отношение России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны. – М.: Унив. тип., 1882. – 204 с.
12. Andersen M.S. The War of the Austrian Succession. 1740-1748. – London and New York, 1995. – 248 s.
13. Browning Reed. The War of the Austrian Succession. – New York, 1994. – 480 s.
14. Mediger W. Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum Europaischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. – Braunschweig: Georg Westermann Verlag, 1952. – 820 s.

УДК 94(470) «19»

Трухин М.Д.

Московский государственный областной университет

ИДЕЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ ЛИДЕРОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

M. Trukhin

Moscow State Regional University

THE IDEA OF CONSTITUENT ASSEMBLY IN THE VIEWS OF LEADERS OF THE REVOLUTIONARY ORGANIZATION «NARODNAYA VOLYA»

Аннотация. Данная статья посвящена актуальному вопросу изучения идеи созыва Учредительного собрания в воззрениях лидеров революционной организации «Народная воля» в 70-80-х гг. XIX в. Основной темой в публикации является определение схожих и противоположных точек зрения по вопросу Учредительного собрания у наиболее видных членов данной организации. Анализ различных источников показывает высокую степень значения идеи Учредительного собрания в идеологии «Народной воли», а также сочетание различных представлений у её представителей.

Ключевые слова: Временное правительство, Земский собор, «Народная воля», народники, парламентаризм, террор, Учредительное собрание, якобинцы.

Abstract. The article is devoted to the topical issue of the study of the idea of convocation of the Constituent Assembly in the views of the leaders of the revolutionary organization «Narodnaya Volya» in the 70-80s of the XIXth century. The aim of the publication is to identify the similar and opposite points of view on the issue of the Constituent Assembly expressed by the most prominent members of this organization. The analysis of various sources shows great significance of the idea of Constituent Assembly in the ideology of «Narodnaya Volya», as well as the combination of different ideas its representatives had.

Key words: Provisional government, the Assembly of the Land, «Narodnaya Volya», narodniks, parliamentarism, terror, Constituent Assembly, Jacobins.

В августе 1879 г. в результате раскола «Земли и Воли» в Петербурге образовалась «Народная воля», которая являлась самой крупной и влиятельной революционно-террористической организацией в 1870–1880 гг. XIX века. Руководящим центром организации стал Исполнительный комитет (в дальнейшем ИК) в состав которого первоначально вошли 20 членов: А.И. Баранников, Н.К. Бух, А.И. Желябов, В.В. Зеге-фон-Лауренберг, А.И. Зунделевич, С.А. Иванова, Г.П. Исаев, А.А. Квятковский, Н.Н. Колодкевич, Т.И. Лебедева, О.С. Любатович, А.Д. Михайлов, Н.А. Морозов, М.Н. Ошанина, Е.Д. Сергеева, Л.А. Тихомиров, В.Н. Фигнер, М.Ф. Фроленко, С.Г. Ширяев, А.В. Якимова. Позднее в разные периоды в ИК вступило ещё 16 человек: Ю.Н. Богданович, А.В. Буцевич, М.Ф. Грачевский, В.А. Жебунев, С.С. Златопольский, А.П. Корба, М.В. Ланганс, В.С. Лебедев, С.В. Мартынов, С.Л. Перовская, Г.Г. Романенко, Я.В. Стефанович, Н.Е. Суханов, П.А. Теллалов, М.Н. Тригоны, С.Н. Халтурин. К 1881 г. в состав «Народной воли» входило около 500 человек, а общая численность кружков за всё время её существования достигала в России приблизительно 300 единиц [5, с. 67-68].

С началом деятельности организации началось формирование её программных документов, в которых закрепилось положение о свержении самодержавия в России и созыве Учредительного собрания. К таким документам в первую очередь необходимо отнести: Программу Исполнительного комитета (далее – Программа ИК) (сентябрь–декабрь 1879 г.) и Программу рабочих членов партии «Народной Воли» (далее – Программа рабочих) (ноябрь 1880 г.). «На-

родная воля» также выпустила ряд периодических изданий, наиболее влиятельным из которых была одноимённая газета. Именно в ней и были напечатаны основные программные документы народовольцев. Помимо этого, богатый фактический материал о программно-теоретических воззрениях членов ИК можно обнаружить в материалах следствий по их процессам, а именно у Баранникова, Богданович, Желябова, Златопольского, Михайлова и др.

Хотя значительная часть документов, затрагивающих историю деятельности «Народной воли», была опубликована в разное время, до сих пор остаются материалы, которые находятся в фондах российских архивов, среди которых мы могли бы выделить Российский архив литературы и искусства (РГАЛИ)¹.

С самого начала деятельности ИК в организационную структуру был заложен принцип, по которому все его члены имели равноправный статус и могли выражать свою точку зрения по любым программным и текущим вопросам. В связи с этим можно отчётливо наблюдать, что внутренняя дискуссия в ИК по вопросу Учредительного собрания имела весьма высокую популярность. Убеждённым и наиболее настойчивым сторонником идеи организации института учредительной власти в ИК был Михайлов. Разнообразные источники отчётливо показывают, что Михайлов без каких-либо заметных комментариев пропагандировал все ключевые положения Программы ИК, касающиеся Учредительного собрания. В своей речи на суде по делу 1 марта 1881 г. (процесс 20-ти народовольцев), Михайлов заявил, что его организация считает одним из главных методом борьбы не только террор, но и «избирательную агитацию в Учредительное собрание», и для уточнения этого момента сослался на текст Программы ИК [7, с. 48]. В других сохранившихся материалах следствия также видно, что вопрос борьбы за созыв Учредительного собрания виделся Михайлову, как центральная цель в работе народовольцев. В декабре 1880 г. в своём первом

письме из заключения Михайлов сообщал, о том, что собирается во время показаний заявить, что террор «Народной воли» – это одно из средств реализации её программы и прекратить его смогут только «исторические перемены и некоторые реформы» [10, с.136]. Хотя Михайлов здесь и не обращается напрямую к требованию Учредительного собрания, оно им явно подразумевалось. Это видно из уже следующего послания Михайлова, где он писал народовольцам: «Лозунгом вашим должно стать... *Земское учредительное собрание* при общем избирательном праве, при свободе слова, печати и сходок – вот минимум желательного. Для него отдайте все ваши силы, все ваши жизни, и вы воздвигнете себе в близком будущем нерукотворные памятники в сердце народа. Он оправдает самые крайние средства ваши, когда станет распоряжаться своими судьбами» (курсив мой – авт.) [10, с. 217]. Добавление Михайловым к понятию «Учредительное собрание» – «Земское» не являлось его каким-то исключительно личным программным изысканием. В данном случае Михайлов старался адаптировать к другой представлению об Учредительном собрании, которое будет создано путём революционного переворота, и Земском собрании, который может быть объявлен монархией. Что бы показать, что для него этот орган является сугубо демократическим, а не номинальным атрибутом власти, Михайлов уточнял, что «Земское учредительное собрание» должно быть организовано на основе системы всеобщего избирательного права.

О том, что народники в России часто использовали различную, а порой даже противоположную парламентскую терминологию, писали отечественные историки разных поколений [1, с. 22]. Основные причины происхождения подобных нюансов мы уже определили в своих предыдущих работах, где констатировали, что в печати народничества таким образом могли сочетаться тактические уловки или проявляться некомпетентность авторов на периферии [13, с. 15-16; 14, с. 33-36]. Наиболее отчётливо это обнаружится у народовольцев к 1881 г., когда понятия

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. «В.П. Фигнер», Ф. 1744. «Собрание воспоминаний народовольцев».

«Земский собор» или «Народное собрание» на некоторое время примут преобладающий характер. Например, 22 ноября 1879 г. в известной прокламации «От Исполнительного комитета» говорилось: «Если бы Александр II осознал, какое страшное зло он причиняет России, как несправедливо и преступно созданное им угнетение, и, отказавшись от власти, передал её *всенародному учредительному собранию*» (курсив авт.) [12, с. 222]. Однако в письме «Исполнительный комитет императору Александру III» от 10 марта 1881 г. декларировалось: «Заявляя торжественно, перед лицом родной страны и всего мира, что наша партия со своей стороны безусловно подчинится решению *народного собрания*... и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному *народным собранием*» (курсив мой – авт.) [12, с. 195]. О том, что под «народным собранием» ИК подразумевал именно Учредительное собрание писала затем в своих воспоминаниях Фигнер [8, с. 104]. Отметим, что, по всей видимости, значительной разницы между революционным Учредительным собранием и пореформенным Земским собором народовольцы не делали при условии, что оба органа будут избраны на широких демократических началах. Например, в это время Морозов в письме к П.Н. Ткачёву приравнивал оба требования друг к другу без каких-либо комментариев [2, с. 41]. В агитационных публикациях обычно местного уровня разброс парламентской терминологии чаще зависел уже не только от партийной тактики, но и от слабых юридических знаний их составителей. Такой пример можно увидеть в воспоминаниях харьковского народовольца Л.В. Фрейфельда, где он подробно описал эпизод из жизни другой известной народницы, С.М. Гинсбург, пойманной полицией с текстом наскоро и плохо составленной прокламации. Несмотря на утрату подлинника этого текста, Фрейфельд почти дословно повторил её содержание, где чётко выделил в тексте термин «*Земское Собрание*» (курсив мой – авт.)¹. В описании тех же самых

¹ РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 70. Л. 20.

событий, но уже у одесского народовольца М.И. Дрея в тексте документа одновременно цитируются термины: «*Земское Собрание*» и «*Земский собор*» (курсив мой – авт.)².

Ещё одним, интересным наблюдением в показаниях Михайлова является его горячая убежденность в исконной исторической привязанности русского крестьянства к идеям представительного народовластия, которая, вероятнее всего, сформировались у него во время пребывания среди старообрядцев. Иллюстрируя во время следствия свои политические убеждения, Михайлов говорил: «Русский крестьянин до такой степени хранит идею народоправства, что несмотря на полуторавековое императорское самодержавие, проявляющееся для него в столь чувствительных формах, до сей поры сохранил очень распространённый взгляд на царя, как на правителя, ограниченного по закону сенатом». Вслед за этим он резюмировал: «Если бы даже и случилось, что народ из привычки пожелал своё новое государственное здание венчать царской короной, то её роль была бы чисто почётная и во всяком случае вполне ограниченная народными представителями, *Народной Думой*» (курсив мой – авт.) [11, с. 107]. Здесь Михайлов явно выражал один из ранних программных идеалов народовольцев, надеявшихся на то, что 90% депутатов от крестьян войдут в Учредительное собрание за счёт исторически сложившейся привязанности русского народа к свободной жизни. Так, во втором номере газеты «Народная воля» говорилось: «Мы знаем, как устраивался наш народ, всюду, где был свободен от давления государства; мы знаем принципы, которые развивал в своей жизни народ на Дону, на Яике, на Кубани, на Тереке, в сибирских раскольничьих поселениях, везде, где устраивался свободно, сообразуясь только с собственными наклонностями; мы знаем вечный лозунг народных движений» [6, с. 42]. Во время следствия Михайлов также заявлял, что подобные настроения среди крестьян господствуют на «пространстве в тысячи вёрст», что было, конечно, преувеличено.

² РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.

В тот же период времени, помимо мелких технических несовпадений, образовались и более серьёзные противоречия. Разногласия с изначальным текстом Программы ИК начинают обнаруживаться в появившихся уже после неё известных партийных документах, и в частности в Программе рабочих. Программа ИК была составлена Тихомировым как совокупность мнений большинства членов ИК о задачах организации. Программа рабочих появилась позднее, и её основным автором считается Желябов. Разница между этими документами заключалась в том, что в Программе рабочих власть к Учредительному собранию переходила не сразу, а после предварительных политических и экономических реформ Временного правительства. В советской историографии это положение обычно комментировалось как доказательство того, что у лидеров «Народной воли» в тот момент существовали планы по захвату власти наподобие якобинской диктатуры. Сегодня это утверждение может вполне оспариваться. Например, в своей монографии историк Г.С. Кан выступил с критикой данной позиции, считая, что Программа рабочих была мало-распространённым документом, созданным для популяризации текущих целей организации [5, с. 75].

На наш взгляд, взаимосвязь этих документов безусловно имела место и носила следующий характер. Программа рабочих видится нам, как текущий программный документ, в котором отразились новые переосмысленные воззрения народолюбцев о политических возможностях народных масс. Свою позицию мы подкрепляем тем, что различные источники показывают, что идеи, близкие к содержанию Программы рабочих, находили себя не только в официальной печати, но и вошли в документы личного происхождения. Например, они отчётливо проявляются в показаниях также участника процесса 20-ти Баранникова. По словам Баранникова, главной целью его организации было проведение политического и экономического переворота в России предпочтительно силами самой партии. После переворота партия должна была

охранять народную свободу и сформировать из «своей среды» Временное правительство, которое организовывало демократические выборы в Учредительное собрание. Ему же Временное правительство должно было передать все свои государственные права и полномочия [9, с. 141]. Возможно, чтобы несколько заретушировать якобинские ноты, в тексте этого же допроса Баранников уточнял, что Учредительное собрание будет создано из народа и обладать всей законодательной и исполнительной властью в тех границах, которые установят для него избиратели. Основной обязанностью Учредительного собрания Баранников, уже вполне традиционно, видел начертание нового общественного строя, также одобренного инструкциями от избирателей. Из вышесказанного видно, что Баранников обращался к тезисам, свойственным не только Программе ИК, но и к положениям Программы рабочих, где говорилось о совмещении законодательной и исполнительной власти Учредительным собранием. Кроме того, мы видим, что Баранников выделял ключевую роль своей организации, как в проведении переворота, так и в создании Временного правительства, которое получало бы «широкие права и полномочия» (курсив мой – авт.).

Похожие идеи возникали у народолюбцев и на периферии. В рукописном черновике прокламации «По поводу годовщины 1-го марта» неизвестный харьковский народолюбец писал: «Партия должна организовать революционные кадры в тех местах, где народ наиболее восприимчив: такие пункты суть фабричные и вообще большие промышленные центры. Таким образом, с этой армией партия, воспользовавшись царевубийством..., овладевает центрами правительственной власти, *объявив себя временным правительством, созывает Народное собрание*» (курсив мой – авт.)¹. Ещё больший интерес вызывает вольная рукописная интерпретация текста Программы рабочих, автором которого был сосланный в Томск студент Казанского университета П.А. Орлов. Текст демонстрирует

¹ РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 79. Л. 11.

откровенные опасения автора вероятности проникновения в будущее государственные структуры нежелательных представителей. Орлов считал, что революционный переворот и все последующие государственные изменения должны были проходить только под полным контролем рабочих. Так, он пишет: «Всякое правительство (в монархии ли неограниченной, или республике, или при конституции) только тогда будет действовать в пользу народа, если будет правительством народным; если будет от народа *в полной зависимости*» (курсив мой – авт.). Вслед за этим он добавляет: «Временное правительство должно состоять из рабочих или из таких лиц, в благонадежности которых рабочие уверены». Практически так же им исключалось присутствие лиц не рабочего происхождения и в Учредительном собрании: «Наконец, на обязанности рабочих остается главным образом устроить дело так, чтобы Учредительное собрание было созданием повсеместной революции и только ее завоевания» [12, с. 362-363]. Орлов, как и в аналоговом тексте Программы рабочих, писал об обязательном использовании инструкций от избирателей для депутатов Учредительного собрания, но не включал положение о том, что выборы должны пройти на основе ключевого принципа системы всеобщего избирательного права т. е. *всеобщей* подачи голосов. При этом напомним, что в тексте Программы ИК отмечалось, что этот принцип был прямо привязан к Учредительному собранию, как и общественные инструкции для избирателей. Об этом принципе возвышенно писал в своём письме к соратникам и Михайлов. В конце Программы ИК заявлялось о важности агитации во время выборов в Учредительное собрание и также приводилось довольно категоричное утверждение, что партия должна будет: «...всячески бороться против кандидатуры различных кулаков и всеми силами проводить чисто мирских людей» [12, с. 174]. Однако, как мы видим, Программа ИК не отрицала участия представителей данной категории крестьян в выборах. Именно это отличие чётко показывает, что косвенные мысли об ограничении

избирательных прав отдельных категорий граждан уже после публикации Программы ИК пусть в разной степени и с разными мотивами, но всё равно возникали.

То, что якобинство имело место в «Народной воле», признавали и те её члены, кто всегда выступал его противником. Так, комментируя показания Баранникова, Фигнер специально обращала внимание на то, что у него есть якобинские взгляды, которые идут в разрез с общим мнением народовольцев [9, с. 44]. Совершенно ясно, что Фигнер так же отрицательно реагировала и на высказывание Баранникова о том, что состав Временного правительства будет сформирован из народовольцев. Об этом мы судим уже по её самой известной книге «Запечатлённый труд», где она пишет о нареканиях и горячих напаках уже на Желябова со стороны Перовской и Ланганса за его отдельные «якобинские выражения» в своих работах. Одной из таких работ Фигнер называет внутреннюю инструкцию «Подготовительная работа партии»; ещё одним таким документом вполне могла быть и Программа рабочих. Фигнер также перечислила имена нескольких народовольцев разного организационного масштаба, которые были склонны к якобинству (М.Н. Ошанина, П.Г. Зайчневский, Е.Н. Южакова, М.А. Тимофеев). Чтобы не противоречить самой себе, она утверждала, что эти взгляды имели сугубо личный характер и не вносили серьёзного резонанса в общий ход работы партии. Не остался без её комментария и вопрос о Временном правительстве. В «Запечатлённом труде» она писала: «Самый вопрос о временном правительстве при личном составе партии был у нас вопросом скорее академическим, без мысли, что мы увидим его, а тем более – войдём в него, и ставился для стройности программы» [8, с. 104]. В других источниках мы также можем наблюдать то, что такие же принципы сохранялись не только у Фигнер. Например, арестованный в мае 1882 г. Богданович писал в показаниях, что единственные «регламентированные» требования партии – это установление свободы обществ и ассоциаций, мысли, совести

и слова; уничтожение всех сословных привилегий; права каждого на землю и орудия труда признаны наукой и историей всех народов. Там же Богданович подчёркивал, что партия может иметь свои собственные цели, но она не признаёт за собой права и компетентности ставить их как обязательные, так как истину в этом случае может сказать только сам народ. Поэтому все основные вопросы общегосударственного значения должны решаться исключительно на Земском соборе¹. В похожем духе высказывался также участник этого процесса Златопольский².

В связи со всем вышесказанным мы приходим к выводу, что яacobинские или, правильнее, близкие к ним взгляды проявлялись в ИК и других структурах «Народной воли» на личном уровне её отдельных членов. Причину их появления мы видим в анализе народолюбцами зарубежного опыта парламентаризма и, в первую очередь, «французских» революционных завоеваний. Таким образом, народолюбцы проявляли свою политическую индивидуальность, но, в тоже время, и сохраняли верность общим программным идеалам организации. Например, именно так мы характеризуем позиции Желябова. К данному выводу мы, прежде всего, приходим из анализа текста его речи на суде первомайцев. Постоянно перебиваемый обвинителем, Желябов не смог чётко перечислить все программные требования. Поэтому о том, что Учредительное собрание рассматривалось им как главное средство реализации программы партии, мы можем судить по этому общему высказыванию: «Мы не анархисты, мы стоим за принцип федерального устройства государства, а как средства для достижения такого строя мы рекомендуем очень *определённые учреждения*» (курсив мой – авт.) [12, с. 252]. Во время этого выступления Желябов так же категорически отказался признать связь «Народной воли» с идеями противника лозунга Учредительного собрания Морозова. Поэтому здесь мы полностью присоединяемся к характеристике личности Желябова, которую

дал в своей монографии историк Кан, считавший, что своеобразие его взглядов не зависело от жёстких теоретических схем и правил, а лишь ориентировалось на ключевые идейные постулаты, примеряя их к политической реальности [5, с. 95].

В заключение отметим, что хотя члены ИК и обязывались подчиняться решениям большинства при утверждении общих программных требований, тем не менее практически все они постоянно проявляли политическую индивидуальность. При этом вопрос созыва Учредительного собрания неизбежно превращался в одну из самых дискуссионных тем внутри организации. Наиболее ярко это противоречие обнаружилось в столкновении воззрений большинства членов ИК и его известного члена Николая Морозова. Именно этому вопросу и будет посвящена наша следующая публикация.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. – М., 1912. – 483 с.
2. Валк С.Н. Г.Г.Романенко (Из истории «Народной Воли») // Каторга и ссылка. – 1928. – № 11. – С. 36-59.
3. Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. – Париж, 1932. – 253 с.
4. Знаменский О.Н., Шишкин В.А. Ленин, революционное движение и парламентаризм. – Л., 1977. – 296 с.
5. Кан Г.С. «Народная Воля»: идеология и лидеры. – М., 1997. – 196 с.
6. Литература партии «Народная воля». – М., 1930. – 491 с.
7. Михайлов А.Д. Воспоминания. – Женева, 1903. – 55 с.
8. «Народная воля» и «Чёрный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879 – 1882 гг. – Л., 1989. – 415 с.
9. Народолюбец А.И. Баранников в его письмах. – М., 1935. – 160 с.
10. Письма народолюбца А.Д. Михайлова. – М., 1933. – 279 с.
11. Прибылёва-Корба А.П., Фигнер В.Н. Народолюбец Александр Дмитриевич Михайлов. – Л., 1925. – 225 с.
12. Революционное народничество 70-х годов XIX века (1876-1882 гг.). Т. 2. – М., 1965. – 473 с.

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 872. Л. 7.

² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 872. Л. 16.

13. Трухин М.Д. Борьба неонароднических партий за созыв Учредительного собрания в России. 1901 – начало 1918 гг.: автореферат... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2004. – 24 с.
14. Трухин М.Д. Российские истоки идеи Учредительного собрания и отношение к ней неонародников в конце XIX – начале XX веков // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2009. – № 4. – С. 33-35.

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470) “1942/1943”

Рубан М.В.

Московский государственный областной университет

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В БИТВЕ НА ВОЛГЕ (К 70-ЛЕТИЮ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ)

M. Ruban

Moscow State Regional University

HISTORICAL SIGNIFICANCE OF SOVIET FORCES' VICTORY IN THE BATTLE ON THE VOLGA (IN COMMEMORATION OF THE 70th ANNIVERSARY OF THE BATTLE FOR STALINGRAD)

Аннотация. События Сталинградской битвы стали началом коренного перелома в ходе боевых действий против фашистской Германии. Интенсификация советского военно-промышленного производства позволила заложить основу военно-технического превосходства СССР. Слаженная работа командования советскими войсками по планированию и осуществлению боевых операций, поддержка тыла и самоотверженность бойцов Красной армии стали не только причиной победы под Сталинградом и основой коренного перелома в Великой Отечественной войне, но и укрепили убежденность в неизбежном поражении фашизма.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, коренный перелом, операция «Уран», Красная армия.

Abstract. The events of the Battle for Stalingrad became the beginning of a radical turn in the fight against Nazi Germany. The intensification of the Soviet military-industrial production was the basis for the USSR's military and technological superiority. The high command's work on planning and performing combatant operations was well coordinated; the army had support from home front; the Red Army's soldiers fought selflessly. All that was not only the reason for winning the Battle for Stalingrad but strengthened the conviction that the fascism would inevitably be defeated.

Key words: the Great Patriotic war, the Battle for Stalingrad, a radical turn, Operation Uranus, the Red Army.

Советский Союз и его Красная Армия выстояли в труднейший период стратегической обороны в жестокой борьбе с гитлеровскими захватчиками в 1942 году. Одновременно огромными усилиями всего народа в стране были созданы важные предпосылки для перехода от обороны к наступательным действиям и нанесению мощных ударов по врагу. Главнейшей такой предпосылкой стал коренной перелом в развитии советской военной промышленности. В результате него производство самолетов в декабре 1942 г. по сравнению с декабрем 1941 г. вы-

росло более чем в 3 раза. Ежемесячное производство самолетов достигло 2260 единиц, а за весь 1942 г. – 25,5 тыс. самолетов. За этот год было произведено 24,5 тыс. танков, из которых свыше 50% были Т-34. Советские войска за год получили 3,2 тыс. реактивных минометов («Катюша»), около 30 тыс. артиллерийских орудий калибра 76 мм и выше, производство 120-мм минометов увеличилось в 3 раза.

В результате Красная Армия располагала всем необходимым для коренного перелома ситуации на фронте [6, с. 431-440]. Ее совокупные силы стали превышать гитлеровскую армию. Их соотношения в ноябре 1942 г. было: по личному составу 1,1 к 1, по орудиям и минометам – 1,5 к 1, по танкам и штурмовым орудиям – 2,2 к 1, по боевым самолетам – 1,1 к 1 [6, с. 241]. Достигнутое превосходство в силах и средствах Красной Армии над противником позволило советскому руководству спланировать и подготовить крупнейшую контрнаступательную операцию по разгрому гитлеровских войск под Сталинградом. Ее подготовка началась уже в сентябре 1942 г. В ней активную роль сыграли Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Генштаб и Ставка Верховного главнокомандования, которую возглавлял И.В. Сталин, а также командующие фронтами Сталинградского направления. Разработанный план контрнаступления получил кодовое название «Уран» [3, с. 316 - 318; 4, с. 102-103]. Он предусматривал нанесение главных ударов на флангах гитлеровской сталинградской группировки по румынским войскам, их разгром, последующее окружение и уничтожение немецких войск. При этом войска Юго-Западного фронта должны были прорвать оборону 3-й румынской армии и развить наступление на юго-восток в направлении города Калач. Войска Сталинградского фронта должны были наступать в северо-западном направлении для соединения с войсками Юго-Западного фронта. Донской фронт должен был нанести вспомогательный удар по гитлеровцам в малой излучине Дона. Для осуществления плана «Уран» были выделены дополнительные крупные силы, которые обеспечивали превосходство советских войск над гитлеров-

цами по танкам в 2,2 раза, по орудиям и минометам – в 1,5 раза [8, с. 604-605]

Мощное контрнаступление под Сталинградом началось 19 ноября 1942 г., его по праву называли «Каннами XX века». Гитлеровское командование под Сталинградом не ожидало такого наступления и не было готово к нему. В ходе контрнаступления Юго-Западный фронт мощным ударом из района Серафимовичи прорвал оборону 3-й румынской армии и уже к 23 ноября вышел в район города Калач. С юга навстречу ему наступали войска Сталинградского фронта, они прорвали оборону 4-й румынской армии и вышли на встречу с войсками Юго-Западного фронта у города Калач [1, с. 266-267]. В результате основная немецкая группировка под Сталинградом была окружена. Донской же фронт в эти дни разгромил румынские войска в малой излучине Дона. В окружении советских войск оказалась главная сила гитлеровцев в районе Сталинграда – 6-я армия Ф. Паулюса. Поначалу Паулюс пытался получить у Гитлера разрешение на прорыв из окружения, но тот приказал продолжать оборону, пообещал снабжать армию по воздуху и деблокировать ее извне. В соответствии с решением Гитлера для деблокирования войск Паулюса была создана специальная ударная группа «Дон» под командованием Э. фон Манштейна. В этой группе выделялась сильная армейская группа генерала Г. Гота. Она должна была нанести удар из района Котельников. 12 декабря эта группа перешла в наступление, пробилась до реки Аксай, форсировала ее, и стала продвигаться к реке Мышкова, тем самым была создана угроза ее прорыва к армии Паулюса. Но советское командование приняло решительные меры по ликвидации этой угрозы. 24 декабря 2-я гвардейская и 51-я советские армии перешли в наступление, разгромили гитлеровскую группу Гота и освободили город Котельниково. В последующем войска Юго-Западного фронта провели операцию «Малый Сатурн». Они разгромили гитлеровские и румынские войска в районе Среднего Дона. Группа армий «Дон» оказалась под угрозой разгрома и ее командующий Манштейн не

смог выполнить задачу по деблокированию окруженной 6-й армии Паулюса [7, с. 44-47].

Но гитлеровское командование, несмотря на провал наступления Манштейна, продолжало требовать от Паулюса сражаться до последнего солдата. Стремясь избежать кровопролития, советское командование 8 января 1943 г. предъявило войскам Паулюса ультиматум о сдаче. Но он не был принят. Поэтому советское командование осуществило специальную операцию «Кольцо» по разгрому окруженной 6-й немецкой армии.

Эта операция началась 10-го января 1943 г. артиллерийской подготовкой войск Донского фронта, которым командовал К.К. Рокоссовский. Войска Донского фронта мощными ударами сломали оборону гитлеровцев. Спротивляясь, немецкая армия несла большие потери. Ее войска были зажаты на ограниченной территории. Они вели оборону непосредственно в городе. 29-го января Паулюс просил Гитлера дать разрешение на капитуляцию, но тот запретил и приказал удерживать позиции до последнего человека. В Сталинграде оставшиеся войска Паулюса были расчленены на две группы: южную – в центральной части города и северную – в районе заводов «Баррикады» и Тракторного. Тридцатого января войска 64-й и 57-й армий расчленили южную группу немецких войск и ворвались в центр города. 31-го января 1943 г. южная часть германских войск капитулировала. В подвале городского универмага был взят в плен и произведенный накануне в фельдмаршалы Паулюс со своим штабом. А 2-го февраля 1943 г. капитулировали и немецкие части, окруженные в заводском районе Сталинграда. Так советские войска победоносно закончили великую битву на Волге за Сталинград. В этой битве были разгромлены 22 вражеские дивизии, было убито 147 тысяч их солдат и офицеров, в плен попали 91 тысяча гитлеровцев, в том числе более 2500 офицеров и 24 генерала [5, с. 175-178; 9, с. 401-404].

Историческая победа в битве на Волге положила начало успешным наступательным операциям советских войск на целом ряде важных направлений. Важнейшее значение из них имел

прорыв блокады Ленинграда. Он был осуществлен войсками Волховского и Ленинградского фронтов, начался 12 января и завершился 18 января 1943 г. Была сокрушена вражеская оборона на шлиссельбургско-синявинском выступе. Южнее Ладожского озера был пробит коридор шириной 8-11 км, и Ленинград получил сухопутную связь со страной.

Победа советских войск под Сталинградом имела важное историческое значение. Она положила начало коренному прелому в Великой Отечественной войне и в масштабе всей Второй мировой войны. Суть этого перелома состояла в том, что советские войска в результате этой победы прочно захватили стратегическую наступательную инициативу, которую они сохранили до конца войны. Эта победа похоронила гитлеровские расчеты на поражение Красной Армии и уничтожение Советского государства. Она до основания потрясла гитлеровскую военную машину, заставила Гитлера искать выход из трудного положения путем «тотальной мобилизации».

Советская победа на Волге также отрезвила милитаристов Японии и реваншистски настроенные военно-политические круги Турции, которые готовились вступить в войну против Советского Союза после его поражения под Сталинградом. Обе страны вынуждены были воздержаться от нападения на СССР. Эта победа основательно повлияла и на поведение гитлеровских союзников в антисоветской войне. Правительства Румынии, Италии, Венгрии и Финляндии стали искать пути выхода из войны. В этих странах стали распространяться антифашистские настроения, охватившие и их армии.

Разгром гитлеровских войск на Волге также укреплял веру в окончательную победу не только Советского Союза, но и всех стран антигитлеровской коалиции, которые добились в тот период переломных успехов и на других фронтах Второй мировой войны: у Эль-Аламейна в Северной Африке (октябрь – ноябрь 1942 г.) и у атолла Мидуэй на Тихом океане (июнь 1942). Руководители США и Великобритании высоко оценивали советскую победу на Волге. Президент США Ф.Д. Рузвельт в

своей грамоте Сталинграду выражал восхищение доблестью и храбростью защитников города. Он писал, что эта победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль также отмечал, что советская победа под Сталинградом «это, действительно, изумительная победа» [2, с. 202].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бивор Э. Сталинград. – Смоленск: Русич, 1999. – 416 с.
2. Великая Отечественная война Советского Союза. – М.: Воениздат, 1984. – 559 с.
3. Дайнес В.О. Жуков. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 551 с.
4. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 415 с.
5. Константинов К. Рокоссовский. Победа не любой ценой. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 316 с.
6. Куманев Г.А. Проблемы военной истории Отечества (1938–1945 гг.). – М.: Собрание, 2007. – 656 с.
7. Видер И. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса // Сталинград. К 60-летию сражения на Волге. – М.: Воениздат. – С. 9-122.
8. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. – Волгоград: Издатель, 2009. – 750 с.
9. Сталинградская битва: хроника, факты, люди. Кн.2. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 573 с.

УДК 94(47).084.9

Харрасов Ф.Ф.

*Стерлитамакская государственная педагогическая академия
им. Зайнаб Бишевой*

ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА В БАССР И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПЕРИОД 1953-1964 гг.

F. Harrasov

*Sterlitamak state pedagogical academy,
named after Zainab Biisheva*

BASHKIR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC HOUSING POLICY IN 1953-1964

Аннотация. Автором статьи анализируются сущность жилищной политики в Башкирской АССР и направления ее реализации в период с 1953 по 1964 гг. Основное внимание уделяется организационной деятельности по решению проблемы нехватки жилья преимущественно путем возведения панельных многоквартирных домов. Подчеркивается эффективность политики обеспечения индивидуальным жильем возможно большего числа жителей республики через параллельную деятельность строительных трестов, функционирующих на основе государственного заказа и занимающихся многоэтажным строительством, и жилищных кооперативов, специализирующихся на малоэтажном строительстве. Главную особенность рассматриваемого периода автор видит в разворачивании массового строительства индивидуального жилья в республике, что соответствовало общей тенденции формирования «советского индустриального общества».

Ключевые слова: социально-экономическая политика, капиталовложения, индустриализация строительства, панельный многоквартирный дом, жилищный кооператив, инициативный метод, советское индустриальное общество.

Abstract. The author examines the history of housing policy in Bashkir ASSR within the period of 1953-1964. The main attention is given to the organizational activities aimed at solving the problem of the lack of dwelling mainly by erecting multifamily panel houses. The author stresses the effectiveness of the policy aimed at ensuring the greatest possible number of people in Bashkir Republic with individual dwelling. The policy was performed through the activities of two types of construction companies: construction thrusts, which specialized in multi-storey housing, the bases of their functioning being state order; and cooperative housing organizations, which specialized in low-rise construction. The author considers the main peculiarity of the given period to be the implementing of a large-scale construction of individual dwelling in the republic. It is stated that it was in line with the general tendency of forming "Soviet industrial society".

Key words: socio-economic policy; capital investments; industrialization of house building; multifamily panel house; cooperative housing; method of initiatives; Soviet industrial society.

Рост внимания советского правительства к решению проблем жилищного строительства наблюдается во второй половине 1950-х гг. в контексте политики завершения индустриализации и политической необходимости добиться роста уровня благосостояния граждан. В результате в социально-экономической политике советского государства стало уделяться большое внимание жилищному строительству. Быстрое развитие промышленности строительных материалов по стране в целом позволило перевести жилищное строительство на индустриальную основу и многократно расширить его масштабы. В 1954 г. специальным решением были осуждены «парадность и украшательство» в архитектуре, что послужило мощным толчком к переводу жилищного строительства в разряд продуктов действительно народного потребления. В 1954-1962 гг. принимается целая серия решений, направленных на внедрение

типового домостроения, в числе которых наибольшее значение имели Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» [4], и «Об индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве» [5], а также Постановление Совета Министров РСФСР от 9 июля 1959 г. «О мерах содействия коллективному строительству многоквартирных и одноквартирных индивидуальных жилых домов» [3];

Ставка правительства СССР на завершение процессов урбанизации непосредственно отразилась на формировании жилищной политики в Башкирской АССР, так как массовое жилищное строительство санкционировалось и разворачивалось, прежде всего, в промышленных центрах. Следовательно, наибольшие масштабы реализации политики строительства индивидуального жилья имели место в первую очередь в столице Башкирии – городе Уфе, а также в промышленных центрах республики – Стерлитамаке, Октябрьском, Салавате.

Надо подчеркнуть, что анализ процессов принятия и реализации программных документов, регулировавших жилищную политику на уровне союзного правительства и руководства БАССР, показывает, что идеологические и практические основы развернувшегося в период хрущевской «оттепели» массового строительства индивидуального жилья были заложены в первые послевоенные годы в рамках глобальной программы восстановления народного хозяйства.

Еще в 1946-1947 гг. при разработке проектов новой Конституции СССР и Программы ВКП(б) в рамках расширения демократических начал в жизни общества как условия воплощения доктрины перерастания диктатуры пролетариата в общенародное государство ставилась задача развертывания жилищного строительства и обеспечения каждому трудящемуся благоустроенной отдельной комнаты, а каждой семье – отдельной квартиры [1, с. 423].

В июне 1949 г. Совет Министров БАССР рассмотрел и одобрил генеральный план

реконструкции и развития Уфы, согласно которому жилищное строительство было сориентировано на увеличение численности населения в 1,5 раза. За пятую пятилетку (1951–1955 гг.) в новых границах города (Уфа и Черниковск) было введено в эксплуатацию более 700 тыс. кв м благоустроенной жилой площади. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 июля 1956 г. объединились города Уфа и Черниковск. Образовался единый административный, хозяйственный и культурный центр республики – город Уфа.

Образование крупного города создало новые перспективы для его дальнейшего роста. Это нашло отражение в разработанном институтом «Ленгипрогор» новом генеральном плане развития Уфы на 25 лет. Он был обсужден и утвержден сессией городского Совета в сентябре 1958 г. [2, с. 449].

Генеральный план исходил из новых градостроительных принципов и практики планирования крупных центров. Основными массивами застройки на ближайшие годы определялись районы современного проспекта Октября и прилегающие к нему территории. Промышленное строительство намечалось вдали от жилых кварталов, в основном в северной части города. Особое внимание в генеральном плане отводилось рациональному использованию городской территории путем повышения этажности зданий. Большое место уделялось развитию всех видов благоустройства, созданию максимально благоприятных условий для населения.

В целом в ходе согласованной проектной деятельности Госстроя СССР, Совета Министров БАССР, Башкирского совета народного хозяйства и Башкирского обкома КПСС в рассматриваемый период был запланирован переход на серийное строительство домов по единому типовому проекту, предусматривавшему моделирование трех-четырёх вариантов конкретного дома со стандартной внутренней планировкой. Это позволило начать крупномасштабную застройку городов республики крупными кварталами и микрорайонами.

Основной объем жилищного строительства выполняли многопрофильные тресты

«Башнефтезаводстрой» и «Уфастрой», а также специализированные строительные тресты № 3 и № 21. Строительные организации перешли на возведение домов по типовым проектам. Динамика нарастания темпов жилищного строительства отражена в следующих данных: в 1956 г. было построено и сдано в эксплуатацию 135 тыс., 1957 г. – 170 тыс. и 1958 г. – 224 тыс. кв м жилья [7, с. 34].

Отечественного опыта крупнопанельного домостроения практически не было. Поэтому в жилищной политике большое внимание уделялось повышению технического уровня возведения пятиэтажных кирпичных домов. В 1950-х гг. жилые дома с кирпичными стенами по существу стали домами в большей степени индустриальными, поскольку в них почти все конструкции, кроме стеновых, выполнялись из сборных элементов, изготавливаемых на заводах. Из сборных железобетонных элементов выполнялись перекрытия, лестничные площадки и марши, балконные плиты, карнизы; из готовых панелей или сборных гипсовых плит строились перегородки; в виде готовых блоков поступали на стройку заполнения оконных и дверных проемов.

До 1957 г. производство строительных материалов в республике было предоставлено в основном кирпичным заводам, меньше занимались железобетоном, стеклом, шифером, совсем слабо было налажено производство гипса и извести, совершенно не производились штучные блоки, гипсовая сухая штукатурка, мягкая кровля, облицовочная и метлахская плитка, строительный фаянс, стекловата и пеносиликаты. За пять же последующих лет под управлением Башкирского совнархоза было организовано в требуемых объемах производство необходимых строительных материалов.

Особой следует признать роль БСНХ в индустриальном планировании и согласовании планов жилищного строительства с проектами возведения крупных экономических объектов. Так в начале проектирования на северо-западе республики Кармановской ГРЭС, сжигающей высокосернистую нефть, Башкирским СНХ были внесены ценные за-

мечания относительно выбора площадки строительства ГРЭС и жилья для будущих энергетиков [6, с. 14].

В конце 1960 г. в г. Уфе и г. Салавате были сданы в эксплуатацию заводы по производству элементов крупнопанельного домостроения производительностью 3500 кв. м. в год. Таким образом, была создана возможность перехода к новому методу крупнопанельного домостроения. Соответственно, уменьшалась и стоимость квадратного метра жилья.

Параллельно с возведением многоквартирных домов в БАССР очень большими темпами развивается индивидуальное малосемейное жилищное строительство.

Следует особо подчеркнуть опыт периода «оттепели» в плане привлечения инициативы населения к решению экономических вопросов, в данном случае – проблемы нехватки индивидуального жилья. В постсоветский период в отечественной историографии утверждается точка зрения, согласно которой в советском обществе использовался исключительно «административный ресурс» при решении задач развития народного хозяйства. Однако жилищная политика в годы «оттепели» наглядно опровергает данную точку зрения практикой внедрения экономического потенциала «социалистической демократии». Именно в период «оттепели» впервые в советской истории получили большое распространение жилищные кооперативы. Эта форма реализации жилищной политики возникла в 1956-1958 гг. по примеру коллектива Горьковского автозавода. Суть ее заключалась в строительстве части домов инициативным способом, силами будущих жильцов, объединенных в жилищные кооперативы. На предприятиях и в организациях города изыскивались необходимые ресурсы, налаживалось производство строительных материалов. Коллектив уфимского моторостроительного завода (переименованного позднее, в 1978 г., в Уфимское моторостроительное производственное объединение) организовал у себя изготовление шлакоблоков, трест «Башнефтегеофизика» – лесозаготовительный участок и добычу бутового камня. Всего в 1957–1958 гг.

инициативным способом введено в действие 67,5 тыс. кв м жилья¹. Это были небольшие здания в 1-2 этажа. Быстрый ввод малоэтажных домов позволил несколько смягчить остроту жилищной проблемы. Члены кооперативов вносили часть стоимости квартиры, а остальную сумму выплачивали с рассрочкой до 15 лет.

Недостатки данной формы жилищной политики заключались в нерациональном использовании ограниченной городской территории и в трудностях обеспечения этих домов всеми видами благоустройства. Однако практика деятельности жилищных кооперативов представляет собой форму экономической самоорганизации населения и, в определенной мере, доказывает существование и достаточно эффективное использование экономических возможностей кооперативной деятельности для решения проблем дефицита жилья в условиях советской плановой экономики.

В числе проблем, с которыми сталкивались на практике строительные и курирующие данную сферу хозяйственные и партийные учреждения, следует выделить:

– ограниченность собственной производственной базы, обуславливающая нехватку строительных материалов, в особенности сборных железобетонных конструкций и деталей, стеновых блоков, строительных изделий, алебаstra и др. Отрицательную роль сыграли срыв доставок по железнодорожным путям и нехватка заводов по производству стройматериалов на местах и др.;

– нехватка специальной техники и автотранспорта для строительных площадок².

Таковы общие черты жилищной политики в БАССР в 1953-1964 гг. Надо отметить, что с точки зрения региональных интересов, не в последнюю очередь учитываемых местной партийной и советской администрацией, жилищная политика служила инструментом

¹ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 12. Д. 876. Л. 12.

² Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1982. Л. 12.

закрепления кадров на производстве. Поскольку жилищная политика была призвана содействовать реализации экономического курса, предоставление жилья выступало как способ поощрения трудовых достижений. Жильем обеспечивались прежде всего стахановцы, инженерно-технические кадры, квалифицированные рабочие предприятий. Но в данном случае интересы местного руководства совпадали со стратегическими целями государства, стремящегося к подъему индустриального потенциала регионов.

Таким образом, эволюция жилищной политики в БАССР в условиях плановой экономики целиком и полностью отражала общие тенденции развития народного хозяйства в период «оттепели». Характерной чертой жилищной политики в БАССР в 1953-1964 гг. следует считать ее применение в качестве инструмента стимулирования развития приоритетных для государства областей. Распределение жилья использовалось для закрепления кадров на производстве, поощрения передовиков производства и привлечения к работе на предприятиях Башкирии новых специалистов с вузовским образованием. Поскольку жилищная политика была призвана содействовать реализации экономического курса, предоставление жилья выступало как способ поощрения трудовых достижений и послужило одним из действенных средств ускорения строительства «советского индустриального общества» в период «оттепели». На примере жилищной политики БАССР в годы «оттепели» представляется обоснованным вывод о том, что собственно специфические черты политики Н.С. Хрущева в решении проблем нехватки жилья заключались не в предложении новой доктрины по обеспечению всех советских граждан индивидуальным жильем, но в реализации программных положений, заложенных в период послевоенного восстановления хозяйства. Новацией периода правления Н.С. Хрущева является распространение деятельности жилищных кооперативов, способствовавших ускорению решения проблемы нехватки жилья при сохранении ведущей роли государственного заказа в сооружении

многоквартирных домов. Безусловно, переход к строительству панельных многоэтажных зданий позволил в рекордно короткие сроки обеспечить большинство граждан советской Башкирии индивидуальными квартирами. В результате были достигнуты впечатляющие результаты, позволившие позднее завершить формирование «советского индустриального общества» в БАССР.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917-2004. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 816 с.
2. Ганеев Р.Г., Болтушкин В.В., Кузеев Р.Г. История Уфы. Краткий очерк. – Уфа, Башкирское книжное издательство, 1981. – 608 с.
3. Постановление Совета Министров РСФСР от 9 июля 1959 г. № 1184 «О мерах содействия коллек-
- тивному строительству многоквартирных и одноквартирных индивидуальных жилых домов» // Собрание постановлений Совета Министров РСФСР. – 1959. – № 9. – Ст. 77.
4. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР» // Собрание постановлений Совета Министров СССР. – 1957. – № 9. – Ст. 102.
5. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве» // Собрание постановлений Совета Министров СССР. – 1962. – № 12. – Ст. 93.
6. Семенова Л. М. Деятельность Советов народного хозяйства по управлению промышленностью в 1957-1962 гг. (На материалах Башкирской АССР). – Дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2003. – 245 с.
7. Уфа за годы советской власти. Статистический справочник. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1969. – 90 с.

УДК 94(1-21)(470+571) "1960/1970"

Никитаева Е.Б.

Московский государственный областной университет

**ПОЛИТИКА ЛИКВИДАЦИИ «НЕПЕРСПЕКТИВНЫХ» СЕЛ
И ДЕРЕВЕНЬ В 1960-1970 ГГ. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ**

E. Nikitaeva

Moscow State Regional University

**THE 1960-70s POLITICS OF UNPROMISING VILLAGES
AND SETTLEMENTS LIQUIDATION AND ITS CONSEQUENCES
FOR CENTRAL RUSSIA**

Аннотация. В статье рассматриваются причины и результаты политики ликвидации так называемых «неперспективных» сел и деревень в регионе Центральной России. Эта политика была обусловлена не только курсом КПСС на создание в сельской местности крупных индустриальных поселений, но и объективными обстоятельствами, а именно усиливающейся с конца 1950 гг. миграции из села и нехваткой трудовых ресурсов в колхозах и совхозах. Приводятся данные о резком уменьшении числа населенных пунктов, и показано, что ликвидация огромного мелких сельских поселений коренным образом изменила образ жизни и установки значительной части сельского населения. Усилилась миграция в города и обезлюдение сельской местности вместо восполнения ее трудовых ресурсов.

Ключевые слова: «неперспективные» села и деревни, укрупнение сел.

Abstract. The article examines the reasons and results of the politics of unpromising villages and settlements liquidation in Central Russia Region. The politics was due to the CPSU course to create large industrial settlements in rural area of Russia. Besides, there were objective circumstances for it: the increase of rural population migration which started in late 1950s and scarcity of labour at collective and state farms. The article presents the data of collapse of the rural settlements. It is stated that the liquidation of a huge number of rural settlements resulted in cardinal changes in rural population's way of life and aspirations. Instead of making up of rural resources there was an increase in migration to towns and depopulation of rural area.

Key words: unpromising villages and settlements, small settlements consolidation.

Началом кампании сселения «неперспективных» сел и деревень были появившиеся в 1960 г. «Правила застройки сельских населенных пунктов РСФСР», выпущенные НИИсельхозстроем Министерства сельского хозяйства СССР, где впервые появился термин «неперспективная деревня», и фактически одобрившее данный документ впоследствии постановление ЦК КПСС «Об упорядочении строительства на селе» от 1 сентября 1968 г. [4, с. 212-217]. Те же идеи лежали и в основе постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», намечавшего укрупнение сел и ликвидацию 114 тысяч населенных пунктов из 143 тысяч [4, с. 403-404].

Экономическую «целесообразность» и социальную «необходимость» кардинального изменения веками сложившегося сельского уклада, идею сосредоточения социально-бытового строительства только в перспективных селах и деревнях в 1960–1970 гг. обосновывали как ученые (социологи, прежде всего), так и целые ведомства.

Выполняя директивы партии, Стройбанк СССР не финансировал не только новое строительство, но и капитальный ремонт существующих зданий и сооружений в «неперспективных» селах.

Отнесение многих тысяч сел и деревень к категории «неперспективных» – а в РСФСР в этот разряд в 1960 гг. попали 70-80% сел и деревень [2, с. 19] – приводило к прекращению строительства в них новых и свертыванию имевшихся школ, небольших животноводческих ферм, магазинов, клубов, хлебопекарен, фельдшерских и акушерских пунктов, ликвидации автобусных маршрутов и остановок на малорентабельных направлениях, связывающих малые поселения с крупными¹, что в сущности означало вытеснение людей из привычных мест жительства. Это породило, вопреки прогнозам, интенсивную миграцию из мелких сел и деревень населения, особенно молодежи. При этом жители «неперспективных» поселений устремились, минуя «перспективные», в города. Таким образом, политика сселения «неперспективных» поселений дала обратный результат.

Особенно губительной отмеченная политика оказалась для Центрального района России (и для всего Нечерноземья), для которого характерна мелкоселенная система сельского расселения. Здесь в 1960-1970 гг. преобладали населенные пункты с численностью сельского населения до 500 человек. В начале 1970 гг. в Нечерноземной зоне доля таких поселений составляла 95,2 %, в Центральном районе – 96,1%, а населенных пунктов с численностью населения от 1000 человек до 3000 человек – 0,1 % соответственно [3, с. 146, 166]. Более того, в 1960–1970 гг. в центральном регионе было большое количество мелких сельских поселений с численностью до 50 человек. Удельный вес таких поселений в Калининской, Костромской, Ярославской, Тульской, Ивановской, Смоленской областях к началу 1970 гг. составлял около 62 %, а на долю мельчайших сельских поселений (с числом жителей до 15 чел.) приходилось более 20%², причем количество населенных пунктов с числом жителей до 15 человек с каждым годом увеличивалось в среднем на 3-4 %³.

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ). Ф. 5. Оп. 68. Д. 942. Л. 4.

² РГАНИ. Ф. 5 Оп. 62. Ед. хр. 237. Л. 8.

³ РГАНИ. Ф. 5 Оп. 62. Ед. хр. 237. Л. 9.

В силу мелкоселенной структуры сельского расселения, объем первоочередного сселения в начале 1970 гг. в Московской области составил 55 %, в Ярославской – 60 %, в Калининской – более 80 % существующих населенных пунктов [2, с. 19].

Недостаточность средств, нежелание людей покидать родные места были причинами того, что сселение протекало крайне медленно. В Ярославской области по схемам районных планировок предусматривалось в течение 1960-х гг. сократить число деревень почти на 6 тысяч. Однако количество мелких сельских поселений уменьшилось лишь на 533 населенных пункта⁴. Аналогичное положение складывалось и в других областях. Так, во Владимирской области пятилетний план (1976-1980 гг.) по переселению 5500 дворов в благоустроенные поселки был выполнен только на 38 %⁵. Несостоятельность политики ликвидации «неперспективных» сел и деревень становилась все очевидней.

Одним из основных теоретических положений, разрабатываемых многочисленными НИИ, занимающимися проектными работами по застройке сельских населенных пунктов (в Московской области, например, Мосгипронисельстрой), о целесообразности ликвидации одной части сельских поселков для укрупнения другой являлся тезис о том, что в более крупном населенном пункте ниже удельные затраты на его строительство и эксплуатацию (расчеты на условных моделях показывали, что, например, в поселках с 2500 жителей капитальные вложения – в расчете на 1 жителя – почти на ¼ ниже, чем в населенном пункте с 500 человек) [1, с. 22]. Но дело в том, что данный эффект достигался экономией капитальных вложений за счет инженерного оборудования, благоустройства, а также строительства культурно-бытовых зданий и сооружений. Именно по этим статьям расходов обеспечивалось почти 70 % всей экономии при укрупнении поселка от 500 до 2500 жителей и 87 % при укрупнении от 1200 до 2500 человек [1, с. 23].

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Ед. хр. 237. Л. 10.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 995. Л. 62; Ф. 17. Оп. 148. Д. 177. Л. 145.

Кроме того, в связи с ограниченностью ресурсов коренное преобразование перспективных сел возможно было лишь за 15-20 лет и более [2, с. 16]. А что касается начального этапа, то в эти годы перспективные села, как правило, мало чем отличались от «неперспективных». Поэтому поток мигрантов устремился не в «перспективные» села, а в города.

Политика ликвидации «неперспективных сел и деревень не учитывала социально-психологических факторов, что привело к росту оттока населения из сел. В условиях, когда сельские поселения отставали в социально-экономическом и культурно-бытовом отношении от города, интенсивность оттока сельского населения из мест с менее благоприятными условиями обитания в более благоприятные в значительной степени регулировалась психологическими факторами и, прежде всего, привычками, традициями, привязанностью к своему дому, селу, сложившемуся укладу жизни. Немалое значение имели родственные, соседские связи.

Поэтому ликвидация огромного числа сельских поселений коренным образом меняла образ жизни и установки значительной части сельского населения, которые наряду с другими факторами играют важную роль (а в неблагоприятных условиях проживания – решающую) в сдерживании миграции сельского населения.

В результате политики сселения «неперспективных» сел и деревень численность сельских поселений в России с 1959 по 1989 гг. уменьшилась на 139 тысяч, в том числе в Нечерноземной зоне – на 76 тысяч [5, с. 41].

Корни этой политики лежат в осуществлении курса на все большую концентрацию

сельскохозяйственного производства без учета реальных социально-экономических условий. Она и натолкнулась на непригодность для этого. Ликвидация огромного числа сельских поселений коренным образом меняла образ жизни и установки значительной части сельского населения, Политика ликвидации «неперспективных» сел и деревень была обусловлена не только курсом партии на создание в сельской местности крупных индустриальных поселений, но и объективными обстоятельствами усиливающейся с конца 1950 гг. миграции из села и нехваткой трудовых ресурсов.

Логическим продолжением идеи о «неперспективных» селах стало выдвинутое Н.С. Хрущевым в начале 1960 гг. предложение вместо индивидуальных домов в сельской местности вести строительство многоэтажных домов (не более пяти этажей).

Политика сселения «неперспективных» сел и деревень привела в действительности к губительным последствиям для сельской местности центральных областей России, что дало основание социологам сегодня выделить тип «обезлюдевшей среднерусской деревни», охватывающей 22 области Центральной России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беленький В.Р. Основы совершенствования сельского расселения Нечерноземной зоны.
2. Беленький В.Р., Федунова Г.Ф. Сельское расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. – М., 1975.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. – М., 1972.
4. Ленинская аграрная политика КПСС. – М., 1978.
5. Прошляков В.П., Гординский Я.П. Кто же их выдумал ... «неперспективные» деревни? // Достижения науки и техники АПК. 1992. – № 4.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323

Джантуева Ф.

*Центр социально-политических исследований
Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (г. Нальчик)*

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИТИНГА К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

F. Dzhantueva

*Centre of Social and Political Research at Kabardino-Balkarian
Scientific Centre of Russian Academy of Science, Nalchik*

KABARDINO-BALKARIA: FROM A POLITICAL RALLY TO A CIVIL SOCIETY

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы становления гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике и влияния национальных движений, зародившихся в конце прошлого века, на общественно-политическую ситуацию в республике. В статье впервые в политической литературе проанализированы причины противостояния титульных этносов и рассмотрена роль национальных движений в решении этих проблем. Автор заключает, что изучение национальных движений имеет существенное значение как для теоретического анализа формы политической активности, так и для выработки государственной политики в сфере отношений с общественными организациями.

Ключевые слова: гражданское общество, национальные движения, демократизация, общественная активность, институты гражданского общества.

Abstract. The article studies the issues of the civil society development in KBR and the influence of the national movement, which originated at the end of last century, on the socio-political situation in the country. The article is the first attempt to analyze the reasons of the confrontation between the titular ethnic groups and the role of the national movements in solving these problems. The author concludes that the study of national movements is significant both for the theoretical analysis of this form of political activity and for development of state policy in the sphere of relations with public organizations.

Key words: civil society, national movements, democratization, social activities, institutions of civil society.

Современная Россия – развивающееся, правовое государство, которое делает ставку на демократизацию общества. В этом процессе особая роль отводится гражданскому обществу, установлению диалога между обществом и властью. В связи с этим представляется актуальным изучение и анализ процессов, происходивших в сфере государственно-общественных отношений, предшествовавших этим процессам.

© Джантуева Ф., 2012.

Распад СССР, положивший начало преобразованию всех сторон жизни, усилил значимость национального фактора. Выразилось это в возрождении национального самосознания и самоидентификации, а также в росте межнациональных конфликтов, в ряде регионов перешедших даже в вооруженные столкновения.

Со второй половины 1980-х гг. голос национальных движений в стране стал более значим и заметен. Конечно, и до распада державы были попытки активизации гражданской позиции, но они имели единичный характер и были свойственны только отдельным группам людей – диссидентам. К концу 1980-х – началу 1990-х гг. гражданская инициатива во всех сферах общественной жизни стала расти. Для этого периода характерен рост числа общественных активистов и появление различного рода социальных движений.

Появляясь на правах институтов гражданского общества и требуя поначалу реализации социальных и культурных прав, национальные объединения со временем сформулировали политические притязания, которые приобретали в ряде случаев этнонационалистическую окраску [5, с. 55]. В итоге структуры, которые должны были способствовать становлению гражданского общества, стали играть дестабилизирующую роль в политической системе страны.

Становление институтов гражданского общества в Кабардино-Балкарии относятся именно к этому периоду – времени трансформации общества, «всплеска» этнической активности 90-х гг. XX в.

На начальном этапе развития гражданского общества в Кабардино-Балкарии преобладали идеи национально-культурного возрождения, а устремления гражданской активности ограничивались размытой идеей «успешного развития этноса», которая понималась как вмонтирование высоких технологий в «ткань» собственной этнической культуры.

Возникновение и деятельность национальных организаций в значительной степени предопределила «ход событий» и в межна-

циональных отношениях, и в отношениях с органами государственной власти [4, с. 515].

Особенно значимыми в осмыслении процессов становления гражданского общества в Кабардино-Балкарии являются вторая половина 1991 – начало 1992 гг. По данным Министерства юстиции Кабардино-Балкарии на 1 января 1992 г., в КБР официально действовали следующие национальные организации: «Адыгэ Хасэ», объединявшая 15000 членов, «Тёре»-2000, Демократическая партия – 500, партия Лига возрождения Балкарии – около 300, Республиканская партия-190 и партия Адыгский национальный конгресс – 100 членов [3, с. 38].

Из них наиболее авторитетными являлись «Адыгэ Хасэ» и «Тёре», влиявшие на политические процессы в целом. К ним, в зависимости от ситуации, периодически примыкали другие национальные и общественно-политические организации. Впоследствии часть из них объединилась и создала движение «Демократическая Кабардино-Балкария».

В мае 1991 г. в Нальчике была создана Международная Черкесская ассоциация (МЧА), определившая своей целью консолидацию черкесских организаций в РФ и за ее пределами и взаимодействие черкесов, проживающих в России, с мировой черкесской диаспорой. В 1990-е гг. Ассоциация активно участвовала в политической жизни, была очень авторитетной и влиятельной среди адыгов Северного Кавказа и диаспоры, фактически вырабатывала идеологию и стратегию черкесского национального движения и координировала работу черкесских организаций РФ и зарубежья.

Рассчитывая контролировать идеологический процесс в республике, власти КБР взяли МЧА под контроль. Однако из этого ничего не получилось. В 2000-е гг. роль Ассоциации стала практически незаметна: она превратилась в одну из многих протокольных организаций, малоинтересных кому-либо, кроме своих функционеров [8].

Экономические, политические и национальные проблемы, накопившиеся к тому времени в обществе явно проявились в пери-

од выборов первого президента Кабардино-Балкарии в январе 1992 г. Выборная кампания проходила в условиях острого системного кризиса. В балкарских населенных пунктах развернулась широкая агитация сторонников Национального совета балкарского народа и других организаций против участия в выборах. Представители казачества КБР не только бойкотировали президентские выборы, но и вообще грозились перейти под юрисдикцию Ставропольского края.

Ситуация усугубилась, когда 17 ноября 1991 г. съезд балкарского народа объявил о создании Республики Балкарии в составе РСФСР¹, а Верховный Совет КБССР поддержал данное решение. Вслед за этим были созданы Комитет по стабилизации политической ситуации в местах проживания балкарцев, «Движение за сохранение единства Кабардино-Балкарии», состоялся съезд народов Кабардино-Балкарии. Все они призвали население к сохранению республики и участию в выборах Президента республики. Однако Национальный совет балкарского народа не поддержал этих призывов.

Избрание 5 января 1992 г. первым Президентом республики В.М. Кокова не улучшило общественно-политическую обстановку². Камнем преткновения в споре между властью, национальными общественными объединениями и партиями стал вопрос о сохранении или разделении Кабардино-Балкарии, обновлении и демократизации общества. Другие споры были связаны со статусом республики в составе России и содержанием Федеративного договора, возрождением национальных языков, истории и культуры, расширением прав на осуществлении внешних связей, возвращением зарубежных соотечественников на историческую родину, созданием армии (гвардии) и т. д.

На современном этапе при новом пре-

¹ Декларация о провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа от 17 ноября 1991 года. // Центр документов новейшей истории КБР (далее ЦДНИ КБР). Ф. 2635. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

² Из решения первого съезда кабардинского народа «О восстановлении Кабардинской Республики» // ЦДНИ КБР. Ф. 2620. Оп. 1. Д. 705.

зиденте Канокове А.Б. произошло улучшение общественно-политической ситуации в республике. Однако в новых условиях остро стало ощущаться отсутствие у титульных народов республики общественных движений, которые оперативно реагировали бы на вызовы времени. Необходимость общественной экспертизы стала очевидной в ходе споров о реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года № 131.

«Раздражителем» национальных движений стал земельный вопрос и перекося, связанные с распределением так называемых межселенных территорий. В итоге общественность решила взять вопрос распределения земли в свои руки.

27 ноября 2010 г. состоялся съезд, который собрал до 150 делегатов из балкарских селений. Председатель общественной организации Совет старейшин балкарского народа (ССБН) и организатор мероприятия Исмаил Сабанчиев отметил, что «... положительных сдвигов в отношении улучшения жизни балкарского народа не наблюдается. Не решается земельная проблема, волнующая балкарцев...» [5].

Здесь необходимо отметить, что отношение к организации ССБН в республике неоднозначное. Организация несколько раз объявлялась экстремистской, но в суде доказывала законность своих действий.

Еще в январе 2008 г. Верховный суд Кабардино-Балкарии принял решение о запрете деятельности ССБН как экстремистской организации, но решение было обжаловано в Верховном суде РФ. 18 марта 2008 г. кассационная коллегия Верховного суда РФ отменила решение Верховного суда Кабардино-Балкарии о запрете деятельности Совета старейшин и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции [1]. Попытки прекратить деятельность Совета старейшин предпринимались и в дальнейшем.

В 2010 г. прокуратура республики вновь приостановила деятельность ССНБ. Это было связано с письмом, направленным председа-

телем исполкома Совета старейшин балкарского народа Оюсом Гуртуевым на имя бывшего полпреда в Южном федеральном округе Дмитрия Козака. В нем шла речь о социально-экономическом положении республики, а также содержалось несколько сообщений об ущемлении республиканскими властями конституционных прав балкарской части населения. По инициативе ССНБ в республике был проведен ряд массовых протестных мероприятий. Резонансным была объявленная старейшинами голодовка в июле 2010 г. в Ессентуках во дворе администрации СКФО и в Москве на Манежной площади. Последняя акция длилась более месяца, участники требовали исполнения 131-го Федерального закона, решения Конституционного суда, а также обеспечения защиты политических прав балкарского народа, в частности, о передаче горным населенным пунктам, преимущественно балкарским, отгонных пастбищ, которые ранее были в общем пользовании всех населенных пунктов республики.

Новым толчком к активизации деятельности адыгских общественников стало ускоренное принятие республиканским парламентом 31 октября 2009 г. законопроекта «О внесении изменения в Закон Кабардино-Балкарской Республики «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике». Ряд адыгских общественных организаций даже назвали происшедшее «предательством интересов народов КБР». В результате принятия закона балкарским населенным пунктам были переданы значительная часть земель, находившихся ранее в общем пользовании [2]. Эти законопроекты, прошедшие первое чтение в ноябре 2008 г., резко обострили общественно-политическую ситуацию в республике.

Ввиду массовых протестов адыгских общественных организаций рассмотрение законопроектов было приостановлено. Была создана согласительная комиссия при парламенте КБР для поиска компромиссных решений по выходу из ситуации. Выражая протест против передела пастбищных угодий, ряд адыгских общественных организаций потребовали

отмены всех земельных законов и поправок к ним, принятых с 2005 г., и полного пересмотра реализации земельной реформы.

Законодательный орган республики, руководствуясь желанием сохранить хрупкий мир в Кабардино-Балкарии, вынужден был пойти на поводу у национальных движений и принял закон «О порядке определения территорий использования земель в целях отгонного животноводства». Согласно ему земли отгонного животноводства, ставшие яблоком раздора между титульными нациями, остались в собственности республики. Принятый вариант закона стал компромиссным. До 2014 г. правительственная комиссия с участием общественности будет уточнять границы отгонных пастбищ, и по результатам работы этой комиссии будет создана точная картография [7].

Таким образом, всплеск гражданской активности в рамках национальных движений в конце XX – начала XXI вв. имел вполне объективные предпосылки: широкое распространение формальных образовательных и культурных навыков, возникновение новых идеологических парадигм, становление новых глобальных политических и социально-экономических реалий и т. д. В связи с этим национальные движения можно трактовать как устойчивую форму социального бытия, стремящуюся к приобретению своих институциональных форм.

На фоне вялотекущих социально-экономических и общественно-политических трансформаций в КБР произошло расширение и укрепление правового поля проявления инициатив и стремления граждан к мобильности: возникла объективная потребность в усилении прозрачности деятельности государственных органов и национальных движений и в координации их совместной деятельности, а следовательно, в оптимизации управленческих технологий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондаренко М. Балкарские старейшины отложили реванш // Независимая газета. – 2010. 28 марта.

2. Гусейнов О. Может стать поводом для серьезного конфликта // Газета Юга. – 2009. – 5 нояб.
3. Из истории становления гражданского общества в Кабардино-Балкарии (IV квартал 1991- I квартал 1992 гг.) // Архивы и документы. – 2011. – № 1 (42). – С. 36-53.
4. История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Отв. ред. Бгажноков Б.Х. – Нальчик, 2007. – 625 с.
5. Оразаева Л., В Кабардино-Балкарии участники съезда балкарского народа заявили, что земельный вопрос в республике не решается // (Электронный ресурс) URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru> (дата обращения 11.09.2012).
6. Проблемы региональной безопасности в полиэтничной среде: информационный бюллетень. Вып. 1. Информационная безопасность / отв. ред. В.М. Юрченко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т. – 2009. – № 1. – 144 с.
7. Шамакина С., Земельный компромисс не устроил ни кабардинцев, ни балкарцев // Кабардино-Балкарская правда. – 2011. – 26 июня.
8. Шмулевич А. Власть и общество на российском Кавказе. Черкесский пример [Электронный ресурс] // Адыгэ хэку [сайт] URL: <http://www.aheku.org/page.php?id=1634> (дата обращения: 4.09.2012).

УДК 342:25:316:47

Егунов Э.В., Матаев А.С., Попкова А.А.

*Тюменский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ – ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

E. Egunov, A. Mataev, A. Popkova

*Tyumen Branch of Russian Academy of People's Economy
and State Service at the President of the Russian Federation*

TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNING – METHOD OF INCREASING SOCIAL ACTIVITY OF POPULATION IN MUNICIPAL STRUCTURES

Аннотация. В данной статье представлен анализ территориального общественного самоуправления как механизма повышения социальной активности населения в муниципальных образованиях. Авторами разработаны индикаторы оценки эффективности территориального общественного самоуправления, а также сформулировано содержание данной социальной технологии с позиции повышения социальной активности и вовлечения населения в процесс управления территорией. Результативность применения технологии территориального общественного самоуправления в системе местного самоуправления подтверждена проведенным авторами исследованием.

Ключевые слова: местное самоуправление, местное сообщество, социальная активность населения, территориальное общественное самоуправление, социальная технология.

Abstract. The article presents the analysis of territorial public self-governing as a mechanism of increasing the social activity of population in municipal structures. The authors developed the indicators of assessment of territorial public self-governing efficiency. Besides, the content of this social technology is formulated from the point of increasing the social activity and the involvement of population in the process of exercising the administration of the trust territory. The effectiveness of the implementation of the territorial public self-governing method is proved by the research conducted by the authors.

Key words: local self-governing, local community, social activity of population, territorial public self-governing, social technology.

В настоящее время в рамках местного самоуправления существует механизм привлечения к решению социальных вопросов населения, проживающего на территории муниципального образования. Эта технология основана на активной деятельности населения в сфере организации и осуществления территориального общественного самоуправления.

Деятельность органов территориального общественного самоуправления регулируется Гражданским кодексом РФ (ст. 117 «Некоммерческие организации»), федеральным и региональным законодательством, а также нормативными актами муниципальных образований.

Понятие территориального общественного самоуправления четко определено в российском законодательстве. Так, в статье 27 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. оно определяется следующим образом: Территориальное общественное самоуправление (ТОС) – это «самоорганизация граждан для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив в вопросах местного значения непосредственно населением или через создаваемые им органы территориального общественного самоуправления» [2].

Полномочия ТОС, закрепленные в ФЗ № 131, предопределили роль органов территориального общественного самоуправления в качестве связующего звена между населением и администрацией муниципального образования. Наряду с общественной деятельностью ТОСы выполняют ряд административно-хозяйственных функций, которые не решаются органами местного самоуправления.

Одним из важных показателей жизнеспособности самоорганизующегося сообщества является число участников, готовых принимать участие в работе актива. Результаты проведенного исследования указывают на то, что в городе Тюмени такой резерв актива ТОС существует, и при соответствующей работе с ним может быть задействован даже на тех территориях, где в настоящее время органы ТОС отсутствуют.

Это свидетельствует о том, что идея территориального общественного самоуправления не является чуждой жителям Тюмени, и системный подход к его организации, без сомнения, способен дать значимый общественно-полезный результат.

Наиболее понятными населению сферами приложения коллективной активности в решении проблем территории являются:

- благоустройство дворовых территорий;
- организации досуга детей и подростков;
- при определенных условиях, решение проблем безопасности жизни и поддержания общественного порядка на территории проживания. Главный смысл деятельности органов ТОС активисты этого общественного движения видят в представлении интересов населения в органах власти, в объединении жителей для коллективного решения проблем территории проживания, а также формирования добрососедских отношений между членами территориального сообщества.

Таким образом, органы ТОС стали центрами, вокруг которых объединяются общественные организации, предприятия, учреждения и организации, расположенные в микрорайонах, для реализации совместных программ. Установились хорошие контакты с советами ветеранов и советами пенсионеров.

Анализ итогов работы органов ТОС показывает, что их привлечение к разработке вариантов решения тех или иных важных для населения вопросов, развитию форм контроля на этапах разработки и исполнения планов развития конкретного микрорайона, двора, дома, способствует развитию данных территорий. Именно ТОС дает возможность наиболее эффективного вовлечения и использования имеющихся ресурсов. С помощью населения решаются вопросы сохранности жилищного фонда, благоустройства и озеленения территории.

Главным стимулом активности населения, по мнению активистов ТОС, является результативность деятельности совета ТОС, а также более полное информирование жителей о проводимых акциях, мероприятиях, их целях и возможных формах участия.

Таким образом, активная деятельность органов территориального общественного самоуправления по вовлечению населения в процесс местного самоуправления приобретает большое политическое, экономическое и социальное значение для России.

Политическое значение состоит в возможности населения участвовать в решении вопросов местного значения как непосредственно, так и через органы местного самоуправления. Экономическое значение территориального общественного самоуправления состоит в возможности более эффективного привлечения населения к решению местных хозяйственных проблем, львиную долю которых призвана решать не столь давно провозглашенная, но уже вполне сформированная сфера муниципального хозяйства.

Социальное значение территориального общественного самоуправления состоит, прежде всего, в его ориентации на решение вопросов, касающихся удовлетворения основных жизненных потребностей населения муниципального образования на уровне государственных стандартов в тех социальных сферах, которые отнесены государством к ведению муниципальных образований.

Для оценки эффективности работы ТОС по разным направлениям выработан ряд ин-

дикаторов, по мониторингу которых можно оценивать результативность их функционирования (рис. 1).

Мониторинг данных индикаторов позволяет оценить эффективность функционирования ТОС на микро-территории города. В качестве системы шкалирования для качественной оценки данных индикаторов в динамике принимается отчетный период 5 лет. Выбор данного периода обусловлен тем, что это срок действия депутатов местного представительного органа. А в основу процентного определения качественных характеристик

положен тезис В. Глазычева о том, что лишь 5 % населения являются активным [1]. Таким образом, активизация деятельности ТОС по данным индикаторам свыше 5%, является отражением положительных качественных изменений по направлению активизации индивида и формированию местного сообщества.

Создание Советов ТОС продиктовано пониманием необходимости развития партнерских отношений между властью и обществом, без которых не может быть ни сильного государства, ни процветающего общества.

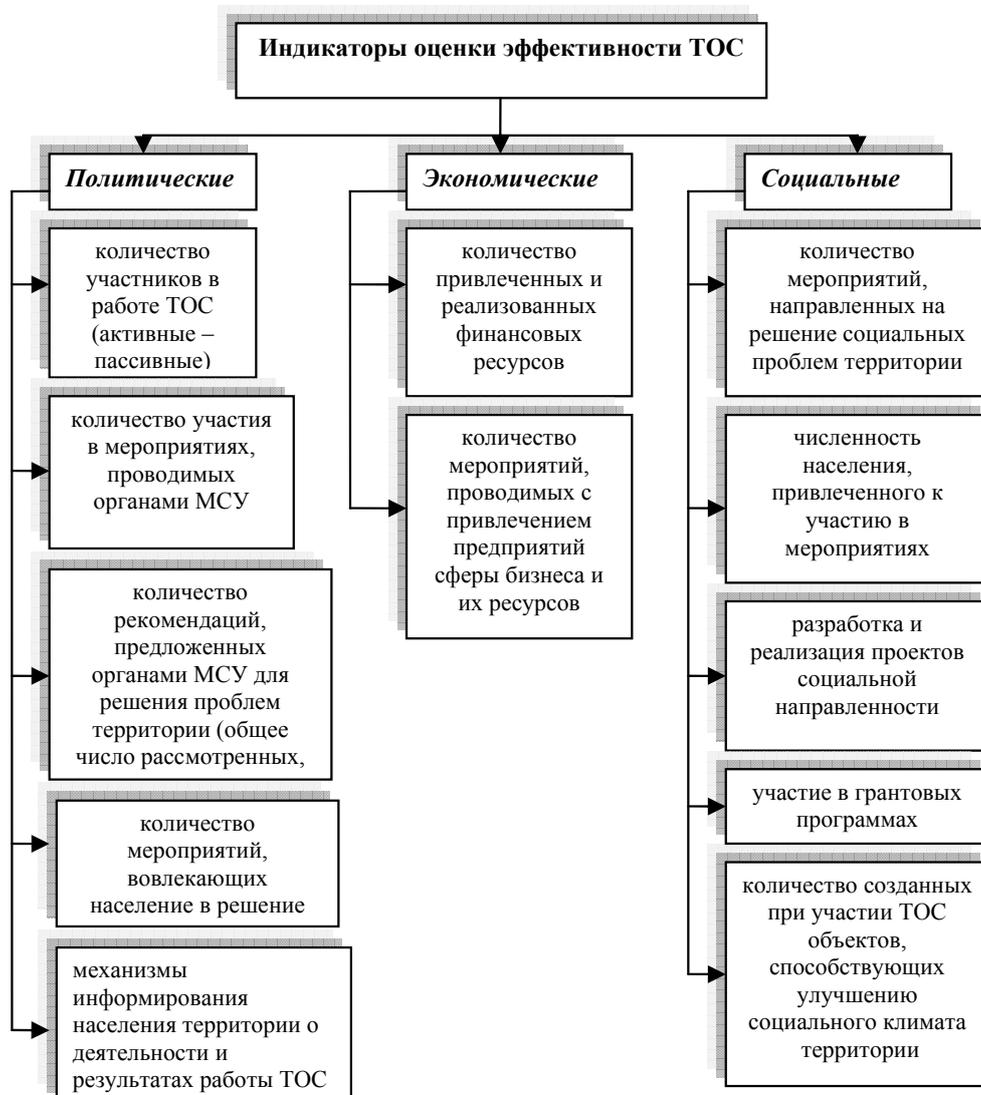

Рис. 1. Индикаторы эффективности ТОС

Анализ практики деятельности органов территориального общественного самоуправления показал, что в большинстве случаев с момента создания органы ТОС на практике смогли показать свою способность привлечения и использования усилий населения и средств предприятий и организаций различных форм собственности для решения социально-экономических проблем своих территорий. Советы осуществляют значительный объем полномочий, направленных на проведение благоустройства придомовой территории, контроль за содержанием жилого фонда, проведение культурно-досуговых мероприятий для жителей, привлечение населения к проведению субботников, оказание социальной помощи малоимущим, проведение приемов населения, информирование населения о деятельности органов местного самоуправления.

В органах местного самоуправления города Тюмени сложилась определенная система работы по развитию территориального общественного самоуправления, которая заключается в следующем (см. рис. 2):

Органы власти наиболее успешно решают вопросы жизнеобеспечения территорий, работая не просто с населением, а с организованным населением. Органы ТОС сегодня становятся центрами всей работы по месту жительства, выстраивая партнерские отношения с властью, населением, аккумулируя возможности самых разных организаций, а главное – возможности жителей.

Для определения влияния деятельности органа ТОС на население, проживающее на данной территории, было проведено исследование до организации территориального общественного самоуправления и после года активной работы совета ТОС. В качестве генеральной совокупности выступало население трудоспособного возраста, проживающее на территории функционирования ТОС «Молодые инициативы». Генеральная совокупность составляет 9200 человек. Объем выборочной совокупности составляет 90 человек, т. е. приблизительно 0,1% от числа генеральной совокупности.

Создание и функционирование территориального общественного самоуправления

Рис. 2. Основные направления работы органов местного самоуправления с ТОС

является реальной технологией повышения социальной активности населения. Это подтверждается результатами исследования:

- во-первых, деятельность органов ТОС способствует осознанию населением сущности местного самоуправления как самоорганизации граждан (поддержало 54,5% респондентов);

- во-вторых, органы ТОС способствуют развитию субъектно-субъектных отношений в управлении развитием города (36, 6% респондентов отмечают, что население может принимать участие в управлении городом);

- в-третьих, повышается значение общественных организаций как формы участия населения во властных отношениях (45,4%);

- в-четвертых, повышается уровень информированности граждан о формах участия населения в осуществлении местного самоуправления и степень непосредственного участия в них (возрос % опрошенных по информированности от 2 до 6 % в зависимости от варианта ответа, по степени участия от 5 до 8 %);

- в-пятых, растет число жителей, уверенных в том, что население может коренным образом повлиять на жизнь города (15%);

- в-шестых, население стало осознавать собственный организационный ресурс в отношении решения проблем города (28%);

- в-седьмых, поддерживается тезис о том, что активная гражданская позиция способствует улучшению ситуации в городе (85%).

Анализ деятельности органа ТОС «Молодые инициативы» доказал, что территориальное общественное самоуправление является эффективным механизмом вовлечения граждан в процесс управления развитием города. Существует реальная необходимость внедрения практики функционирования территориального общественного самоуправления для комплексного развития города «снизу», что характерно для практики муниципального управления многих стран мира.

Территориальное общественное самоуправление как социальную технологию можно представить в виде следующей схемы (см. рис. 3):

Территориальное общественное самоуправление помогает улучшить социальный климат определенной территории и решить некоторые социальные проблемы путем включения в данный процесс политически активного индивида, используя его неисчерпаемый потенциал.

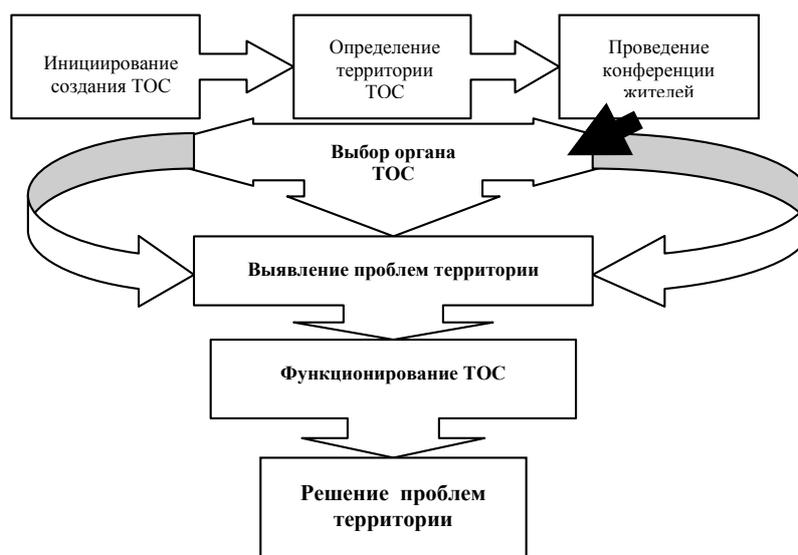

Рис. 3. Территориальное общественное самоуправление как социальная технология

Таким образом, с помощью ГОСов, как одной из технологий местного самоуправления, решается ряд проблем территории и преодолевается главное препятствие в развитии местного самоуправления – низкая информированность и пассивность населения.

Территориальное общественное самоуправление, с одной стороны, является законодательно регламентированной формой, встроенной в систему местного самоуправления, с другой – деятельность территориального общественного самоуправления является соци-

альной технологией, способной вовлечь население в процесс управления территорией. При этом решается главная проблема реализации существующих технологий – их узконаправленность в решении социальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глазычев В.Л. Высвобождение городов. URL: <http://www.glazychev.ru> (Дата обращения: 20.08.2012).
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

УДК 322

Растимешина Т.В.

*Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»*

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

T. Rastimeshina

National Research University of Electronic Technology, Moscow

THE INFLUENCE OF THE CULTURAL HERITAGE POLICY ON THE POLITICAL CULTURE OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Аннотация. Автор статьи выдвигает тезис, что историческая память является одним из важнейших оснований легитимности государственной власти в России. Российская власть привержена схеме уничтожения – производства историцистских схем прошлого. Культурное наследие используется как часть механизма их конструирования. В настоящее время актуальными для власти являются великодержавная модель истории и образ «народной монархии». Однако такой подход к политике памяти и культурного наследия приводит к архетипизации и архаизации политического сознания российского общества.

Ключевые слова: государственная власть, культурное наследие, легитимность, политический кризис, историческая память, политическая культура.

Abstract. The author of the article puts forward the thesis that the historical memory is one of the important bases of legitimacy of state power in Russia. The Russian government uses the scheme of destruction, i.e. it produces historical schemes of the past. The cultural heritage is used as a part of the mechanism which reproduces such schemes. Currently the great-power model of history and the image of «the people's monarchy» are relevant for the state power. However, such an approach to the politics of memory and cultural heritage makes the political consciousness of the Russian society archaic and archetypical.

Key words: the state power, cultural heritage, legitimacy, political crisis, historical memory, political culture.

© Растимешина Т.В., 2012.

* Статья отражает личную позицию автора и опубликована в порядке научной дискуссии.

Историческую память в российской политике можно рассматривать как пространство борьбы различных политических сил за обладание правом на интерпретацию общего (государственного, национального) прошлого. Как правило, государство побеждает в этой борьбе и контролирует большую часть историко-информационного пространства, монополизировав право на использование памяти как политического ресурса.

Если европейцы осваивают и присваивают прошлое, то российская власть иногда выказывает приверженность схеме уничтожения – производства. В этих случаях память о прошлом в российской системе власти замещается и подменяется различными историческими схемами, которые производятся, реконструируются и предлагаются нации в качестве матрицы для восприятия исторического прошлого.

Связь культурного наследия с государственной памятью прослеживается через символическую природу власти и символические же пути и инструменты ее воспроизводства. Правящая элита, испытывая потребность в стабильности власти и самовоспроизводстве, укрепляя основания легитимности, апеллирует к управляемым посредством различных «посланий», в которых закодированы идеи и смыслы идеальной (необходимой, обоснованной, богоданной и т. д.) власти. Эти идеи и значения, если они гармонируют с существующим в настоящем образом власти, способствуют гармонизации отношений общества и власти. В культурном наследии закодированы символы русской власти, модели «идеальной власти в России», поэтому государство стремится к сохранению и предъявлению обществу, в первую очередь, тех объектов наследия, в которых эти символы сконцентрированы в максимальной степени. Символическая легитимность – дополнительное и немаловажное основание легитимности, которое делает политическую власть устойчивой к внешним и внутренним кризисам. Поэтому политика в отношении культурного наследия – это не только политика охраны, но и технологии эксплуатации символического ресурса исторических и культурных

памятников: технологии *конструирования, подчинения, интерпретации, акцентуации культурного пространства.*

Так, забвение определенного исторического периода или наиболее трагических и драматических моментов истории осуществляется через деактуализацию связанных с ними объектов культурного наследия: они могут быть уничтожены или оказаться на периферии социокультурного пространства. Статус культурного наследия как инструмента символической легитимации власти за многие десятилетия позволяет рассматривать объекты культурного наследия, в том числе, как атрибуты власти, а сферу культуры – как пространство укрепления легитимности политических режимов.

Актуализация памяти как политического инструмента, как правило, в России сопровождает политические процессы радикальных реформаций и революций – смут. В период «смуты» 1980-х–1990-х годов XX в. интерес к истории государства был необычайно высок, все политические силы активно интерпретировали политическое прошлое. «Перелицевание» прошлого привело к его обесцениванию, а поколение, на сознательную гражданскую жизнь которого пришлось экспериментировать с государственной памятью, формировалось в ситуации кризиса памяти и пространстве «обратной» идентичности, когда одно прошлое уже было признано деактуализированным, а другое еще не в полной мере сконструировалось.

Поэтому в 2003 г. государство вновь вернулось в пространство борьбы с различными политическими силами за общенациональную память. Оно решительно заявило свое право на интерпретацию истории с точки зрения национально-государственных интересов, то есть формировать определенную картину государственной памяти на основе исторический схемы великодержавности и национал-патриотизма [7, с. 24] и строить образ верховной власти на основе модифицированной схемы «народной монархии», в которой народные истоки верховной власти

непротиворечиво сочетаются с сакральными. Решительное возвращение государства в политику памяти, в частности, фиксируется словами В.В. Путина, которые он произнес еще в 1999 г.: «Что касается национальной стратегии, то мы <...> хотим одного: чтобы Россия стала великой державой» [4].

В осуществлении стратегии национально-патриотического возрождения России ближайшим внутривластным партнером государства стала Русская Православная церковь, активно возрождающаяся и активизирующаяся в последние годы. В идеологии нациестроительства политизированное православие и культурное наследие церкви выполняют функции, сходные с теми, которые они выполняли во второй половине XIX в.: за счет использования информационного и символического потенциала традиционной религии политический режим символически «отмежевывается» от западного либерализма, повестка дня российской политической жизни дополняется национальной спецификой, создается образ истинно национальной власти, укрепляется фундамент легитимности [8; 9].

Роль культурных ценностей и объектов наследия в реализации стратегии национально-патриотического возрождения довольно велика. В последние десятилетия культурное наследие Церкви стало активно вовлекаться в конструирование «культурного кода» и великодержавной модели памяти и истории. Культурное наследие Церкви в политическом и социокультурном дискурсе стало использоваться как выражение этноисторической самости российской государственности, неповторимости и величия исторического пути русского народа, религии и религиозной материальной культуры, системы ценностей, ментальности нации. В конце 1990 – начале 2000 гг., в некотором смысле, часть церковного наследия прошла идеологическое одобрение государством как свидетельствующее в пользу концепции национального своеобразия и величия. Социокультурный вакуум стал заполняться нациоисторицистской моделью, «декорированной» храмами, иконами и религиозной мифологией.

Культурное наследие Русской православной церкви играет особую символическую роль в создании образа современной российской власти – «народной монархии» нового образца, обеспечивая обществу и государству утоление «жажды прошлого», удовлетворение потребности в истории, поддерживая линию «продолженности власти» [10, с. 115]. Посредством культурного наследия современная политическая система «встраивается» в историческое время: Московское царство – Российская империя – современная Россия. Благодаря культурным атрибутам, символам православия и великодержавия у граждан появляется возможность рассмотреть образ современной власти в его проекции на прошлое и найти конструктивные совпадения.

Однако своеобразие движения во времени российского государства и народа определяет и отношение к культурному наследию, с одной стороны, и эффекты его влияния на картину времени, с другой.

В современной России актуализация религии, «насыщение» социокультурного пространства религиозными знаками и символами является одним из тревожных симптомов притормаживания демократического транзита. Уже сегодня мы можем наблюдать архетипизацию и архаизацию политического сознания россиян. Периоды политической активности граждан (выборы) иллюстрируют эскалацию коллективного бессознательного. Однако такая «религиозность» не имеет ни малейшего отношения к декларируемому возрождению духовности.

Рационалистическую оправданность воплощения историцистской схемы великодержавности в современной России многие видят в идеях возрождения духовности и возвращения к утраченным корням культуры. Однако если государство и гражданское общество стремятся к формированию в России нации-государства, в основе которой лежит полиэтничность и поликультурность, то акцентуация русского православного этнизма может оказаться тенденцией, противоположной и препятствующей этому процессу. Тем более, что у России, вопреки создаваемо-

му историцистскому мифу, не было и не могло быть всеобщей универсально приемлемой истории. Одни и те же исторические события представителями разных регионов, конфессий, этносов, социальных групп всегда рассматривались в России по-разному, порой – с противоположных позиций. Априорные идеологические акценты и оценки неизбежно приводят к формированию упрощенно-уплощенной схемы, неприемлемой для многих субъектов социальных и политических отношений. Архаизация национальной истории, насыщение социокультурного пространства консервативными архетипами укрепляют не только национал-патриотические настроения, но и этнизм и ксенофобию.

Конструируя модель великодержавного прошлого, государство опирается на императив избирательности, подбирая те объекты культурного наследия, которые в наибольшей степени соответствуют эпитету «наши». Архитектурные сооружения, иконы и нематериальные объекты православного культурного наследия идеально вписываются в модель национальной великодержавности. Современная политика использует и дискурсивно присваивает православные объекты культурного наследия, освобождая их от присущей им имманентной сложности и материальной неотнесенности к постюсторонним – социальным – действиям и отношениям. Они превращаются в простейшие по своей конструкции и содержанию носители идей и символов православия – великодержавия – национального величия, которыми насыщается публичное политическое пространство. Однако такой подход к эксплуатации наследия церкви может угрожать сковыванием творческой и духовной деятельности, направленной на осмысление и раскодирование символов и прочих кодов, заложенных в культурных посланиях из более или менее далекого прошлого.

Итогом такого подхода может стать и потребительское отношение общества к культуре, опрощение внутреннего мира граждан, его схематизация, мифологизация и примитивизация. Уже сегодня исследователями фиксируется следующее противоречие:

«с одной стороны, имеет место устойчивый рост посещаемости учреждений и памятников культуры, внедряются новые интерактивные, эмоционально-зрелищные формы взаимодействия с культурным посетителем, наблюдается интенсификация культурного туризма, развиваются межкультурные коммуникации» [3, с. 4]. Вместе с тем наблюдается «снижение глубины освоения культурного наследия, формируется поверхностность, клиповость, интерпассивность, эгоизм и презентизм восприятия массового зрителя, стирание культурных различий и исчезновение целых культур» [3, с. 5]. Иными словами, российские граждане не проявляют готовности стать активными субъектами восприятия и интерпретации художественно-культурной реальности, деятельными посредниками в диалоге прошлого и будущего. Они не готовы к культурному диалогу, им не близка память об историческом прошлом страны как историческая преемственность.

Отрицательные социокультурные эффекты усугубляются тем, что политизированное отношение общества к культуре проецирует объекты культурного наследия не на вечность, а на краткий отрезок времени, в рамках которого его символический ресурсный потенциал следует максимально полно использовать, конвертировать в другие политические ресурсы.

Культурное наследие при такой обрывочной, форсированной, избирательной и непоследовательной эксплуатации не образует пространства, в котором у россиян возникло бы стойкое ощущение преемственности поколений и уважения к традиции и памяти предков. Искусственно и форсированно воспроизведенные образы прошлого, сконцентрированные в срочно «отреставрированных» памятниках культуры, в настоящее время оказываются собранными в одном месте обрывочными, порой – взаимоисключающими элементами, никак не синтезируемыми в единую картину прошлого. В итоге эклектичная, поверхностная и избирательная картина псевдо-старины оказывается иллюстрацией равнодушия российской власти и российско-

го народа к подлинной, существовавшей в реальности и принадлежащей нашим предкам истории. Она ярко свидетельствует о приверженности стратегии уничтожения – воспроизводства истории, при стойком безразличии к подлинному прошлому.

Это приводит к тому, что граждане по отношению к объектам культурного наследия ориентированы в абстрактное мифологизированное и предельно упрощенное, причем раз и навсегда ушедшее, прошедшее, минувшее и невозвратное прошлое. Они не воспринимают само наследие как совокупность конкретных, существующих в настоящем, здесь-и-сейчас объектов охраны, к которым следует бережно и трепетно относиться в настоящем и максимально неизменно передать будущим поколениям. Граждане не чувствуют себя обладателями прошлого-настоящего, частью механизма преемственности-непрерывности истории, посредниками между прошлыми и будущими поколениями.

Еще один немаловажный эффект от проводимой политики состоит в том, что россияне отчуждены от своей памяти и истории, не воспринимают культурное наследие и само время как контекст своего существования в пространстве истории, не ощущая себя внутри него. Как пишет Б. Дубин, «средний житель России, по его собственным ощущениям, не хозяин своего времени, поэтому он его плохо помнит, слабо предвидит, почти не планирует, даже не старается предугадать. Он видит лишь сегодняшний, самое большее – завтрашний день, а об остальном предпочитает не задумываться либо полагается на судьбу и случай» [2, с. 149].

Закономерно, что граждане не проявляют готовность защищать свою материальную историю: они равнодушны к разрушению памятников и целых исторических ансамблей, кварталов жилых домов, признанных государством или городскими властями «ветхими», они привыкли и готовы к тому, что на месте разрушенного до основания храма может быть возведен новый – лучше, больше, красивее прежнего. Мы вынуждены констатировать, что современные россияне лишены

понимания того, что «новоделы» не тождественны подлинным, утраченным памятникам, что при таком – сиюминутном, потребительском отношении к культурному наследию, и нынешнее и все будущие поколения лишаются истории в ее подлинном виде.

Такая парадигма восприятия истории и культуры характерна для архаичных обществ. Представляется, что здесь проявляет себя тот концепт, который заложен в государственной политике памяти и культурного наследия: имеет место ожидаемый и искомый эффект архаизации, формирования гражданского общества без прошлого. Россиянам свойственно такое восприятие исторического времени, которое было присуще античной и средневековой культуре. Из него выведены такие категории, как прошлое, последовательность, поступательность, преемственность, кумулятивность, наследование. Прошлое смоделировано как нечто статичное, синкретичное и в неизменном виде воспроизводимое в настоящем. В этом отношении, сама идея истории в российской политической культуре носит не линейный, а циклический характер. Схематизированно-упрощенное прошлое не наследуется в виде опыта и достоинства, оно воспроизводится в таком же неизменно упрощенном виде.

Историцистский подход свидетельствует о незаинтересованности элит в самостановлении граждан в истории и культуре. Он препятствует тому, чтобы культурное наследие стало полновесным явлением социального и политического сегодня, включению его ценностно-смыслового, морально-нравственного, эстетического, историко-политического потенциала в число ресурсов гражданского общества. Культурное наследие, существуя, оказывается «закрытым» для проникновения в него. Этот подход защищает государство от того, что гражданское общество вернется к болевым точкам и трагическим ошибкам прошлого, даст им нравственную и гуманистическую оценку и результаты этого проникновения перенесет в пространство современной политики. Глубинное проникновенное восприятие прошлого, нравственная актив-

ность, критичность могут быть перенесены на восприятие современной политической реальности, процессов социальных изменений, отношений властвования. Однако в таком эффекте от восприятия культурного наследия государство не заинтересовано. Элиты предпочитают сохранить монополию на постановку и решение социально-практических задач, минимизировать угрозу активизации населения.

Общество привыкло видеть полезность и эффективность политики забвения, стратегии разрушения - конструирования, поскольку на этапе забвения можно в полной мере реализовать свою потребность в избавлении от страхов, памяти об ошибках, преступлениях, угрозах, неверном выборе. Российское государство и российский народ предпочитают молчать о прошлом, чтобы не проживать его, избавляться от «неудобных» памятников, поскольку общество парализовано страхом, опасаясь, что памятники как свидетели начнут настойчиво свидетельствовать об ужасном, преступном, не подлежащем огласке. Вместе с тем, не проживая прошлого в настоящем, не расплачиваясь по счетам истории за ошибки и преступления даже национального масштаба, общество вынуждено повторять их снова и снова, на каждом новом цикле истории. Поэтому в русском этом мире, по выражению М. Мамардашвили, всюду гуляет гений повторения зла.

За манипуляцией историей, в том числе, скрывается потребность массового сознания в прощении и схематизации морального и этического, желание препарировать все события, разделив их на «хорошие» и «плохие». Россияне предпочитают конструировать прошлое, которое кажется им «должным». В связи со схемой «должного» реставрируются объекты культурного наследия, которые вписываются в ту картину прошлого, которая рассматривается как удобная и актуальная. Если «должное прошлое» не находится, его создают. Тем самым обеспечивается «негативная стабилизация», фиксация общества в положении «привычное – должное прошлое – соответствующее ему настоящее». В правиль-

ном прошлом четко выделены периоды опасного – рискованного, преступного. Далеко не все периоды и события удается в полной мере вытеснить и забыть, если стратегия вытеснения не срабатывает, такие события и периоды «маркируются» как зоны избегания. Другие периоды, напротив, маркируются как зоны символического притяжения, коллективной мобилизации, соответственно – позитивной идентификации. Поэтому и содержательная сторона культурного наследия организуется государством как прямолинейное указание на правильность или неправильность исторического события, с которым оно связано. Еще более прямолинейны памятники-символы (мемориалы).

«Негативно» маркированное прошлое – это, как правило, моменты всеобщей беды, общенационального горя и всеобщей радости по поводу преодоления испытания, победы над трудностями. Для российских граждан важнейшим периодом коллективной мобилизации является Великая Отечественная война. Естественно, что государственные идеологи активно содействуют воспроизводству мифологизированной исторической памяти, «отсылая» тем самым граждан к моменту единения. При этом в качестве инструментов используются художественные памятники. В их числе все больше часовен и храмов, посвященных победе русского оружия и ратному подвигу воинов. Повышение политической роли РПЦ, укрепление партнерских связей с государством, актуальное в настоящем и соответствующее прогнозам элиты в отношении будущего заставляет «подгонять» прошлое под эту модель. Объекты культурного наследия играют роль символических маячков, «высвечивающих» и преувеличивающих значение церкви в главной победе России в XX веке.

Декорирование великодержавной картины прошлого иконами, храмами, монастырями, псевдо-христианской мифологией и другой религиозной атрибутикой делает сами объекты культурного наследия элементами массовой культуры. Наряду с другими элементами (ток-шоу, популярной музыкой,

дешевыми сериалами, развлекательным кино и беллетристикой) они выполняют социально-компенсаторную функцию. Обыватели, потребляющие продукцию массовой культуры, становятся более податливыми, доверчивыми, управляемыми, покорными, поскольку они интериоризуют «тот миф, в согласии с которым они готовы терпеть все, что угодно, но без которого они всегда будут чувствовать неполноту жизни и вследствие этого злиться и буйнить» [6, с. 318].

С этих позиций, объекты культурного наследия РПЦ являются не чем иным, как вездесущим и универсальным инструментом «продвижения» государственной картины великодержавного прошлого и настоящего, а историко-культурное пространство реальности обретает новые очертания: человек не может укрыться от всепроникающей рекламы и независимо от своих желаний и потребностей поддается ее манипулятивному эффекту.

Рассуждая в данном направлении, мы наталкиваемся на парадокс. В таком «упрощенном» виде объекты, созданные как посвященные Богу, оказываются инструментом деформации общественного сознания, превращающим «сонные большинства в одну громадную, неорганизованную, бесструктурную массу озлобленных индивидов» [1, с. 145]. Добавим от себя, что потенциальная опасность этой толпы усиливается тем, что она вооружена лозунгами о величии русской нации, «Москве – третьем Риме», не задумываясь об их значении и содержании. По большому счету, этот парадокс нас выводит к тезису, что культурное наследие РПЦ может стать фактором эскалации экстремизма.

Еще один отрицательный эффект политики в отношении наследия состоит в следующем. Российское настоящее насыщено информационно-символическими конструкциями, указывающими на святость, религиозность, богоизбранность русского народа. Транслируемые самими объектами культурного наследия, умножаемые средствами массовой информации, они прочно проникают в общественное сознание. Эти образы-симулякры воспринимаются как подлинное про-

шлое и подлинное же настоящее, причем статичное, неизменное, раз и навсегда данное, надстоящее, неприкасаемое. В результате, у российского общества даже не возникает потребности «работать» с транслируемыми схемами-мифологемами, критически соотносить их с настоящим. Россияне не могут спорить и преодолевать прошлое, поскольку оно не настоящее, а виртуальное.

В отношении первой мифологемы – о «православии» русского народа. Ни государство, ни церковь, ни сами граждане не имеют опоры и потребности в преодолении этого мифа и действительном развитии духовности на основе критического анализа истинного прошлого и подлинного настоящего состояния духовной сферы нации. Не происходит развития духовности через кризис и преодоление религиозности. Это путь, который европейское сознание тяжело преодолевало более ста лет – от ницшеанской декларации смерти Бога до возврата к духовным и религиозным ценностям на новом витке социального прогресса.

В отношении второй мифологемы имеет место аналогичная ситуация. Ни государство, ни РПЦ не пытаются спорить с историей по поводу роли церкви в общественной жизни. Вместо поисков нового места, ролей и функций института церкви в настоящем и будущем России, вместо конструктивного диалога общества – церкви – государства и поиска новых форм конструктивного взаимодействия, все стороны «подгоняют» себя-настоящих под прошлое-симулякр. Таким образом, неприятие прошлого, нежелание его знать, понимать, интерпретировать и *преодолевать превращается в возвратное движение к удобной искусственной схеме*. В этом отношении и церковь, имея потенциал к развитию политических ролей и социальных функций, предпочитает оставаться в настоящем «самозванцем» из искусственного прошлого, причем утверждаться в настоящем, не предлагая совместного пути к будущему, а апеллируя к плоскому, декоративному, но бессодержательному прошлому. Общество, в свою очередь, вынуждено не рассматривать совместные перспективы, но мириться с мифами и уживаться внутри них.

Таким образом, церковь никак не сможет открыть свой потенциал движению к будущему, в том числе политическому. Она сама останется производным от той картины прошлого, в которую пытается вписаться. Общество же вживается в мифы-схемы, поскольку другой истории у него все равно нет.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М.: Центр-Ком, 1996. – 672 с.
2. Дубин Б. Конец века // Дубин Б. Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. – М.: Новое издательство, 343 с.
3. Каменский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках. Автореф. ... канд. культур. – Екатеринбург, 2009. – 24 с.
4. Левин К. Национальная идея Путина // Коммерсантъ. – 1999. – 24 декабря.
5. Манн Т. Доктор Фаустус. – М.: Издательская группа АСТ, 2009. – 570 с.
6. Пелипенко А.А. Динамика эстетической компоненты в поколениях рубежа XX-XXI вв. // Поколение в социокультурном контексте XX века / отв. ред. Н.А. Хренов. – М.: Наука, 2005. – 631 с.
7. Сергеев С.М. Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – М.: Скимень, 2004. – С. 24-36.
8. Dollinger H. Das Leitbild des Bürgerkönigtums in der europäischen Monarchie des 19. Jahrhunderts // Karl Ferdinand Wemer (ed.), Hof, Kultur, und Politik im 19. Jahrhundert. – Bonn, 1985. – P. 325-362.
9. Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. – Cambridge, 1990.
10. Noble T. Social theory and social change. – N.Y., 2000.

УДК 32.001

Рудакова Е.Н.

Российская таможенная академия (г. Люберцы)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

E. Rudakova

Russian Customs Academy, Lyubertsy

ESSENCE OF RUSSIA'S EDUCATIONAL POLICY UNDER CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Аннотация. Современная образовательная политика может стать мощным фактором социального, культурного, политического обновления нашей социальной системы, поскольку выступает не только объектом, но и субъектом модернизации.

В статье автор рассматривает многовековой исторический опыт России в развитии и совершенствовании системы обучения и воспитания, анализирует современные политические аспекты реформирования и модернизации образовательной системы страны. Обращает внимание на то, что модернизация образования – это политическая и общегосударственная, общественная и общенациональная задача, она не должна и не может осуществляться как ведомственный проект. Активными субъектами образовательной политики должны стать все граждане России, семья и родительская общественность, профессионально-педагогическое сообщество, научные, культурные, коммерческие и общественные институты – все, кто заинтересован в развитии образования.

Ключевые слова: образование, образовательная политика, реформирование, модернизация, государство, общество.

Abstract. The article deals with the specific features of educational process in Russia. The author takes into account both the conditions promoting effective activity in educational sphere and the conditions negatively affecting this sphere. The article determines some external and internal factors of modern educational policy determination. Besides, some possible directions of formation of a perspective educational system under conditions of globalization are given. The author considers the foremost task of the educational policy under conditions of globalization to be: the achievement of contemporary quality of education; its compliance with what is actual and perspective for personality, society and state; its organic entry into the international educational system.

Key words: educational policy, educational process, globalization, reforming, reformation, perspective educational system.

Государственная власть в России всегда уделяла значительное внимание проблемам образования, однако характер образовательной политики в различные периоды был разным. Российская система обучения и воспитания прошла сложный путь развития и совершенствования. Христианизация Киевской Руси, начавшаяся в 988 г., стала мощным стимулом развития образования: в стране стали применяться методы, заимствованные из античных греко-римских школ, а также начала формироваться новая самобытная культура. Профессионализация образования развивалась благодаря реформаторской деятельности императора Петра I, заложившего основы систематического образования в России. В стране были созданы духовные, военные, инженерные, цифирные и другие школы. Дело Петра I продолжила Екатерина II, способствовавшая открытию городских школ, училищ, Российской академии, внедрению классно-урочной системы.

Демократическими начинаниями в области образования ознаменовалось начало XIX в. – этому способствовала новая система народного образования и управления учебными заведениями, согласно которой стала соблюдаться преемственность учебных заведений, вводилась бесплатность и бессловность образования (не распространявшаяся, впрочем, на крепостных). В конце XIX в. наметились проблемы, актуальные и по сей день. Одной из важнейших – является создание национальных школ с целью сохранения культуры и традиций малых народов.

После Великой Октябрьской революции 1917 г. целью реформирования образовательной сферы было провозглашено формирование мировоззрения свободных членов общества. В июле 1918 г. был принят декрет «Об организации дела народного образования в РСФСР», определивший не только основные принципы организации народного образования и его государственность, но и отменивший сословные, религиозные, национальные ограничения в образовании, что позволило ввести единую систему бесплатного двухступенчатого обучения. «Положение о единой Трудовой школе РСФСР», опубликованное в октябре 1918 г., было ориентировано на соблюдение преемственности между звеньями системы образования, построение обучения на основе сочетания с производительным трудом. Целью государственной политики стало обеспечение всех слоёв населения доступным средним и высшим профессиональным образованием, которое было необходимо для будущей форсированной индустриализации страны. С 1922 г. (заключения «Договора об образовании СССР») вопрос об образовании стал приоритетным для молодого государства. Несмотря на все трудности восстановления народного хозяйства после Гражданской войны, на развитие образования выделялись крупные денежные средства. Система образовательных учреждений в виде начальной и средней школы, сложившаяся к середине 1930-х гг., просуществовала с незначительными изменениями не одно десятилетие.

Государственная образовательная политика к середине 1980-х гг. все более принимала форму деклараций, а в самом образовании господствовали технократические подходы.

Появившиеся в период перестройки негативные тенденции общественного развития сказались и на образовании: сокращение бюджетного финансирования образовательной сферы на 60% привело к превращению образования в одну из проблемных сфер государства. В 1990-е гг. негативные тенденции развития проявились еще отчетливее. Разрушение единого образовательного пространства СССР, отсутствие адекватной стратегии развития страны, чрезвычайно низкое бюджетное финансирование государственных высших и средних учебных заведений, свертывание фундаментальных и прикладных исследований, разрушение научных и педагогических школ, снижение статуса ученого и педагога привели к утрате многих достижений отечественного образования.

Начало процессу реформирования образования положил Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования РСФСР» (1991 г.), а затем Федеральный Закон «Об образовании» (1992 г.). Документы зафиксировали государственно-общественный характер управления образованием, его общедоступность и автономность, установили федеральные государственные образовательные стандарты.

Вторым этапом российской образовательной реформы стало формирование Федеральной программы «Развитие образования в России» (1994 г.). Внесенные в Закон РФ «Об образовании» (1996 г.) поправки сформулировали основные направления национальной системы образования, в соответствии с которыми провозглашался «гуманистический проект» образовательной деятельности: воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, приоритет общечеловеческих ценностей, защита и развитие в системе образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей многонациональной России и пр. В это же

время были приняты и другие нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность сферы образования. В «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», утвержденной Указом Президента от 01.04.1996 г. № 440, был определен курс на обеспечение сбалансированного решения социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей. В Законе «О высшем и послевузовском образовании» от 22.08.1996 г. №125-ФЗ был зафиксирован принцип автономии и свободы высших учебных заведений.

Третий этап реформ характеризуется принятием Постановления Правительства РФ «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» – основополагающего государственного документа, устанавливающего прерогативу образования в государственной политике, стратегию и основные направления его развития. Доктрина провозглашает приоритетной целью приобретение Россией статуса великой державы в сфере образования, культуры, искусства, науки, высоких технологий и экономики, а также обеспечение высокого качества жизни народа и национальной безопасности. Сроки, на которые рассчитана реализация Доктрины образования, – 25 лет. Согласно Доктрине, система образования должна обеспечить выполнение таких основных целей, как:

1) историческая преемственность поколений, развитие национальной культуры, патриотическое воспитание детей и молодежи, их разностороннее и своевременное развитие;

2) организация учебного процесса с учетом современных достижений науки, непрерывность образования в течение всей жизни человека, вариативность образовательных программ, направленность на личностно-ориентированное обучение и воспитание подрастающего поколения;

3) воспитание здорового образа жизни, развитие детского и юношеского спорта;

4) формирование экологического воспитания, основанного на бережном отношении населения к природе и т. д. [5].

Основные положения Доктрины представлены в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Цель разработки Концепции – определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе (2008-2020 годы) устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе. Концепция направлена на обеспечение возможности получения качественного образования; переход от системы массового образования, к непрерывному индивидуализированному образованию для всех; развитию образования, неразрывно связанному с мировой фундаментальной наукой, ориентированному на формирование творческой социально ответственной личности [6]. Расходы по реализации Концепции в образовательной сфере за счет государственных и частных источников должны к 2020 г. составить 6,5–7% валового внутреннего продукта страны. В соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. стратегической целью является достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России, как ведущей мировой державы XXI в., занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан.

Согласно «Основным направлениям деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года» приоритетными направлениями в образовательной сфере провозглашаются приведение содержания и структуры профессиональной подготовки кадров в соответствие с современными потребностями рынка труда и повышение доступности качественных образовательных услуг [7]. На всех уровнях образования пла-

нируется внедрить образовательные стандарты, с целью обеспечения компетентностного подхода обеспечить взаимосвязь фундаментальных знаний и практических умений, что, в свою очередь, должно отразиться на актуализации системы аттестации работников образовательной сферы, а также на введении нормативно-подушевого механизма оплаты образовательных услуг и механизмов оценки качества и востребованности данных услуг потребителями. Планируется также наращивать потенциал в получении государственных или муниципальных заказов для реализации основных образовательных программ по конкурсу, как государственными, так и негосударственными организациями.

«Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» и «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года» нашли отражение в «Федеральной целевой программе развития образования на 2011-2015 годы», которая является организационной основой государственной образовательной политики. Программа указывает направления по реформированию образовательной сферы страны и обеспечивает их осуществление, предполагает в своей основе учет республиканских, региональных и отраслевых программ развития образования, реализующих специфику национальных и региональных социально-экономических, экологических, культурных, демографических и прочих проектов, и претворяет в жизнь вопросы, отнесенные к ведению субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и отраслевых ведомств в соответствии с законодательством об образовании. Целью Программы является обеспечение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного социально ориентированного развития Российской Федерации, а задачами – модернизация общего и дошкольного образования как института социального развития; приведение содержания и структуры профессионального образования в соответс-

твие с потребностями рынка труда; развитие системы оценки качества образования и востребованности образовательных услуг [3].

Тенденции и проблемы, проявившиеся в российской системе образования в последние годы, а также предпринимаемые с 90-х гг. XX в. попытки реформирования данной сферы в целом и целом находятся в русле общемировых процессов развития национальных систем образования. Специфика и парадокс современной России заключается в том, что по многим параметрам российское образование соответствует аналогичным системам развитых стран, но по экономическим показателям (по оценке ООН) сравнимы лишь с показателями развивающихся стран [2; 3-4].

Модернизация российского образования – важная составная часть социальной политики нашего современного государства, привлекавшая к себе внимание правительства, политических партий, широкой общественности, ведь современное образование – это залог развития России в грядущем столетии. Данные обстоятельства и предопределили специфику современной реформы образования: она стала не сугубо министерским делом (как это было раньше), а проводится с привлечением исследовательских центров, кафедр университетов, ученых и педагогов, экономистов, социологов и философов, психологов и политологов. Впрочем, не всегда реформирование осуществляется по жесткому и строгому плану. Нередко преобразования представляют собой своеобразную цепь проб и ошибок в процессе поиска новых путей развития образования. В некоторых случаях в контекст реформ вплетаются поспешные и непродуманные новшества, отнюдь не способствующие улучшению дел. Процессы обновления и модернизации в образовательной системе часто не поспевают за изменениями в экономике, науке, культуре, в социальных отношениях и общественном сознании.

Имеющее место ухудшение качества образования, на наш взгляд, вызвано несколькими обстоятельствами: во-первых, регулярным его недофинансированием как из государственных, так и из частных источников, и, во-

вторых, господством представлений об образовании как о системе трансляции знаний при игнорировании вопросов формирования навыков и ценностей, необходимых личности в современном информационном обществе.

Модернизация общества предполагает формирование новой культуры, ценностями которой являются самостоятельность и предприимчивость, соединенные с активной гражданской позицией. Совершенно очевидно, что образование призвано сыграть в этом процессе важнейшую роль. Между тем действующая система образования не отражает нужд и запросов современного общества. Несбалансированное, перегруженное материалом сегодняшнее школьное образование вынуждает многих детей расплачиваться своим здоровьем за необходимость освоения нынешних учебных программ. Профессиональное образование, в свою очередь, еще не способно в должной мере решить проблему «кадрового голода». В условиях экономического расслоения общества все эти недостатки усугубились еще и неравным доступом граждан к качественному образованию [1; 7-9].

Состояние образовательной сферы нашего государства требует незамедлительного решения проблемы опережающего развития системы образования: обучения с привлечением информационных технологий, создания единой образовательной информационной среды путем сущностного изменения содержания, методов и организационных форм образования, направленных на повышение его качества. Перечисленные проблемы не могут быть решены только путем использования рыночных механизмов – для этого нужна политическая воля государства.

Таким образом, модернизация образования – это политическая и общегосударственная, общественная и общенациональная задача, она не должна и не может осуществляться как ведомственный проект. Во всех развитых странах образовательные реформы были успешны, если проводились сильной государственной властью совместно с обществом. Интересы общества и государства в области образования далеко не всегда совпадают с от-

раслевыми интересами самой системы образования, а потому проработка и обсуждение этого важнейшего вопроса не могут замыкаться в рамках образовательного сообщества. Активными субъектами образовательной политики должны стать все граждане России, прежде всего семья и родительская ответственность, профессионально-педагогическое сообщество, научные, культурные, коммерческие и общественные институты – все, кто заинтересован в развитии образования.

Российской системе образования необходимы широкая поддержка проводимой образовательной политики со стороны общественности, восстановление ответственной и активной роли государства в этой сфере. Все это позволит российскому образованию достойно конкурировать с системами образования передовых стран мира. Результаты даже самой удачной реформы или модернизации не могут существенно изменить общий характер современного образования, если не содержат стимулов и механизмов смены его концептуальных основ, а этого можно достичь лишь учитывая действие принципа всеобщей связи, законов диалектики, общемировых тенденций.

Современная образовательная политика может стать мощным фактором социального, культурного, политического обновления Российской Федерации, поскольку выступает не только объектом, но и субъектом модернизации, универсальным феноменом, мощным рычагом и внутренним ресурсом этого процесса, основным двигателем развития и накопления интеллектуального и духовного потенциала нации, воспроизведения демократических ценностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Байгарова К.С. Глобализация и проблемы национальной безопасности России: автореферат дисс. ... канд. полит. наук. – М.: ГУУ, 2003. – 24 с.
2. Байгарова К., Мешков А. Безопасность – забота общая // «Европа», журнал Европейской комиссии. – 2001. – №10(17). – С. 3-4.
3. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 годы. Утверждена распоряжением Правительства Рос-

- сийской Федерации от 7 февраля 2011 № 163-р [Электронный ресурс] // Официальный ресурс Министерства образования и науки Российской Федерации [сайт]. [2011]. URL: <http://mon.gov.ru/press/news/8286/> (дата обращения 05.04.2012).
4. Пещеров Г.И., Пещеров В.Г. Социально-политические проблемы развития региональных образовательных систем в контексте социокультурной трансформации Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «История и политические науки». – 2009. – № 4. – С. 198-201.
5. Постановление Правительства РФ от 04.10.2000г. № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 октября 2000г. № 41. Ст. 4089.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1662-р от 17.11.2008г. «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-ресурс Министерства экономического развития Российской Федерации [сайт]. [2008]. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/doc20081117_01 (дата обращения 06.04.2012).
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1663-р от 17.11.2008 «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации [сайт]. [2008]. URL: <http://правительство.рф/gov/results/1173/> (дата обращения 06.04.2012).

УДК 327-027.45(470)

Синчук Ю.В., Синчук И.Ю.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Y. Sinchuk, I. Sinchuk

Moscow State Regional University

TO THE PROBLEM OF RUSSIAN STATE SECURITY

Аннотация. В статье дан анализ современной геополитической ситуации (проблемы безопасности для стран мира, в частности для России, вышли на первый план); при этом подчеркивается особое значение выявления всего спектра внешних угроз безопасности Российской Федерации, как следствия изменившегося геополитического положения. В данном аспекте рассматривается проведение комплекса необходимых мер по своевременному, эффективному и результативному противодействию современным угрозам для российского государства, что является залогом сохранения федеративной целостности, важной целью внешней политики, условием взаимовыгодного сотрудничества со всеми субъектами международной жизни, защиты своих интересов и обеспечения безопасности российских граждан.

Ключевые слова: геополитическая ситуация, национальная безопасность, национальное достояние, информационная безопасность.

Abstract. The article analyzes the modern geopolitical situation in Russia (security problems for the countries of the world, particularly for Russia have become a priority). Meanwhile the article stresses that the detection of the whole range of external threats to the Russian Federation security has special significance, as it is the consequence of the changes in geopolitical situation. Taking this aspect of the problem into account the author scrutinizes the necessity of carrying out the complex of measures aimed at timely, efficient and effective counteracting modern threats to Russia. It is stated that such measures are: a guarantee of the federative integrity maintenance, an important aim of foreign policy, a condition of ensuring mutually beneficial cooperation with all the entities of international activity, a condition of the state interests' protection and ensuring security of the citizens of Russia.

Key words: geopolitical situation, national security, national patrimony, informational security.

© Синчук Ю.В., Синчук И.Ю., 2012.

Геополитическая ситуация для России нестабильна. Изменившееся ее геополитическое положение обуславливает новые вызовы и угрозы безопасности Российской Федерации. На Россию, утратившую прежнее место и роль в мировом геополитическом пространстве, оказывается военное, экономическое, демографическое и информационное давление со стороны сопредельных государств и мировых центров силы.

Россия, являясь частью евразийской цивилизации, как субъект геополитики занимает особое место в мировом центре, консолидирующем цивилизации евразийского блока. Контуры новой внешнеполитической стратегии России уже обозначились, продолжается процесс ее формирования. Геостратегический ландшафт остается прежним. Россия, как и раньше, отличается огромной территорией, большим разнообразием природно-климатических, социально-экономических, политических и культурных факторов.

Результативное противодействие современным угрозам для российского государства становится залогом сохранения федеративной целостности, важной целью внешней политики, условием обеспечения взаимовыгодного сотрудничества со всеми субъектами международной жизни, защиты своих интересов и обеспечения безопасности российских граждан.

В современных условиях особое значение приобретает выявление всего спектра внешних угроз безопасности Российской Федерации, как следствия ее изменившегося геополитического положения, а также проведение комплекса необходимых мер по своевременному противодействию угрозам. Оперативное, точное определение типов угроз геополитической и национальной безопасности, их источников и масштабов, выявление геополитических противоречий способствует созданию равноценной организации системы противостояния им. Таким образом, крайне важно осуществлять политику по обеспечению национальной безопасности так, чтобы существенно поднять геополитический статус Российского государства.

Россия XXI века – самостоятельная цивилизация, со статусом великой евразийской державы, великой по своим экономическим, социальным и духовным достижениям. Историческое будущее России предопределяется объективными факторами – уникальным геополитическим положением России, которая территориально занимает большую часть евразийского континента. Геополитическая привилегия России в том, что она является своеобразным Евразийским мостом, и ее задача осуществлять политику добрососедских отношений по всем азимутам. Целью современной стратегии России является превращение Российской Федерации в развитую демократическую страну, занимающую адекватное ее потенциалу место в мировой политике и экономике. Поиск геополитической идентичности современной России строится с учетом анализа роли и места страны в современном мире, оценки геополитических вызовов национальным интересам, определения наиболее общих подходов к геостратегии России в условиях глобализации. Как отметил В.В. Путин: «Мы будем последовательно исходить из собственных интересов и целей, а не продиктованных кем-то решений. Россию воспринимают с уважением, считаются с ней только тогда, когда она сильна и твердо стоит на ногах. Россия практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Так будет и впредь. Более того, я убежден, что безопасность в мире можно обеспечить только вместе с Россией, а не пытаясь «задвинуть» ее, ослабить ее геополитические позиции, нанести ущерб обороноспособности» [10].

Изучать национальную безопасность начали недавно, примерно в середине сороковых годов XX в. Первыми структурами, взявшими за системное изучение предмета, были финансовые и разведывательные аналитические службы – с очень конкретной спецификой научной направленности. Главным в их деятельности было обеспечение защиты собственных военно-политических интересов [2, с. 13-26].

С появлением угроз глобального масштаба – в первую очередь атомного оружия – ста-

ла очевидной необходимость формирования глобальных систем безопасности, способных определить, сформулировать и обеспечить условия для выживания всего человечества и сохранения цивилизации.

В XXI в. человечество вступило в радикально изменившихся геополитических условиях. В течение последних десяти лет произошло крушение биполярной системы международных отношений, в которой поддерживался определенный баланс сил, позволявший сохранять общую международную безопасность. В мировом развитии возобладали две взаимоисключающие тенденции [4]:

- первая тенденция проявляется в укреплении экономических и политических позиций значительного числа государств и их интеграционных объединений, в совершенствовании механизмов многостороннего управления международными процессами, в становлении многополярного мира;

- вторая тенденция проявляется через попытки создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего военно-силовые, решения проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права, формирование однополярного мира, обеспечивающего выживание «золотого миллиарда» за счет природных ресурсов и населения других стран.

Состояние и перспективы развития современной военно-политической обстановки определяются также качественным совершенствованием средств, форм и способов вооруженной борьбы, увеличением ее пространственного размаха и тяжести последствий, распространением на новые сферы.

Современная Россия в сложившейся международной обстановке при наличии потенциальных опасностей и реальных военных угроз должна воссоздать систему защиты национальной безопасности, в том числе обладать ядерными силами, способными гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору или

коалиции государств в любой обстановке. Обеспечение национальной безопасности является важнейшим направлением государственной политики Российской Федерации, о чем свидетельствует Концепция национальной безопасности Российской Федерации.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 24 от 10 января 2000 года) содержатся исходные положения для выработки системы мероприятий в различных сферах политической деятельности, в том числе и в области обеспечения обороны и военной безопасности страны. Среди важнейших из них: опора на национальные интересы; оценка угроз национальной безопасности России в различных сферах жизнедеятельности общества; анализ системы мер по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации; определение места и роли государства и общественных организаций в решении задач обеспечения безопасности страны и т. д.

На основе положений Концепции национальной безопасности Российской Федерации разработана «Военная доктрина Российской Федерации» (утверждена Указом Президента РФ 21 апреля 2000 г.), представляющая собой совокупность официальных взглядов (установок), определяющих военно-политические, военно-стратегические и военно-экономические основы обеспечения военной безопасности.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537) является базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором излагаются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности. Она является основой для конструктивного взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений для защиты национальных интересов Российской Федерации и обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Основные ориентиры по целям, задачам, принципам и основным направлениям обеспечения информационной безопасности Российской Федерации изложены в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ 9 сентября 2000 г. Это первый постсоветский политический документ, в котором остро поставлен вопрос о сохранении традиционных для российского общества духовных и нравственных ценностей.

В существующих официальных документах и теоретических работах по проблемам национальной (в том числе военной) безопасности понятие «безопасность» определяют как защищенность интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз [4]. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации под информационной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Понимание национальной безопасности как защищенности жизненно важных интересов характерно и для официальных документов США по стратегии национальной безопасности [6]. Национальная безопасность, исходящая из национальных интересов, определяется множеством факторов и условий, поэтому они не могут трактоваться законом. И эта практика в каждом государстве своя: в США – национальные интересы определяются ежегодным посланием Президента Конгрессу, в Великобритании – речью королевы в парламенте.

Национальные интересы как ключевое понятие безопасности используется в США с явно идеологической целью – «прикрыть» активные и агрессивные действия по всему миру весьма респектабельной риторикой обеспечения национальной безопасности.

США стремятся стать мировым лидером, установить новый однополярный «мировой порядок», и своими национальными интересами они объявляют и Каспийский регион, и

Персидский залив, и Афганистан и т. д. Соединённые Штаты Америки, реализуя свои глобальные интересы посредством подкупа политических элит, силового давления и даже бомбардировок, покушаются на национальную (и военную) безопасность других стран, в том числе и России. По мнению Дж. Коллинза, национальная безопасность – это «...искусство и наука об использовании государственной мощи в любых условиях для достижения желаемой степени и формы контроля над противостоящей стороной посредством угроз, силы, непрямого давления, дипломатии, хитрости и любых других средств и тем самым обеспечения интересов и целей национальной безопасности» [13, с. 1-4]. По логике Дж. Коллинза получается, что любое государство, сопротивляющееся попыткам США установить над ним контроль, угрожает национальной безопасности американского государства.

Таким образом, определение безопасности через защищенность интересов противоречиво по смыслу. Защиту даже жизненно важных интересов далеко не всегда можно относить к обеспечению безопасности. Особенно это касается соперничества заинтересованных субъектов за ограниченные объемы жизненно важных для них ресурсов, ценностей, если последние законно принадлежат другим собственникам.

В формулировании основных понятий общей теории безопасности научно обоснован аксиологический (ценностный) подход [9, с. 185-192]. В свете аксиологического подхода исходными, ключевыми понятиями теории безопасности следует взять не понятия интереса и угрозы, а понятия ценности (достоинства, ресурса) и ущерба. С этих позиций под национальной безопасностью правильнее понимать защищенность не национальных интересов, а законно принадлежащих стране, народу ценностей (материальных и духовных) от значимого ущерба. Кстати, и в американских источниках есть аналогичные взгляды. Так, Арнольд Волферс еще в 1962 г. писал: «Безопасность в объективном смысле определяется отсутствием угроз приобретен-

ным ценностям, в субъективном смысле – отсутствием боязни, что эти ценности подвергнутся нападению» [5, с. 88-99].

Аксиологический подход позволяет связать понятийный аппарат в логически стройную систему, где все понятия взаимосвязаны, последовательно выводятся и не противоречат современной науке.

Логическая последовательность построения системы понятий общей теории безопасности, на наш взгляд, такова: ресурс, (достояние, богатство) и его ценность – ущерб – опасность – безопасность [9, с. 185-192].

Под ценностями следует понимать все, что значимо для людей для появления и удовлетворения их потребностей (вещи, их свойства, отношения, процессы и т. д.). Ценности могут быть материальными и духовными.

В опоре на свои потребности любой субъект относится к миру избирательно, имеет ценностные ориентации, относительная устойчивость которых обусловлена постоянно воспроизводимыми потребностями. Как феномен психический (духовный) ценностные ориентации есть отражение потребностей субъекта. Интересы, наряду с мотивами, целями – форма ценностных ориентаций. Они не должны отождествляться с потребностями.

Без субъекта ценность существует лишь потенциально. Причем для разных субъектов, и даже для одного и того же субъекта, в зависимости от потребности, один и тот же объект может представлять совершенно разную ценность, скажем, в одном отношении объект полезен, а в другом – вреден. Поэтому категория ценности должна охватывать позитивные и негативные ценности.

Таким образом, с позиций ценностного подхода национальную безопасность логичнее определить как защищенность от получения значимого ущерба национальному достоянию (ценностей, ресурсов). Она достигается тогда, когда величина (с учетом вероятности) возможного ущерба этому достоянию (по отношению к любому из существующих источников опасности) меньше уровня, начиная с которого требуется принятие мер по его

предотвращению, снижению. Основной критерий деятельности по обеспечению безопасности – величина предотвращенного ущерба (конечно, с учетом вероятности). Предотвращать ущерб можно посредством уменьшения как его величины, так и вероятности получения.

В обеспечении безопасности основным предметом защиты являются национальные, общественные, личные ценности (материальные и духовные), а для информационной безопасности – информация, информационный ресурс субъекта как самоценность, или же как фактор, существенно влияющий на результаты его деятельности (экономической, политической, военной и т. п.) и затраты на их получение.

С научной точки зрения, информационная безопасность – защищенность от получения значимого информационного ущерба или иного ущерба (экономического, политического и т. д.), наносимого посредством информационных воздействий. Ключевыми понятиями информационной безопасности должны стать понятия ценных информационных ресурсов и ущерба, а критерием эффективности ее обеспечения – величина предотвращенного ущерба, в первую очередь информационного (естественно, с учетом вероятности) [9, с. 171-173].

В сложной геополитической обстановке перед Россией как представительницей евразийского блока стоят стратегические цели – выход на уровень экономического и социального развития, соответствие статусу ведущей мировой державы XXI в., занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции, надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. Достижение этих целей позволит России занять место в мире как субъекта геополитики – мирового центра, консолидирующего цивилизации евразийского блока [12, с. 60-66].

В недалеком прошлом военная опасность со стороны США и стран НАТО для СССР носила многоцелевую направленность. После распада Советского Союза и резкого ослаб-

ления военного могущества России эта опасность со стороны НАТО сохраняется, однако, ее направленность теперь изменилась. США и НАТО поддерживают напряженность военно-политических отношений с Россией, но при этом избирательно ставят цели – продолжать ослабление обороноспособности нашей страны, не допускать Россию в военные союзы, воспретить доступ к новым военным технологиям, закрыть для нее рынки вооружения, ограничить военное влияние России на страны ближнего зарубежья и т. д. [3, с. 152].

Ускорение процесса вовлечения восточно-европейских стран в НАТО, втягивание их в антироссийские акции (Босния и Герцеговина, военные действия против Югославии из-за проблемы Косово) убедительно показывают подлинное лицо НАТО, и особенно США, в отношениях с Россией.

На смену опасности глобального уничтожения, характерной для периода холодной войны, пришли международный терроризм и организованная преступность, воинствующий сепаратизм и межэтнические противоречия, незаконный оборот оружия, наркотиков и другие негативные явления, которые наблюдаются во всех приграничных регионах России. Международное сообщество и отдельные государства оказались не готовыми к эффективному противостоянию этим опасностям. Более того, появилась тревожная тенденция, когда внешние силы пытаются «поиграть» на региональных проблемах, что приводит к крайне негативным последствиям для национальной безопасности.

Серьезную угрозу национальной безопасности на современном этапе представляет информационное противоборство, которое усиливается с продвижением НАТО на Восток. Несмотря на официальные систематические заявления о миролюбии и партнерстве, против России и её армии рядом стран ведется нарастающая информационно-психологическая деятельность, в том числе и через российские средства массовой информации, с целью подрыва морального духа войск и деморализация населения. В этой связи Государственная дума Российской Федера-

ции приняла заявление «О недопустимости использования российских средств массовой информации в психологических операциях Организации Североатлантического договора». Это касается информационной империи «Медиа-Мост» (НТВ и региональная ТВ-сеть, «Эхо Москвы», газеты «Известия», «Сегодня», «Общая газета», журнал «Итоги») [1]. Наполеон высоко оценивал возможности средств идеологического воздействия, говоря, что «три враждебные газеты опаснее 100 тысяч вражеского войска».

Особым нападкам в средствах массовой информации подвергается все связанное с моральными основами армии, отношение к военнослужащему остается негативное, происходит снижение социального статуса военнослужащего в российском обществе (социально-правовая незащищенность), падение престижа воинских профессий в общественном мнении. С экранов телевизоров, на страницах газет часто публикуются материалы и инструкции с советами, как уклониться от службы, создаются различные антимилицаристские пацифистские организации [7]. При этом забывается, что любая армия является символом государственности, символом богатства, достоинства страны, и в этой связи, если страна находится в низшем состоянии, если предшествующие поколения – по мнению потомков – «неправильно» прожили жизнь, то вряд ли можно считать, что такое государство может иметь уважаемые символы своего существования, прежде всего в лице вооруженных сил. Когда армия относилась к государству, её офицерский корпус почти всегда формировался из элит, всегда считалось достоинством, что высшее общество обучает своих детей в военных школах. Поэтому если посмотреть на отношение тех хозяев жизни, которые олицетворяют нашу страну сегодня, то становится ясно, что они не стремятся направлять своих сыновей в армию [12, с. 60-66].

На современном этапе негативные изменения произошли в морали, психике и духовной сфере общества. Этому способствовали деидеологизация, отсутствие скрепляющей общенациональной идеи. И как результат

– нравственная дезориентация молодых людей. В этих условиях подверглись девальвации (обесценились) национальные духовные ценности, которые всегда, независимо от политической конъюнктуры, являлись цементирующими в обществе, в армии – чувство патриотизма, готовность служить Отечеству, верность воинскому долгу, гордость за принадлежность к Вооруженным силам России.

В таких условиях открывается широкий диапазон для ведения информационной войны противником. На заседании «круглого стола» по теме: «Средство защиты мира и безопасности?» отмечалось, что информационное оружие применяется успешно против людей в психологической сфере тогда, когда у человека нет убеждений, нет гордости, когда человека можно легко обмануть [11, с. 231].

Серьезную опасность российскому обществу представляет «культурный империализм». Это слово взято из французских исследований, и, в частности, было определено таким образом в 1982 г. Жаком Лонгом. Культурный империализм – это империализм, который захватывает большие территории тем, что подчиняет себе сознание, образ мышления, образ жизни. Культурный империализм убеждает, что один набор ценностей лучше другого. Самым унижительным видом поражения является культурное поражение. Это единственное поражение, которое никогда нельзя забыть, потому что вину за него нельзя возложить на невезение или варварство врага. Оно влечет за собой не только признание собственной слабости, но и унижение в необходимости спасать себя, учась у победителя, которому приходится подражать, ненавидя его [11, с. 230].

Таким образом, в современной суровой действительности наиболее актуально ста-

вится вопрос об обеспечении национальной безопасности России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Будников А.М. Новая холодная война? // Вечерний Новосибирск. – 1999. – 28 мая.
2. Гапоненко В.С., Лактионов В.И. Национальная безопасность как объект системного анализа // Информационный сборник по зарубежным странам и армиям. – М.: ГШ ВС РФ, 2002. – № 1(134).
3. Евстафьев Д.Г. Современная американская военная политика // США в новом мире: пределы могущества. – М.: РИСИ, 1997.
4. Закон Российской Федерации «О безопасности» // Ведомости Съезда депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 15/52/.
5. Копылов А.В. О понятии «национальная безопасность» в американской политологии // Безопасность. – 1996. – № 3-4.
6. Национальная военная стратегия США (перевод). – М., 1992.
7. Павленко С. На скамье подсудимых за свой счет // Красная звезда. – 1998. – 28 апреля.
8. Поздняков А.И. Информационная безопасность страны и Вооруженных Сил // Национальная безопасность: актуальные проблемы. – М.: ВАГШ, 1999.
9. Поздняков А.И. О понятийном аппарате теории безопасности (аксиологический подход) // Безопасность. – 2002. – № 7-8.
10. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. – 2012. – Февраль.
11. Рубанов В.А. Средство защиты мира и безопасности? (Материалы «круглого стола») // Безопасность Евразии. – 2001. – № 1. – Январь-март.
12. Синчук Ю.В. Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность. – 2012. – № 3(19).
13. John M. Collins. Grand Strategy: Principles and Practices, 1973. Definitions of Grand or National Security Strategy and Statecraft // Course 1: Foundations of National Security Strategy. National War College. - Washington, DC, 1993.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 329.21(470) “20” (949.32)

Рубан М.В.

Московский государственный областной университет

ВОЖДИ ПРАВОМОНАРХИСТОВ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ЛИДЕРСТВА В СОЮЗЕ РУССКОГО НАРОДА (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Д.Д. БОГОЯВЛЕНСКОГО «ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА В СОЮЗЕ РУССКОГО НАРОДА»)

M. Ruban

Moscow State Regional University

THE LEADERS OF RIGHT MONARCHISTS: TO THE QUESTION OF LEADERSHIP IN “THE UNION OF THE RUSSIANS” (THE REVIEW OF D.D. BOGOYAVLENSKIY MONOGRAPH “THE PROBLEM OF LEADERSHIP IN THE UNION OF THE RUSSIANS”)

Аннотация. В статье-рецензии, на основе анализа структуры и содержания монографии Д.Д. Богоявленского «Проблема лидерства в Союзе русского народа», дается оценка научной значимости рецензируемой работы. Рассматривается вклад исследования Д.Д. Богоявленского в изучение правомонархического движения. Раскрываются тематические сферы возможного применения результатов изучения феномена «вождизма» в крайне правом движении в Российской империи начала XX в., выявляются перспективы углубления исследования проблемы лидерства в правомонархическом лагере.

Ключевые слова: Союз русского народа, рецензия, лидерство, вождь, правомонархическое движение, крайне правый.

Abstract. The article-review gives an appraisal of the scientific value of D.D. Bogoyavlenskiy's monograph “the Problem of Leadership in the Union of the Russians” on the basis of its structure and content analysis. The author examines D.D. Bogoyavlenskiy's contribution to the study of the right monarchists' movement and discloses the possible thematic spheres of studying the phenomenon of “the cult of the leader” which is one of the characteristics of the ultra-right movement in the Russian Empire of the early XXth century. The perspectives of a more profound research of this problem are mentioned.

Key words: the Union of the Russians, review, leadership, leader, right wing of monarchists' movement, ultra-right.

В центре внимания докторанта кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета (МГОУ) кандидата исторических наук Д.Д. Богоявленского – политическая карьера вождей крупнейшей партии Российской империи – Союза русского народа, игравших ключевую роль в функционировании крайне правого движения в России в начале XX в.

Выбор исследуемой проблемы актуален в настоящее время, когда активно дискутируется вопрос о месте и роли традиционных ценностей в модернизирующемся обществе.

Новизна работы состоит в том, что в ней впервые сделан акцент на проблему лидерства в одной из ведущих организаций правомонархического толка – Союзе русского народа. К

раскрытию данной проблемы автор подходит комплексно, анализируя ее в контексте эволюции консервативной идеологии, с учетом трансформации программных документов крайне правых движений и изменений в стратегии и тактике политической деятельности черносотенцев.

В первой главе дается подробный обзор использованной литературы. Д.Д. Богоявленский продемонстрировал глубокое знание историографии, включая новейшие исследования (А.А. Иванова [1; 2], Ю.И. Кирьянова [3; 4], И.В. Омелянчука [5], С.А. Степанова [6]). Автор пришел к обоснованному выводу о том, что, несмотря на наличие исторической литературы о правомонархическом движении в целом, проблема лидерства в нем заслуживает отдельного исследования, так как до сих пор не нашла специального отражения в научной литературе и остается малоизученной.

Д.Д. Богоявленский привлек к исследованию широкий круг источников, в том числе материалы правомонархических партий (Союза русского народа и Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (далее – СРН, ВДСРН)), документы личного происхождения и др., что заслуживает особого внимания. В рецензируемой монографии приведены результаты изучения периодической печати крайне правых партий и публицистического наследия их лидеров. Все это свидетельствует о том, что автор свободно владеет материалом, содержащимся во множестве различных источников.

Помимо анализа историографии и источниковой базы, автор рассматривает в первой главе деятельность лидеров СРН в период зарождения правомонархического движения, во время формирования и функционирования Союза вплоть до раскола в 1912 г., обосновывает преимущество идеологии крайне правых по отношению к российским консервативным мыслителям рубежа XIX–XX вв., описывает начало политической карьеры лидеров СРН, взлет которой совпал с общим подъемом правомонархического движения в 1905–1907 гг. Существенное место в работе

отведено отношениям лидеров между собой и правительством, их роли во внутрипартийном конфликте, послужившем одной из причин распада самой крупной политической организации крайне правых. Руководствуясь материалами источников, приведенных в монографии, автор приходит к аргументированному выводу о ведущей роли в расколе СРН государственной власти, идеологических разногласий, межличностных отношений и личных свойств характера лидеров (бескомпромиссность, догматизм и т. д.).

Во второй главе, подкрепляя свою позицию анализом источников, автор доказывает, что идеологические различия между лидерами СРН имели место по вопросам функционирования Государственной думы, деятельности правительства и проведения земельной реформы. Расхождения во мнениях по основным проблемам и непрекращающийся конфликт помешали преодолеть кризис в правомонархическом движении, объединиться крайне правым для оказания поддержки правительству и противоборства с Прогрессивным блоком. Описывая реакцию лидеров СРН на такие события, как дело Бейлиса, Первая мировая война, создание Прогрессивного блока, Д.Д. Богоявленский уделяет внимание и весьма острым вопросам, в частности, о правительственных субсидиях и отношении правых к еврейскому вопросу.

В завершающей части исследования автор представил основные его результаты, заключающиеся в следующем:

- определены обстоятельства формирования института лидерства в СРН, статус лидеров, их круг, численный и социальный состав;
- тщательно изучена деятельность лидеров СРН: содержание, условия и механизмы функционирования последних как партийных организаторов, функционеров и идеологов, их пропагандистская работа, выявлены характерные черты лидерства в СРН;
- освещены роль лидеров в формировании и развитии конфликта в СРН и негативные тенденции в их деятельности, способствовавшие краху партии.

Учитывая изложенное, можно признать, что настоящая монография представляет существенный научный интерес.

К числу недостатков, не влияющих в целом на положительную оценку работы, следует отнести, прежде всего, некоторую незавершенность сюжета о публицистической деятельности лидеров СРН. Стоило привлечь большее число газетных источников. В частности, публицистика региональных лидеров и функционеров СРН в провинциальной печати представлена в незначительной степени. Желательно было бы уделить больше внимания лидерам «второго плана» и вождям региональных отделений Союза. Этому могло способствовать более подробное исследование механизмов связи руководящего аппарата СРН с региональными отделениями.

Указанные недостатки не снижают ценности и не меняют общей положительной оценки монографии. В целом данная работа вносит вклад в изучение политической истории России в переломные годы начала XX в.

Материалы и выводы, представленные в монографии, могут быть использованы как в

общеисторических трудах, так и в лекционных курсах по истории России. Кроме того, исследование Д.Д. Богоявленского позволяет лучше изучить пути модернизации общества, предлагаемые традиционалистами, опыт изучения проблемы лидерства в Союзе русского народа может стать основой для расширения научной базы по проблематике истории политических партий и движений в России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870-1920). – СПб.: Альянс-Архео, 2011. – 441 с.
2. Иванов А.А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 208 с.
3. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 464 с.
4. Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900-1917. – М.: РОССПЭН, 2003. – 352 с.
5. Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914): Монография. – Киев: МАУП, 2006. – 744 с.
6. Степанов С.А. Черная сотня. – М.: Эксмо; Яуза, 2005. – 544 с.

МЕЖВУЗОВСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ МАШИНОСТРОЕНИЯ

28 ноября 2012 г. в Московском государственном машиностроительном университете (МАМИ) прошла конференция «Актуальные проблемы гуманитарных, социально-экономических наук и теоретические и прикладные аспекты высшего образования». Организаторы научного мероприятия – кафедра истории и политологии МАМИ – приурочили проведение конференции к Году российской истории, а также к сорокалетнему юбилею кафедры.

Конференция носила межвузовский характер. В ее работе приняли участие профессора, преподаватели и аспиранты из МГМУ «МАМИ», МГУ им М.В. Ломоносова, СГУ и МГОУ.

Открыл конференцию ректор МГМУ, д.э.н., профессор А.В. Николаенко. В своем выступлении он отметил значимость изучения дисциплин гуманитарного профиля в технических вузах, а также наградил почетными грамотами ветеранов кафедры истории и политологии МГМУ и ее заведующего к.и.н., доцента М.В. Рыбину.

Продолжил приветствие от имени ректора первый проректор, д.т.н., профессор И.И. Колтунов, пожелавший коллективу кафедры истории и политологии дальнейших научных и творческих успехов.

В своем вступительном слове заведующий кафедрой М.В. Рыбина рассказала об основных вехах истории кафедры, а также об основных задачах, стоящих перед кафедрой сегодня. Как отметила М.В. Рыбина, профессорско-преподавательский состав кафедры подготовил целый ряд научных статей, монографий, учебных пособий, члены кафедры принимали участие в работе региональных, всероссийских и международных конференций.

С приветственным словом от имени исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова выступила зам. зав. кафедрой ис-

точниковедения истфака МГУ, к.и.н., доцент Абрамова Н.Г.

После приветственных слов началась научная часть. С первым докладом выступили к.и.н., доцент Грико Т.И. (МГМУ) и к.и.н., доцент Круглова Т.А. (МГУ), посвятившие свое выступление истории здания, в котором расположен сегодня Университет машиностроения.

Актуальным проблемам исторической науки были посвящены и другие выступления. Сообщение аспиранта исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Петраковой В.И. было посвящено участию советских женщин в Великой Отечественной войне; аспиранта Саратовского государственного университета Васильченко М.А. – взаимоотношениям Чехословацкого корпуса с советской властью в годы Гражданской войны. Обстоятельный доклад о реформе местного управления, проведенной Екатериной II, прозвучал из уст к.и.н., доцента Московского государственного областного университета Соловьева Я.В.

Исторической тематикой конференция не была ограничена. С докладом, содержащим анализ проблематики политической стратификации общества в российской политологии выступил к.п.н., доцент Московского государственного областного университета Абрамов А.В. Политическую тематику развил к.п.н., доцент МГОУ Алексеев Р.А., посвятивший свой доклад истории становления и развития правового государства в России. Д.ф.н., профессор Университета машиностроения Пырин А.Г. рассмотрел проблему вертикали и горизонтали власти в России.

Наряду с политологической тематикой, внимание на конференции было уделено и проблемам современной высшей школы. Этой теме был посвящен доклад д.ф.н., профессора, зав. кафедрой социологии МГМУ Михалкина Н.В. «Место и роль обществен-

ных наук в подготовке современного инженера». К.филол.н., профессор, зав. кафедрой русского языка МГМУ Анохина Т.Я. отметила специфику преподавания художественной литературы студентам-иностранцам. К.ф.н., доцент Кафырин Е.А. (МГМУ) свое выступление посвятил культурологическим аспектам в формировании компетенций у студентов.

На конференции прозвучали и доклады, затрагивающие экономическую тематику. Д.э.н., профессор, зав. кафедрой бухгалтерского учета и финансов предприятия МГМУ Рожнова О.В., рассказала о проблемах бухгалтерского учета в условиях кризисного состояния экономики. К.э.н., доцент МГМУ Горохова А.Е. выступила с докладом «Фандрайзинг как эффективная форма привлече-

ния ресурсов в регионы». Свои выступления подготовили и аспиранты Университета машиностроения Курицын А.В. и Новиков А.Д.

Таким образом, на конференции были представлены разные направления социально-гуманитарных исследований, что вызвало живой отклик у аудитории и дискуссии по многим вопросам, зачастую выходящим за рамки поставленных докладчиками тем.

Конференция прошла в доброжелательном ключе. Гости и участники высоко оценили значимость подобных встреч для укрепления межвузовского сотрудничества в частности и социально-гуманитарных наук вообще.

Е.В. Панин

НАШИ АВТОРЫ

Барабанов Максим Валерьевич – кандидат политических наук, докторант кафедры зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; e-mail: ivan1948@yandex.ru

Белов Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (г. Москва); e-mail: belovavhist@mail.ru

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: volobuevov@yandex.ru

Джантуева Фатима Рашитовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (г. Нальчик); e-mail: kob-dfr@mail.ru

Егунов Эдуард Валерьевич – преподаватель кафедры бухгалтерского учета и управления Тюменского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: acmataev@mail.ru

Жирыков Иван Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, декан исторического факультета, заведующий кафедрой зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А.Шолохова; e-mail: ivan1948@yandex.ru

Захаров Алексей Николаевич – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: legion2581@yandex.ru

Захаров Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: v.zakharov@inbox.ru

Захарова Анна Александровна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: a.a.zaharova@yandex.ru

Коровчинский Иван Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета; e-mail: korin3@yandex.ru

Курина Татьяна Евгеньевна – аспирант кафедры туризма Российской международной академии туризма (г. Химки Московской области), методист кафедры безопасности жизнедеятельности Московского городского педагогического университета; e-mail: gris2012@rambler.ru

Макаренков Максим Вячеславович – аспирант кафедры зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; e-mail: mgoru-pokrov@mail.ru

Матаев Александр Сергеевич – кандидат физико-математических наук, заместитель директора Тюменского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: acmataev@mail.ru

Машкин Михаил Николаевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник-консультант Института всеобщей истории Российской академии наук (г. Москва); e-mail: dir@igh.ru

Никитаева Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: enikitaeva@mail.ru

Панин Евгений Валерьевич – старший преподаватель кафедры истории и политологии Московского государственного машиностроительного университета (МАМИ); e-mail: ehonko@mail.ru

Попкова Алена Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой бухгалтерского учета и управления Тюменского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: APopkova@yandex.ru

Растимешина Татьяна Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Московский институт электронной техники); e-mail: v1-bit@yandex.ru

Рубан Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: facul-ipp@mgou.ru

Рудакова Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии (г. Люберцы Московской области); e-mail: elena_nikolaevna_rf@mail.ru

Синчук Игорь Юрьевич – соискатель кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета; e-mail: sinchukjv@mail.ru

Синчук Юрий Владимирович – доктор педагогических наук, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: sinchukjv@mail.ru

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета; e-mail: safronov1477@yandex.ru

Собко Елена Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры сценической речи и русского языка Московского государственного университета культуры и искусств; e-mail: esobko@mail.ru

Трухин Михаил Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: aristei2007@yandex.ru

Фирсов Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной педагогики Московского государственного областного университета; e-mail: mihail_firsov@mail.ru

Харрасов Фидан Фатахович – аспирант кафедры истории отечества и методики преподавания истории Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой, финансовый консультант филиала ОАО «Банк Уралсиб» в г. Стерлитамак; e-mail: lav_darling@mail.ru

ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «История и политические науки» 2012. № 5

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *И.А. Потапова*
литературный редактор *О.О. Волобуев*
переводчик *Е.В. Приказчикова*
корректор *Н.Л. Борисова*
компьютерная верстка *А.В. Тетерин*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 450 экз. Уч.-изд. л. 12,5, усл. п.л. 19,5.
Подписано в печать 20.12.2012. Заказ № 638.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а

К сведению авторов «Вестника МГОУ»

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат». Отдел по изданию научного журнала «Вестника МГОУ» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Статьи, не соответствующие требованиям Отдела по изданию «Вестника МГОУ», решением редакционной коллегии серии не публикуются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором предметной серии. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть издательские расходы «Вестника МГОУ» на ее публикацию. В журнале не будут публиковаться статьи авторов, не предоставивших квитанцию почтовой подписки на «Вестник МГОУ».

Для публикации научной статьи в определенной серии «Вестника МГОУ» автору необходимо предоставить в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: 1) авторскую анкету; 2) заявление на имя ответственного редактора (оригинал или факсимильную копию); 3) выписку из заседания кафедры (отдела, сектора), где выполнялась работа (оригинал или факсимильную копию); 4) текст статьи в электронном виде; 5) квитанцию о полугодовой подписке (оригинал или факсимильную копию); 6) внешнюю рецензию (отзыв) (оригинал или факсимильную копию).

По вопросам публикации следует обращаться в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: статья регистрируется автором в Отделе, после чего проходит внутреннее рецензирование и при положительной рецензии и наличии необходимых документов принимается к публикации.

В случае положительного решения вопроса о публикации, автор, предоставивший свою статью в определенную серию «Вестника МГОУ», выражает согласие на размещение полного текста статьи в сети Интернет на официальных сайтах журнала «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik.mgou.ru) и Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) (См.: ст. 1286 и 1238 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Одновременно автор дает согласие на доступ своих персональных данных неограниченному кругу лиц.

Подробная информация об оформлении статей и условиях их публикации размещена на сайте журнала (<http://vestnik-mgou.ru>), пункт «Информация для авторов».

По финансовым и организационным вопросам публикации статей
обращаться в Отдел по изданию журнала «Вестник МГОУ» к Потаповой Ирине Александровне
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98;
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;
e-mail: vest_mgou@mail.ru